Ars Administrandi (Искусство управления)
Научное издание
2025. Т. 17, № 2 (200–420)

Основано в 2009 году
Выходит 4 раза в год

Учредитель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Издается на кафедре государственного и муниципального управления историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

Журнал включает в себя авторские статьи по вопросам государственного и муниципального управления, экономики и политологии. Издание публикует как теоретические статьи, так и основанные на результатах эмпирических исследований. Особое внимание уделяется теориям управления, пространственной и региональной экономики; эффективности как государственных отраслевых политик в целом, так и различных управленческих структур в частности; роли политико-экономических институтов в развитии государства и общества; управлению публичной политикой; деятельности органов публичной власти; развитию человеческого потенциала, государственной и муниципальной службы; информационным и цифровым технологиям в публичном управлении и экономике; взаимодействию государственных институтов и гражданского общества; локальным управленческим практикам, а также различным аспектам региональной экономики, включая государственное регулирование экономики, проблемы моногородов, территориальную организацию населения, агломерирование и ряд других

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научной специальности: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-66778 от 08.08.2016

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписка на журнал осуществляется на сайте «Урал Пресс» (https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8648137/). Подписной индекс – 41047

Главный редактор журнала – Елена Андреевна Третьякова,
доктор экономических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, e.a.t.pnrpu@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-9345-1040
SPIN-код (РИНЦ): 5846-1742
AuthorID (РИНЦ): 453819
Web of Science ResearcherID: M-7494-2017
Scopus Author ID: 55888410400

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Иван Александрович Антипин, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Мария Александровна Богомолова, кандидат технических наук, доцент кафедры математического моделирования в экономике и управлении Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель директора института информационных технологий, математики и механики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Яна Юрьевна Бондарева, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики и экономической безопасности Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Надежда Владимировна Борисова, доктор политических наук, доцент, декан историко-политологического факультета, профессор кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Марина Валентиновна Владыка, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры прикладной экономики и экономической безопасности Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Елена Георгиевна Коваленко, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры статистики и информационных технологий в экономике и управлении Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

Галина Борисовна Козырева, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела институционального развития регионов Института экономики Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, Россия

Наталья Сергеевна Козырь, кандидат экономических наук, доцент кафедры кибербезопасности и защиты информации Института компьютерных систем и информационной безопасности Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия

Елена Викторовна Курушина, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и организации производства Тюменского индустриального университета, Тюмень, Россия

Мария Викторовна Назукина, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, Россия

Илья Викторович Наумов, кандидат экономических наук, заведующий лабораторией моделирования пространственного развития территорий Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

Антонина Владимировна Селезнева, доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Сергей Алексеевич Сергеев, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия

Елена Андреевна Третьякова, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – **главный редактор**

Елизавета Александровна Троицкая, кандидат политических наук, исполняющая обязанности заведующей кафедрой государственного и муниципального управления, старший научный сотрудник Центра делового образования Регионального института непрерывного образования Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – **заместитель главного редактора**

Анна Александровна Урасова, доктор экономических наук, доцент, директор Пермского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Юлия Викторовна Усова, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия

Марина Валериевна Цуркан, доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления Института экономики и управления Тверского государственного университета, Тверь, Россия

Наталья Анатольевна Шибаева, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и государственного управления Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, Орел, Россия

Станислав Николаевич Шкель, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора социологии власти и гражданского общества Социологического института РАН, Санкт-Петербург, Россия

Адрес учредителя и издателя:
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакции:
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
кафедра государственного и муниципального управления
Тел.: (342) 239-66-89
E-mail: arsadmag@yandex.ru
Сайт: ars-administrandi.com

© Редакционная коллегия, 2025

Ars Administrandi
Scientific Journal
2025. Vol. 17, no. 2 (200–420)

Founded in 2009
Published 4 times a year

Publisher: Perm State University

Published by Department of State and Municipal Governance, Perm State University

The journal includes the contributory articles on issues of theory and practices of state and municipal governance, economics, and political sciences. We publish both theoretical articles and those based on the results of empirical research. A special emphasis is placed on the issues of governance, spatial and regional economics; the effectiveness of both sectoral public policies in general and various governance structures in particular; the role of political and economic institutions in the state and society development; public policy governance; activities of public authorities; human development management, state and municipal service; information and digital technologies in public administration and economy; interaction between state institutions and civil society; local management practices, as well as various aspects of the regional economy, including state regulation of the economy, problems of single-industry towns, territorial organization of the population, agglomeration, etc.

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific publications
in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science,
for the degree of Doctor of Science should be published for the following academic specialty:
5.5.2. Political institutions, processes, techniques (Political Sciences)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) – Certificate PI no. FS77-66778 dated Aug. 8, 2016

Distributed within the Russian Federation and abroad

You can subscribe to the journal on the website "Ural-Press" (https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8648137/).
Subscription index – 41047

Chief Editor – Elena A. Tretyakova,
Doctor of Economics, Professor, Perm State University, Perm, Russia, e.a.t.pnrpu@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0002-9345-1040
SPIN code (RSCI): 5846-1742
AuthorID (RSCI): 453819
Web of Science ResearcherID: M-7494-2017
Scopus Author ID: 55888410400

EDITORIAL BOARD

Ivan A. Antipin, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Regional, Municipal Economics and Management, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Maria A. Bogomolova, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Mathematical Modeling in Economics and Management, Nizhny Novgorod Institute of Management, the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Deputy Director for Development of the Institute of Information Technology, Mathematics and Mechanics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Yana Yu. Bondareva, Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Applied Economics and Economic Security, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Nadezhda V. Borisova, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Political Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russia

Elena G. Kovalenko, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Statistics and Information Technologies in Economics and Management, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

Natalya S. Kozyr, Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Cybersecurity and Information Protection, Institute of Computer Systems and Information Security, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Galina B. Kozyreva, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Regional Institutional Development, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia

Elena V. Kurushina, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Production Management, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Ilya V. Naumov, Candidate of Economics, Head of the Laboratory for Modeling Spatial Development of Territories, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Maria V. Nazukina, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher of the Institute for Humanitarian Studies, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

Antonina V. Selezneva, Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Sergey A. Sergeev, Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Political Science, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Natalya A. Shibaeva, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Public Administration, Orel State University, Orel, Russia

Stanislav N. Shkel, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Sector of Sociology of Power and Civil Society, The Sociological Institute of the RAS, St. Petersburg, Russia

Elena A. Tretyakova, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of State and Municipal Governance, Perm State University, Perm, Russia – **Chief Editor**

Elizaveta A. Troitskaya, Candidate of Political Sciences, Acting Head of the Department of State and Municipal Governance, Senior Research of the Center for Business Education at the Regional Institute for Continuing Education, Perm State University, Perm, Russia **– Deputy Chief Editor**

Marina V. Tsurkan, Doctor of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration, Institute of Economics and Management, Tver State University, Tver, Russia

Anna A. Urasova, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the Perm Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of State and Municipal Governance, Perm State University, Perm, Russia

Yuliya V. Usova, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of International Relations, Political Science and World Economy, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Marina V. Vladyka, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Applied Economics and Economic Security, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Publisher address:
Perm State University, 15 Bukirev Str., Perm, 614068, Russia

Editors address:
Department of State and Municipal Governance, Perm State University,
15 Bukirev Str., Perm, 614068, Russia
Tel. +7(342)239-66-89
E-mail: arsadmag@yandex.ru
Web-site: ars-administrandi.com

© Editorial Board, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

I. ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ, ПРОСТРАНСТВЕННОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Шавеко Н. А. Два поколения теории совещательной демократии в контексте формирования общегражданской российской идентичности 200

Низамутдинов М. М., Аитова Ю. С., Орешников В. В. Методологические подходы, модели и инструментальные средства информационной поддержки процессов стратегического планирования развития разноуровневых территориальных социально-экономических систем 217

Иванов С. Л. Подход к оценке уровня цифровизации бизнеса в российских регионах 243

II. УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

Пьянкова С. Г., Ергунова О. Т. Трансформация базовых компетенций человеческих ресурсов в эпоху цифровизации 267

III. ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКОЙ

Грабевник М. В. Сценарии институционального реформирования в отношении венгерских территориальных сообществ: сравнительный анализ Румынии, Словакии и Сербии 295

Лекторова Ю. Ю., Прудников А. Ю., Колкутина В. П., Слюсарь Н. Н. Экологическая политика в нефтедобывающих регионах Сибири и Урала: имплементация механизмов защиты окружающей среды 321

IV. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Алмаматов А. А. Эффективность мер государственной информационной поддержки некоммерческих организаций в регионах России 355

V. РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И РЕГИОНАЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Сысоева О. В., Васина А. В., Киселева О. Н., Горячева Т. В. Кластеризация регионов по уровню достижения целей устойчивого развития при укреплении технологического суверенитета страны 374

Рогач О. В. Потенциал участия бизнеса в развитии социальной инфраструктуры (на основе оценок общественного мнения) 403

CONTENTS

I. THEORIES OF PUBLIC ADMINISTRATION, SPATIAL AND REGIONAL ECONOMICS

Shaveko, N. A. Two generations of deliberative democracy and Russian national identity development 200

Nizamutdinov, M. M., Aitova, Iu. S. and Oreshnikov, V. V. Methodological approaches, models and tools for information support of strategic planning processes in the multilevel territorial socio-economic systems development 217

Ivanov, S. L. An approach to assessing the level of business digitalization in Russian regions 243

II. HUMAN DEVELOPMENT MANAGEMENT

Pyankova, S. G. and Ergunova, O. T. Human resources basic competences transformation in the age of digitization 267

III. PUBLIC POLICY AND PUBLIC POLICY MANAGEMENT

Grabevnik, M. V. Institutional reforms scenarios for Hungarian territorial communities: Comparative analysis of Romania, Slovakia and Serbia 295

Lektorova, Ju. Iu., Prudnikov, A. Iu., Kolkutina, V. P. and Sliusar, N. N. Environmental policy in oil-producing regions of Siberia and the Urals: Implementation of environmental protection mechanisms 321

IV. INTERACTION BETWEEN THE STATE AND CIVIL SOCIETY

Almamatov, A. A. The efficiency of state information support for non-profit organizations in the Russian regions 355

V. REGIONAL ECONOMY AND REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT

Sysoeva, O. V., Vasina, A. V., Kiseleva, O. N. and Goryacheva T. V. Regions clusterization by achieving sustainable development while strengthening the technological sovereignty of the country 374

Rogach, O. V. Potential for business participation in the development of social infrastructure (based on public opinion assessments) 403

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам в сфере государственного и муниципального управления, экономики и политологии.

География авторов принимаемых к публикации статей охватывает как российских, так и иностранных научных и научно-педагогических работников, а также депутатов, руководителей и специалистов органов публичной власти. Основным языком журнала является русский. Также статьи могут быть опубликованы на английском языке.

Автору необходимо подать статью через сайт журнала http://ars-administrandi.com или направить ее на электронную почту журнала arsadmag@yandex.ru.

Редакция принимает статьи (материалы) объемом от 20 до 60 тыс. печатных знаков (основной текст, с пробелами).

Плата за публикацию рукописей не взимается.

К каждой научной статье должны быть приложены сведения об авторе (соавторах) рукописи, лицензионный договор, согласие на обработку персональных данных.

Автор (соавторы) предоставляет(ют) издателю журнала (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его (их) статьи в составе публикаций журнала, а также на воспроизведение статьи в любых базах данных.

Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Объем прав издателя на использование журнала в целом соответствует объему принадлежащего автору (соавторам) исключительного права, предусмотренного ст. 1270 ГК РФ. Издатель вправе также разрешить использование журнала в целом другим лицам на определенных условиях по его усмотрению.

Автор (соавторы) включенной в журнал статьи сохраняет(ют) исключительное право на нее независимо от права издателя на использование журнала в целом.

Авторское вознаграждение за предоставление автором (соавторами) издателю указанных выше прав не выплачивается.

Направление автором (соавторами) статьи в журнал означает его (их) согласие на использование статьи издателем на указанных выше условиях и свидетельствует о том, что он (они) осведомлен(ы) об условиях ее использования.

Издатель предлагает любому физическому лицу заключить с издателем безвозмездный лицензионный договор о предоставлении права использования статьи, автором (соавторами) которой он (они) являет(ют)ся.

Лицензионный договор является договором присоединения (офертой), условия которого определяются издателем, и может быть подписан другой стороной не иначе как путем присоединения к договору в целом. Направление автором (соавторами) рукописи статьи для опубликования в журнале счита-

ется акцептом, то есть согласием автора (соавтора) на опубликование статьи в соответствии с условиями договора. Факсимильные (электронные) копии собственноручной подписи и текста лицензионного договора действительны и имеют равную юридическую силу наряду с подлинными.

Издатель размещает фамилию, имя, инициалы автора (соавторов), ученую степень, ученое звание, должность, место работы, адрес места работы, идентификационные коды ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID, SPIN-код (РИНЦ), AuthorID (РИНЦ), адрес электронной почты автора (соавторов), название, аннотацию, ключевые слова и текст статьи на сайте журнала.

Издатель включает полнотекстовые варианты статей в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), а также иные базы данных. Направление автором (соавторами) статьи издателю является согласием автора (соавторов) на подобное размещение и включение.

Гонорар за публикации не выплачивается. Автору высылается авторский экземпляр по указанному им адресу. В случае если рукопись написана в соавторстве, авторский экземпляр высылается каждому соавтору по указанным ими адресам.

Полученные редколлегией статьи не возвращаются.

Подробные правила оформления и представления рукописей статей размещены на сайте журнала в разделе «Авторам» по адресу: http://ars-administrandi.com/index.php/arsadm/guide.

Желающие получить экземпляр журнала или консультацию редакции могут обращаться по адресу: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15, Пермский государственный национальный исследовательский университет, кафедра государственного и муниципального управления. Заместитель главного редактора – Елизавета Александровна Троицкая. Тел./факс (342) 239-68-30, 239-66-89. Сайт: ars-administrandi.com, e-mail: arsadmag@yandex.ru.

I

ТЕОРИИ УПРАВЛЕНИЯ, ПРОСТРАНСТВЕННОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

THEORIES OF PUBLIC ADMINISTRATION, SPATIAL AND REGIONAL ECONOMICS

Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 200–216.
Ars Administrandi. 2025. Vol. 17, no. 2, pp. 200–216.

Эта работа © 2025 Шавеко Н. А. распространяется под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

This work © 2025 by Shaveko, N. A. is licensed under Creative Commons Attribution 4.0 International. To view a copy of this license, visit https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Научная статья
УДК 321.7:316.4(470)
https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-200-216

ДВА ПОКОЛЕНИЯ ТЕОРИИ СОВЕЩАТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГРАЖДАНСКОЙ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Николай Александрович Шавеко[1]
[1] Институт государства и права РАН, Москва, Россия,
shavekonikolai@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-5481-7425

Аннотация. Введение: в 1990-х годах на Западе распространилась концепция совещательной демократии. И хотя с тех пор эта концепция занимает доминирующее положение в западной нормативной демократической теории, она не является однородной и за минувшие десятилетия претерпела существенные изменения. Применение соответствующих теоретических наработок к российским реалиям предполагает учет данных обстоятельств. **Цель:** рассмотреть эволюцию представлений о совещательной демократии, а также оценить значимость данной концепции в контексте становления общегражданского российского нарратива, связанного с выработкой консолидирующей идентичности. **Методы:** использованы метод обобщения и сравнительный анализ, при этом особое внимание уделено взаимосвязи совещательной демократии и этики дискурса. **Результаты:** если первоначально концепция совещательной демократии предполагала, что управление государством должно основываться на рациональном обсуждении социальных проблем, направленном на достижение консенсуса (ценность консенсуса, в свою очередь, обосновывалась в том числе через категорию моральной истины), то в начале XXI века идею о том, что делиберация должна сводиться к рациональной дискуссии, ряд авторов поставили под сомнение. Кроме того, учеными подчеркивалось, что в реальности достичь единогласия практически невозможно. В итоге цель идеального обсуждения стали видеть не только в консенсусе. В этих условиях изменилось значение личного интереса,

добросовестности и искренности в публичных дискуссиях. **Выводы:** автором констатируется, что сегодня принято различать два поколения совещательных демократов: первое отстаивает необходимость обсуждений, максимально приближенных к хабермасовскому рациональному дискурсу и направленных на поиск взаимного согласия, тогда как второе отошло от идеалов рациональности и консенсуса. Утверждается, что новое поколение соответствующей концепции позволяет обосновать применение делиберативных практик при выработке общенациональной идентичности в целом и консолидирующих нацию духовно-нравственных ценностей в частности.

Ключевые слова: совещательная демократия, дискурс, коммуникация, этика дискурса, делиберация, национальная идентичность, традиционные ценности

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Минобрнауки России в форме субсидии из федерального бюджета на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (соглашение от 12.07.2024 № 075-15-2024-639).

Для цитирования: *Шавеко Н. А.* Два поколения теории совещательной демократии в контексте формирования общегражданской российской идентичности // Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 200–216. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-200-216.

Original article

TWO GENERATIONS OF DELIBERATIVE DEMOCRACY AND RUSSIAN NATIONAL IDENTITY DEVELOPMENT

Nikolai A. Shaveko[1]

[1] Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia,
shavekonikolai@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-5481-7425

Abstract. Introduction: The concept of deliberative democracy started in the West in the 1990s, and since then has occupied a dominant position in Western normative democratic theory. However, this concept is not homogeneous and has undergone significant changes since its inception. The application of relevant theoretical developments to Russian realities involves considering these circumstances. **Objectives:** to consider the evolution of ideas about deliberative democracy, as well as to assess the conception significance in the context of formation of a general civil Russian narrative associated with the development of a consolidating identity. **Methods:** generalization and comparative analysis method, with an emphasis on the relationship between deliberative democracy and discourse ethics. **Results:** it is pointed out that initially the conception of deliberative democracy assumed that governance should be based on a rational discussion of social problems aimed at achieving consensus. The value of consensus, in turn, was justified, among other things, through the category of moral truth. However, in the beginning of the 21st century, a few authors questioned that deliberation should be reduced to a rational discussion. In addition, theorists began to emphasize that it is almost impossible to achieve unanimity; as a result, consensus started to be viewed as not the goal of an ideal discussion. Hence, the importance of personal interest, integrity and sincerity in public discussions has changed. **Conclusions:** it is stated that today it is customary to distinguish between two generations of deliberative democrats: the first advocates the need for discussions as close as possible to Habermas's rational discourse and aimed at finding mutual agreement, while the second has moved away

from the ideals of rationality and consensus. It is argued that the new generation of the corresponding concept makes it possible to justify the use of deliberative practices in the development of national identity in general and spiritual and moral values consolidating the nation in particular.

Keywords: deliberative democracy, discourse, communication, ethics of discourse, deliberation, national identity, traditional values

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the form of a subsidy from the federal budget for major scientific projects in scientific and technological development priority areas (agreement no. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

For citation: Shaveko, N. A. (2025), "Two generations of deliberative democracy and Russian national identity development", *Ars Administrandi*, vol. 17, no. 2, pp. 200–216, https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-200-216.

ВВЕДЕНИЕ

В 1990-е годы на Западе получила широкое распространение концепция совещательной (делиберативной) демократии, и с тех пор она занимает доминирующее положение в западной нормативной демократической теории. Под этой концепцией изначально понималось такое ви́дение демократии, согласно которому управление государством должно основываться на открытом, рациональном и свободном обсуждении (делиберации) социальных проблем, когда каждый имеет равное право высказать аргументы или возражения относительно того или иного способа решения этих проблем. Между тем уже в начале XXI века во взглядах на совещательную демократию произошли существенные изменения, которые сегодня позволяют говорить о двух поколениях теории совещательной демократии. Тем не менее в отечественной литературе этой эволюции не уделяется достаточного внимания.

В настоящей статье мы рассмотрим различия этих двух поколений, а также представим собственную критическую оценку каждого из них. Важно отметить, что речь идет именно о поколениях теории, а не о человеческих поколениях: поколения теории выделяются не потому, что на смену прежним авторам пришли новые, более молодые, а потому, что первое относится к концу XX века, тогда как второе – к началу XXI, при этом один и тот же автор вполне может принадлежать к обоим поколениям, если со временем поменял свои взгляды. Кроме того, следует пояснить, что теория совещательной демократии достаточно быстро развивается, и существует множество подходов к ее эволюции (выделяют, в частности, эпистемический, эмпирический, системный и даже демократический «повороты» в ее развитии, а также до четырех ее «поколений» (Palumbo, 2024). Но то различие поколений, которое будет рассмотрено в настоящей статье, признается во всех подобных классификациях.

В сегодняшней России обращение к теории совещательной демократии представляется особенно значимым в связи с необходимостью актуализиро-

вать общенациональную гражданскую идентичность и выявить те культурные скрепы, которые объединяют все народы и социальные группы внутри страны. В 2022 году Президент Российской Федерации издал указ, содержащий перечень традиционных российских духовно-нравственных ценностей[1], а также поручил разработать курс «Основы российской государственности», в рамках которого с 2023 года студентам вузов всех направлений подготовки преподаются мировоззренческие принципы (константы) и ценности российской цивилизации[2]. Однако концепция совещательной (делиберативной) демократии напоминает, что подобные инициативы должны широко обсуждаться общественностью, в противном случае провозглашенные «сверху» ценности могут не закрепиться в общественном сознании. Действительно, пишут исследователи, сегодня «значительная часть россиян не ориентирована на традиционные ценности, поэтому их нормативное закрепление способно послужить не столько консолидации общества, сколько дальнейшей его поляризации» (Борщевский 2023, с. 85). Выходом из этой ситуации нам представляется обращение к современной демократической теории, поскольку именно демократический способ формирования общих ценностей и общего образа будущего будет содействовать задаче гражданской консолидации.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде чем приступить к предмету статьи, необходимо сформулировать основные характеристики совещательной демократии. В соответствии с определением, данным Дж. Коэном, совещательная демократия представляет собой такой способ управления обществом, при котором основой легитимности выступает обсуждение; при этом граждане считаются способными к нему, а существующие институты содействуют обсуждению и функционируют в соответствии с его результатами (Cohen, 1989, p. 21). В свою очередь Э. Гутманн и Д. Томпсон определяют совещательную демократию как форму правления, при которой свободные и равные граждане или их представители обосновывают те или иные решения в процессе выдвижения взаимоприемлемых и общедоступных аргументов с целью формулирования выводов, обязательных в настоящем для всех граждан, но открытых для оспаривания в будущем (Gutmann and Thompson, 2004, p. 7). Наконец, по мнению Ю. Элстера, совещательная демократия характеризуется принятием решений теми, кого затрагивает это решение (или их представителями), посредством приведения аргументов рациональными и беспристрастными участниками (Elster, 1998, p. 8). Все приведенные определения весьма сходны и предполагают как данность, что граждане или их представители обладают необходимыми

[1] *Об утверждении* Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 09.11.2022 № 809. URL: https://base.garant.ru/405679061/ (дата обращения: 07.07.2024).

[2] *О направлении* проекта концепции модуля [Электронный ресурс]: письмо М-ва науки и высшего образования Рос. Федерации от 21.04.2023 № МН-11/1516-ПК. URL: https://fgosvo.ru/uploadfiles/method/Ps_MON_MN_11_1516_PK_21042023.pdf (дата обращения: 07.07.2024).

делиберативными компетенциями, являются рациональными и в целом (добровольно или ввиду тех или иных обстоятельств) беспристрастными. Одной из ключевых характеристик понимаемой таким образом совещательной демократии является акцент на консенсус. При этом ценность консенсуса обосновывалась различными мыслителями по-разному: одни видели в нем средство достижения истины (Nino, 1996, p. 107), другие – стабильности (Rawls, 1996, p. xviii–xx), третьи – средство избегания моральных конфликтов (Gutmann and Thompson, 1996, p. 1–2). Как представляется, все эти обоснования отчасти взаимно пересекаются.

Также следует предварительно отметить, что рассмотрение двух поколений теории совещательной демократии будет осуществлено нами в сопоставлении с этикой дискурса, разработанной Ю. Хабермасом и К.-О. Апелем. С этой целью кратко укажем, что этика дискурса суть этическая теория, исходящая из того, что морально истинными могут считаться лишь те нормы, которые получили всеобщее одобрение в практических дискурсах (Хабермас, 2008, с. 112). Под собственно дискурсом понимается вид коммуникативного действия, осуществляемый при отсутствии единогласия и направленный на доказывание/изменение своей точки зрения для достижения этого единогласия; дискурс – это «идеальная речевая ситуация», когда владеющие языком, вменяемые и дееспособные люди, круг которых не ограничен, руководствуясь законами логики и мотивом поиска справедливости, пытаются привести друг другу аргументы, которые они считают убедительными для своих оппонентов, чтобы склонить последних к принятию своей позиции относительно тех или иных ценностей; при этом каждый вправе задавать тематику коммуникации, имеет равные с другими шансы на коммуникацию, свободу самовыражения и не принуждаем ничем, кроме силы аргументов (отсутствует обман, насилие и тому подобные факторы). Как будет показано ниже, проблемы, с которыми сталкиваются совещательные демократы, очень похожи на проблемы, которые существуют в рамках этики дискурса. Различие состоит лишь в том, что в этике дискурса речь идет о дискурсе как об «идеальной речевой ситуации», а в рамках совещательной демократии используется понятие делиберации, зачастую отождествляемое с понятием дискурса. Кроме того, если в этике дискурса целью обсуждения является поиск моральной истины, то в рамках моделей совещательной демократии называется целый спектр возможных целей делиберации. Тем не менее многие совещательные демократы, безусловно, находились под влиянием этики дискурса и именно из нее заимствовали саму идею рационального дискурса, направленного на достижение консенсуса.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Характер и правила делиберации

Рассмотрение двух поколений концепции совещательной демократии представляется необходимым начать с дискуссии о том, каковы правила делиберации (публичного дискурса).

Надо сказать, что единства по данному вопросу не наблюдалось уже у разработчиков этики дискурса. Например, К.-О. Апелем этический дискурс характеризовался свободой от принуждения, абсолютным равноправием, а также открытостью (публичностью) (Ситникова, 2008, с. 44), тогда как Ю. Хабермас дополнительно акцентировал внимание на искренности участников (Habermas, 1992, p. 132). Однако в том и другом случае речь шла о рациональном дискурсе, направленном на достижение консенсуса. Между тем именно этот аспект стал оспариваться со временем в рамках дискуссий о совещательной демократии. Еще одно различие состояло в том, что Хабермас считал правила дискурса изменчивыми и обусловленными конкретной исторической ситуацией, тогда как Апель – трансцендентальными (Хабермас, 2006, с. 148–154).

Сходные дискуссии наблюдались изначально и среди совещательных демократов. Так, применительно к проблеме изменчивости правил делиберации обсуждалась следующая дилемма. Одни мыслители исходили из того, что делиберация должна касаться в том числе и самих правил делиберации и способов их применения (Benhabib, 1996, p. 70; Manin, 1987, p. 352). Но, как было отмечено другими философами, в этом случае возникает так называемый «парадокс толерантности», поскольку делиберацией допускаются действия, которые способны подорвать ее саму. Если же мы, с другой стороны, налагаем запрет на изменение правил делиберации, то рискуем быть обвиненными в том, что ключевую роль приписываем уже не консенсусу, а правилам, которые вообще не обсуждаются (Gould, 1996, p. 178). Отдельными демократическими теоретиками были предприняты слабые попытки найти компромисс между этими крайними позициями. В частности, Э. Гутманн и Д. Томпсон, предлагая собственные принципы делиберативной демократии, подчеркивали их относительный и изменчивый характер. По их мнению, один или несколько принципов совещательной демократии могут быть пересмотрены с учетом других ее принципов, но при этом не могут быть пересмотрены все сразу (Gutmann and Thompson, 2004, p. 57; Gutmann and Thompson, 1996, p. 349–353). Причину такого догматизма указанных авторов сложно уловить. Получается, что все правила делиберации могут быть отвергнуты, но только по очереди. Но чем эта позиция лучше той, когда все правила отвергаются сразу? Она также не помогает преодолеть «парадокс толерантности», а значит, ее теоретическая значимость сомнительна. В конечном счете, как представляется, нет особых препятствий для того, чтобы во избежание «парадокса толерантности» отстаивать некие неизменные правила политической делиберации. При этом ответ на вопрос, какими именно будут эти правила, зависит от цели, которая преследуется посредством делиберации (ведь эту цель различные мыслители видели по-разному). В рамках демократической теории описанная проблема носит инструментальный, а не фундаментальный характер.

Одновременно дискуссии среди совещательных демократов разворачивались и вокруг собственно «перечня» правил делиберации. Так, для Дж. Фишкина помимо равноправия участников важны такие характеристики делиберации, как добросовестность этих участников при оценке аргументов друг друга, доступ участников делиберации к необходимой информации и такое разнообразие представленных точек зрения, которое делает участников

делиберации репрезентативной выборкой всех членов общества (Fishkin, 2009, p. 34). Всего у Дж. Фишкина сформулировано пять главных требований к делиберации: информированность, сущностный баланс, разнообразие (репрезентация основных позиций, существующих в обществе), добросовестность и равное рассмотрение любых аргументов (Fishkin, 2009, p. 33–34). В свою очередь Дж. Коэн выделяет следующие четыре характеристики идеальной делиберации: 1) делиберация свободна, ее участники связаны лишь результатами и необходимыми условиями самой делиберации; 2) участники делиберации обязаны привести аргументы в поддержку своих предложений, и эти предложения оцениваются на основе приведенных аргументов; 3) участники делиберации равны как формально, так и сущностно (имеют равное право выдвигать предложения, аргументировать и критиковать, а также не ограничены тем или иным распределением власти и ресурсов); 4) целью делиберации является достижение рационального консенсуса (при недостижении консенсуса используется правило большинства) (Cohen, 1989, p. 22–23). В более поздних работах данный автор также стал подчеркивать критерий добросовестности делиберативных усилий (Cohen, 1998, p. 185). Э. Гутманн и Д. Томпсон предъявляют требования уже непосредственно к аргументации, такие как взаимоприемлемость, общедоступность, обязывающий характер и возможность пересмотра (Gutmann and Thompson, 2004, p. 3–7). Если взаимоприемлемость и возможность пересмотра – это характеристики, которые свойственны и этике дискурса, то обязывающий (правовой) характер результатов обсуждения есть прямое следствие того, что теория совещательной демократии, в отличие от оперирующей «идеальной речевой ситуацией» этики дискурса, касается реальной политической практики; одновременно общедоступность аргументации (то есть не только публичность, но и понятность для соответствующей аудитории) – это ограничение, связанное с учетом неидеальности реальных политических дискуссий. Кроме того, сторонники совещательной демократии нередко указывают на существующие на практике различия в способности аргументации и на необходимость обеспечения равенства указанных возможностей, как и в целом любых возможностей, связанных с участием в дискурсе (Dryzek, 2000, p. 172–173).

Таким образом, как и в рамках этики дискурса, среди совещательных демократов изначально наблюдались дискуссии относительно того, какие именно правила определяют дискурс, однако эти дискуссии развивались уже в контексте реальных политических практик (отсюда такие требования к дискурсу, как репрезентативность, информированность, добросовестность участников, понятность аргументации и т. п.). Интересно при этом, что нереализуемость на практике «идеальной речевой ситуации» приводит противников делиберативной демократии к предположению, что поиску и нахождению истины на практике способствует не столько «убаюкивающее» обсуждение, сколько конкурентный спор (Шапиро, 2004, с. 263–271).

В целом можно констатировать, что классическое представление о делиберации предполагало стремление к консенсусу (определяемому как средство достижения моральной и иной истины, обеспечения легитимности, преодоления моральных разногласий) путем взаимного приведения рациональных

аргументов и тем самым исключало любые апелляции к личному интересу и попытки отстоять его, прибегая к торгу и иным стратегическим действиям. При этом далеко не всегда делиберация рассматривалась как средство достижения моральной истины или как имеющая иное эпистемологическое значение (например, как средство рефлексии над собственными предпочтениями). И. Шапиро верно заметил, что на практике консенсус не тождествен истине: «Люди могут согласиться, что земля плоская, что иностранцы варвары, что черные хуже белых» (Шапиро, 2004, с. 268).

Рациональность и консенсус как объекты критики

Однако если делиберация служит не эпистемологическим, а иным целям, неизбежно должен был возникнуть вопрос о том, почему она должна связываться именно с рациональной дискуссией. Многие мыслители, выступающие в поддержку конкурирующей с совещательной демократией концепции агонистического плюрализма, стали утверждать, что постулирование правил политического дискурса по сути означает навязывание стандартов рациональности, ведущее к исключению некоторых заинтересованных лиц из политического участия (Mouffe, 1999, p. 749–752), поэтому хабермасовские идеи о полном политическом «включении» всех заинтересованных лиц в реальности якобы приводят к «исключению» посредством гегемонии рациональности. Соответственно, был открыт доступ к некогнитивным формам аргументации, направленным на поиск сопереживания, если это способствует взаимному согласию. Представляется, что особое значение это имеет для обсуждения вопроса ценностей и идентичности, поскольку они не всегда поддаются рациональному анализу и аргументации.

Кроме того, западные ученые все больше стали делать акцент на практической невозможности достижения единогласия в реальных условиях, особенно в масштабах целой страны, и потому составной частью идеального обсуждения предпочитали видеть иные, помимо консенсуса, цели: прояснение и структурирование разногласий, компромисс, агрегацию предпочтений и т. п. Так, ряд авторов выделяет как часть делиберативного идеала «ненасильственные переговоры» (торг) и основанные на делиберативном контроле принудительные акты (например, обеспечивающие сам процесс делиберации или же реализацию решений, принятых в рамках этого процесса) (Mansbridge et al., 2010, p. 64, 66, 69–72). В результате в научной литературе предлагается различать теорию демократии как консенсуса и теорию демократии как делиберации (дискурса) (Тушков, 2012, с. 165). Правда, консенсус все еще остается для совещательных демократов высшей (идеальной) целью, тогда как остальные цели либо дополняют эту цель, либо заменяют ее в случае, если консенсус оказывается недостижимым.

В сложившихся условиях новое значение приобретает личный интерес: он теперь играет не только роль информации, учитываемой при поиске общего блага (справедливости), но и роль заявки на сопереживание, способствующее «взаимному согласию», а также фактора, учитываемого при агрегации несогласуемых интересов (Mansbridge et al., 2010, p. 72–80). Меняется значение добросовестности и искренности в публичных дискуссиях: добросовестность

как ориентация на общее благо сменяется ориентацией на личный интерес (лишь бы в конечном счете было достигнуто общее согласие, а если его нельзя достичь – были бы достигнуты иные желаемые цели, такие как прояснение разногласий или компромисс), а неискренность, в свою очередь, начинает цениться постольку, поскольку иногда (в форме приветствий, комплиментов, пожеланий и т. п.) может способствовать социальной сплоченности (Bachtiger et al., 2018, p. 4).

Таким образом, сегодня принято различать два лагеря совещательных демократов: первые отстаивают необходимость обсуждений, максимально приближенных к хабермасовскому рациональному дискурсу и направленных на поиск взаимного согласия, тогда как вторые отошли от идеалов рациональности и консенсуса. Это обусловлено двумя причинами. Во-первых, консенсус рассматривается не только как средство достижения моральной истины, но и как средство для других целей. Во-вторых, некоторые достойные цели, как считается, могут быть достигнуты по результатам обсуждения, даже если участники обсуждения не пришли к консенсусу. Указанные отличия обусловили и новый поворот в обсуждении правил публичного дискурса, в которых значимое место стали занимать некогнитивные формы аргументации, личный интерес и неискренность. Отметим, что в контексте публичных обсуждений основ общенациональной идентичности указанные отличия имеют особое значение, поскольку ценностные и мировоззренческие основы порой связаны с глубинными чувствами и эмоциями людей и не поддаются рациональной аргументации (тем более если, следуя конструктивистам, рассматривать нацию как своего рода «миф»), а полный консенсус в масштабах многомиллионной страны очевидно недостижим.

Конечно, новое понимание делиберативной демократии приняли далеко не все ученые. Тем не менее можно констатировать, что проблема определения правил дискурса существует как на теоретическом, так и на практическом уровне, и на каждом из этих уровней имеет свою специфику. В последнем случае эта проблема выражена в поиске критериев надлежащего политического делиберативного процесса, посредством которого принимаются общие решения. Иными словами, ставится вопрос не только об идеальных характеристиках дискурса (как в этике дискурса), но и о практических условиях, при которых достигаются желаемые результаты дискурса (Tompson, 2008). При этом важно подчеркнуть, что на практическом уровне обсуждение данной проблемы часто осложняется тем, что делиберация далеко не всеми авторами понимается в эпистемологическом ключе. В конечном счете это привело к тому, что многие ученые перестали рассматривать делиберацию как сугубо рациональный процесс, имеющий целью достижение консенсуса. Соответственно, при том понимании дискурса, которое получило распространение в рамках демократической теории, были отвергнуты основные постулаты этики дискурса, что привело к расколу среди сторонников совещательной демократии.

Продемонстрируем сказанное на примере возникшего среди западных ученых спора относительно характера аргументов и высказываний, которые считаются допустимыми в рамках делиберации. Дж. Ролз, например, отвергает аргументы, основанные на личных интересах, предрассудках, не раз-

деляемых другими участниками дискурса идеологиях, а также аргументы, посягающие на ядро личности каждого из участников дискуссии (Rawls, 1996, p. 212–254). В свою очередь Э. Гутманн и Д. Томпсон исключают аргументы, нарушающие принцип равноправия и личной неприкосновенности, а также не согласующиеся с принципами взаимности, публичности и подотчетности (Gutmann and Thompson, 1996, p. 8, 52). В то же время Дж. Драйзек, демонстрируя недостатки указанных точек зрения, полагает, что дискурс сам по себе способствует выработке некоторых ограничений в аргументации, а потому нет смысла вводить какие-либо предварительные ограничения. Более того, в отличие, например, от Ю. Хабермаса, представляющего себе дискурс лишь как обмен рациональными аргументами, Драйзек допускает риторику, повествование, юмор и другие подобные способы убеждения, хотя рациональный аргумент все же остается для него центральным способом убеждения (Dryzek, 2000, p. 167–168). По нашему мнению, Драйзек прав в том, что любые попытки заранее исключить из дискурса некоторые виды аргументов и высказываний, не связанные с насилием или с препятствующей участию в дискурсе дискриминацией, весьма сомнительны, поскольку мы не можем знать заранее убедительность каждого из них. Но хотя в идеале дискурс действительно имеет эндогенные ресурсы, нивелирующие те или иные способы убеждения, в далекой от идеала реальности строгие ограничения, по всей видимости, остаются актуальными, что и делает обоснованной защищающую широкий спектр прав человека конституционную демократию, несправедливо критикуемую Драйзеком, считающим достаточным постулирование лишь тех прав человека, которые являются предпосылками самого демократического процесса. В конечном счете допустимость тех или иных аргументов зависит, по нашему мнению, от того, как мы понимаем цель делиберации, и от эмпирических данных, подтверждающих эффективность тех или иных форм делиберации для достижения указанной цели. Это означает, например, что обсуждение общегражданской идентичности должно строиться по правилам, отличающимся от правил, по которым ведется обсуждение практических вопросов типа городского благоустройства или организации системы здравоохранения.

Не исключены также и другие разногласия относительно правил делиберации, связанные, в частности, с условностью понятия «насилие». Этой условности, как представляется, несправедливо не уделено внимания в существующей научной литературе об этике дискурса и делиберативной демократии. В какой момент, например, попытки убеждения перерастают в психологическое насилие? Ответ на этот вопрос далеко не очевиден. Однако этот вопрос актуализируется в современных условиях информационных войн, которые дают политикам повод для введения государственной защиты общенациональных скреп.

ОБСУЖДЕНИЕ

Принимая во внимание вышеизложенное, заметим, что отсутствие согласия относительно правил дискурса делает невозможным согласие по всем другим политическим вопросам. Некоторые авторы полагают, что никакой

проблемы в этом нет. Так, Ш. Муфф с опорой на постмодернистских авторов показывает, что согласие относительно правил дискурса возможно только благодаря «общим формам жизни» (включая правила языка), которые предшествуют дискурсу и делают дискурс авторитарным (Mouffe, 1999, p. 749–752). При таких обстоятельствах полное, добровольное и информированное единодушие по вопросам справедливости Ш. Муфф полагает невозможным, а стремление к нему – нежелательным (Mouffe, 1996, p. 253–255). С учетом этого определенная форма демократии (плюрализм дискурсов и их соперничество) подспудно выдвигается данным автором на роль высшей ценности. Никакого общего согласия относительно правил дискурса с этой точки зрения больше и не требуется, поскольку не требуется согласия и по другим вопросам (возможность несогласия, в свою очередь, мыслится как выражение блага свободы). Между тем связанные со столкновением различных «форм жизни» конфликты в рамках плюрализма дискурсов остаются нерешенными. В конечном счете остается неясным, как достичь консенсуса относительно желательности плюрализма дискурсов в ситуации, когда даже нет общего для всех дискурса. Пытаясь преодолеть постмодернистское воззрение на дискурс как на форму принуждения, Дж. Драйзек обращает внимание на способность людей выбирать между различными дискурсами и на этом основании предлагает оригинальную концепцию «противостояния дискурсов», в соответствии с которой необходимо создать множество конкурирующих или кооперирующихся дискурсов (Dryzek, 2000, p. 57–80). Сказанное, впрочем, может рассматриваться лишь как недалеко ушедшая от постмодернизма практическая рекомендация. В итоге возникает вопрос: насколько плюрализм дискурсов приближает к целям, достижению которых, как предполагалось, должен был способствовать общий для всех дискурс (поиск моральной истины, легитимация власти и т. п.)? Короче говоря, согласие относительно правил дискурса имеет ключевое значение, несмотря на попытки некоторых теоретиков доказать обратное.

Хотелось бы обратить внимание и на то, что отказ от цели достижения консенсуса порождает как теоретический, так и практический вопрос о том, при каких именно обстоятельствах консенсус перестает быть оправданной целью, и этот вопрос в новейшей литературе тоже оказывается неразрешенным. Конечно, потребность разрешить его чувствуется еще у первого поколения совещательных демократов, однако их теоретических наработок, с нашей точки зрения, явно недостаточно. Можно привести в пример предложение Дж. Драйзека различать консенсус и аргументированное согласие. По мнению австралийского ученого, консенсус представляет собой единогласие и относительно правильности курса действий, и относительно аргументов, доказывающих его правильность, в то время как вполне достаточно только первого (Dryzek, 2000, p. 170). Однако Драйзек не учитывает, что, во-первых, порой не так просто разграничить эти два аспекта; во-вторых, единогласие даже в отношении первого аспекта тоже зачастую труднодостижимо. Понимая потенциальные сложности, Драйзек признает, что в реальности невозможно обойтись без стратегических действий («торга»). Соответственно, остается вопрос о том, когда переход к такого рода стратегическим действиям

будет считаться оправданным. В свою очередь Э. Гутманн и Д. Томпсон вводят на случай недостижения взаимного согласия дополнительные «принципы приспосабливания», а именно принцип гражданской целостности (фактически это принцип честности, требующий непротиворечивости отстаиваемых взглядов, соответствия взглядов и действий, а также принятия всех их возможных последствий) и принцип гражданского великодушия (требующий признавать в позициях других людей моральное содержание, быть готовым к смене собственной позиции и стремиться к поиску согласия) (Gutmann and Thompson, 2004, p. 79–90; Gutmann and Thompson, 1996, p. 79–85). Но, в сущности, названные принципы представляют собой лишь основанные на взаимном уважении благоразумные советы, которые, возможно, помогают смягчить некоторые моральные разногласия на практике, но уж точно не решают насущные вопросы теории. Наконец, Ю. Хабермас, признавая, что в какой-то момент на практике дискурс следует прекратить, даже если полного согласия между сторонами достигнуто не было, не обосновывает никаких конкретных принципов такого прекращения. Это и понятно, ведь моральная оправданность конкретных институтов преобразования разрозненных взглядов в единую политическую волю также должна быть результатом соответствующих дискурсов и здесь не может быть каких-то заранее определенных постулатов. Хабермас ограничивается, в сущности, общим замечанием, что для разрешения противоречия между идеалом и действительностью правопорядку следует создавать условия для собственной легитимации и для фактического взаимного признания гражданами друг друга (Хабермас, 1995, с. 203). Иными словами, институты, прерывающие дискурс, сами должны быть предварительно обоснованы посредством другого дискурса. Но очевидно, что это не решает проблему, а лишь «отодвигает» ее на другой уровень, как бы скрывая от наших глаз. Более того, проблема здесь не столько в том, что в какой-то момент приходится прибегать к стратегическим действиям, сколько в том, что ставится под сомнение сам статус делиберации (дискурса) как центрального признака демократии. По всей видимости, остается согласиться с замечанием Ю. Элстера, согласно которому принцип «трансформации предпочтений» в ходе дискурса даже в теории (не говоря уже о практике) может быть лишь дополнением к некоторому принципу «агрегации предпочтений» (Эльстер, 2012, с. 73). Но если так, то возникают сомнения в оригинальности теории совещательной демократии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, набравшая в конце XX века популярность теория совещательной демократии в начале XXI века претерпела существенные изменения, что позволяет говорить сегодня о двух поколениях данной теории. Первое поколение довольно тесно связано с этикой дискурса, поскольку понимает делиберацию как обмен рациональными аргументами с целью достижения консенсуса. Второе поколение ставит под сомнение необходимость следования строгим правилам рациональности, а также далеко не всегда считает консенсус главной целью. В связи с этим свойственные еще первому поколению дискуссии о том,

какими должны быть правила делиберации, приобретают новое содержание: оправданными теперь считаются самые разные приемы и формы беседы, в том числе неискренность и отсылки в ходе дискуссии к личному интересу.

Все это, однако, порождает свои собственные проблемы. В частности, размывается сама оригинальность теории совещательной демократии, поскольку делиберация, вероятно, перестает быть ключевой составляющей данной концепции, уступая место конкуренции, торгу и спору.

Тем не менее подобный поворот в демократической теории может расширить сферу применения делиберативных практик, поскольку теперь они уже не замыкаются на поиске истины. В современной России, например, актуальной является выработка консолидирующей национальной идентичности. Кроме того, благодаря новому поколению теории совещательной демократии становится понятно, что для различных целей правила делиберации также должны быть различными, в частности по вопросам духовно-нравственных ценностей обсуждение далеко не всегда должно и может основываться на классических стандартах рациональности. В то же время чрезмерное упование на конкуренцию, торг и спор вряд ли будет способствовать выработке общего ценностного ядра.

Список источников

Борщевский Г. А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2023. № 4. С. 67–93. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-111-4-67-93. EDN: XKCJTK.

Ситникова Е. И. Обоснование дискурсивной этики К.-О. Апелем // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 4–4. С. 41–45. EDN: KATEYH.

Тушков А. А. Делиберативный принцип в теории и практике политической модернизации // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2012. № 3. С. 161–169. EDN: PNCSAV.

Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. В. Скляднева. СПб.: Наука, 2008. 417 с.

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / Отв. ред. Н. В. Мотрошилова. М.: Academia, 1995. 245 с.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева. СПб.: Наука, 2006. 379 с.

Шапиро И. Моральные основания политики / Пер. с англ. Е. В. Малаховой. М.: КДУ, 2004. 297 с.

Эльстер Ю. Рынок и форум: три разновидности политической теории // Логос. 2012. № 3. С. 60–87. EDN: RVRGAX.

Benhabib S. Four toward a deliberative model of democratic legitimacy // Democracy and difference: Contesting the boundaries of the political / Ed. by S. Benhabib. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 67–94. https://doi.org/10.1515/9780691234168-005.

Cohen J. Deliberation and democratic legitimacy // The good polity: Normative analysis of the state / Ed. by A. Hamlin and Ph. Pettit. Oxford, New York: Basil Blackwell, 1989. P. 17–34.

Cohen J. Democracy and liberty // Deliberative democracy. Cambridge studies in the theory of democracy / Ed. by J. Elster. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 185–231. https://doi.org/10.1017/cbo9781139175005.010.

Deliberative democracy. Cambridge studies in the theory of democracy / Ed. by J. Elster. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 282 p. https://doi.org/10.1017/cbo9781139175005.

Dryzek J. Deliberative democracy and beyond. Liberals, critics, contestations. Oxford, New York: Oxford University Press, 2000. 195 p.

Fishkin J. S. When the people speak. Deliberative democracy and public consultation. Oxford, New York: Oxford University Press, 2009. 256 p.

Gould C. C. Nine diversity and democracy: Representing differences // Democracy and difference: Contesting the boundaries of the political / Ed. by S. Benhabib. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 171–186. https://doi.org/10.1515/9780691234168-010.

Gutmann A., Thompson D. Democracy and disagreement. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1996. 432 p.

Gutmann A., Thompson D. Why deliberative democracy? Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2004. 232 p. https://doi.org/10.1515/9781400826339.

Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. 666 p.

Manin B. On legitimacy and political deliberation // Political Theory. 1987. Vol. 15, № 3. P. 338–368. https://doi.org/10.1177/0090591787015003005.

Mansbridge J., Bohman J., Chambers S. et al. The place of self-interest and the role of power in deliberative democracy // The Journal of Political Philosophy. 2010. Vol. 18, № 1. P. 64–100. https://doi.org/10.1111/j.1467-9760.2009.00344.x.

Mouffe Ch. Deliberative democracy or agonistic pluralism? // Social Research. 1999. Vol. 66, № 3. P. 745–758.

Mouffe Ch. Twelve democracy, power, and the "political" // Democracy and difference: Contesting the boundaries of the political / Ed. by S. Benhabib. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 245–256. https://doi.org/10.1515/9780691234168-013.

Nino C. S. The constitution of deliberative democracy. New Haven, London: Yale University Press, 1996. 251 p.

Oxford handbook of deliberative democracy / Ed. by A. Bachtiger, J. S. Dryzek, J. Mansbridge et al. Oxford: Oxford University Press, 2018. 816 p.

Palumbo A. The deliberative turn in democratic theory: Models, methods, misconceptions. Cham: Palgrave Macmillan, 2024. 272 p. https://doi.org/10.1007/978-3-031-56513-7.

Rawls J. Political liberalism. New York: Columbia University Press, 1996. 464 p.

Tompson D. Deliberative democratic theory and empirical political science // Annual Review of Political Science. 2008. Vol. 11. P. 497–520. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.081306.070555.

Информация об авторе

Н. А. Шавеко – кандидат юридических наук, научный сотрудник ФГБУН Института государства и права Российской академии наук, 119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10

SPIN-код (РИНЦ): 3004-0891

AuthorID (РИНЦ): 744517

Web of Science ResearcherID: K-4637-2018

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.08.2024; одобрена после рецензирования 10.10.2024; принята к публикации 10.10.2024.

References

Borshchevskiy, G. A. (2023), "Traditional Russian values: Institutional analysis", *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, no. 4, pp. 67–93, https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-111-4-67-93, EDN: XKCJTK.

Sitnikova, E. I. (2008), "Basing of discursive ethics K.-O. Apel", *Herald of Vyatka State University,* no. 4–4, pp. 41–45, EDN: KATEYH.

Tushkov, A. A. (2012), "Deliberative principle in the theory and practice of political modernization", *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, no. 3, pp. 161–169, EDN: PNCSAV.

Habermas, J. (2008), *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoi teorii* [Die Einbeziehung des Anderen], translated by Medvedev, Yu. S., Nauka, St. Petersburg, Russia.

Habermas, J. (1995), *Demokratiya. Razum. Nravstvennost'. Moskovskie lektsii i interv'yu* [Democracy. Reason. Ethics. Moscow lectures and interviews], translated by the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Academia, Moscow, Russia.

Habermas, J. (2006), *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln], translated by Sklyadnev, D. V. (ed.), Nauka, St. Petersburg, Russia.

Shapiro, I. (2004), *Moral'nye osnovaniya politiki* [The moral foundations of politics], translated by Malakhova, E. V., KDU, Moscow, Russia.

Elster, J. (2012), "The market and the forum: Three varieties of political theory", *Logos*, no. 3, pp. 60–87, EDN: RVRGAX.

Benhabib, S. (1996), "Four toward a deliberative model of democratic legitimacy", in Benhabib, S. (ed.), *Democracy and difference: Contesting the boundaries of the political*, Princeton University Press, Princeton, NJ, US, pp. 67–94, https://doi.org/10.1515/9780691234168-005.

Cohen, J. (1989), "Deliberation and democratic legitimacy", in Hamlin, A. and Pettit, Ph. (eds.), *The good polity: Normative analysis of the state,* Basil Blackwell, Oxford, UK, New York, NY, US, pp. 17–34.

Cohen, J. (1998), "Democracy and liberty", in Elster, J. (ed.), *Deliberative democracy. Cambridge studies in the theory of democracy*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 185–231, https://doi.org/10.1017/cbo9781139175005.010.

Elster J. (ed.) (1998), *Deliberative democracy. Cambridge studies in the theory of democracy*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, https://doi.org/10.1017/cbo9781139175005.

Dryzek, J. (2000), *Deliberative democracy and beyond. Liberals, critics, contestations*, Oxford University Press, Oxford, UK, New York, NY, US.

Fishkin, J. S. (2009), *When the people speak. Deliberative democracy and public consultation*, Oxford University Press, Oxford, UK, New York, NY, US.

Gould, C. C. (1996), "Nine diversity and democracy: Representing differences", in Benhabib, S. (ed.), *Democracy and difference: Contesting the boundaries of the political*, Princeton University Press, Princeton, NJ, US, pp. 171–186, https://doi.org/10.1515/9780691234168-010.

Gutmann, A. and Thompson, D. (1996), *Democracy and* disagreement, Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, MA, US.

Gutmann, A. and Thompson, D. (2004), *Why deliberative democracy?*, Princeton University Press, Princeton, NJ, US, Oxford, UK, https://doi.org/10.1515/9781400826339.

Habermas, J. (1992), *Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen* Rechtsstaats, Suhrkamp, Frankfurt am Main, Germany.

Manin, B. (1987), "On legitimacy and political deliberation", *Political* Theory, vol. 15, no. 3, pp. 338–368, https://doi.org/10.1177/0090591787015003005.

Mansbridge, J., Bohman, J., Chambers, S. et al. (2010), "The place of self-interest and the role of power in deliberative democracy", *The Journal of Political Philosophy,* vol. 18, no. 1, pp. 64–100, https://doi.org/10.1111/j.1467-9760.2009.00344.x.

Mouffe, Ch. (1999), "Deliberative democracy or agonistic pluralism?", *Social Research*, vol. 66, no. 3, pp. 745–758.

Mouffe, Ch. (1996), "Twelve democracy, power, and the "political", in Benhabib, S. (ed.), *Democracy and difference: Contesting the boundaries of the political*, Princeton University Press, Princeton, NJ, US, pp. 245–256, https://doi.org/10.1515/9780691234168-013.

Nino, C. S. (1996), *The constitution of deliberative* democracy, Yale University Press, New Haven, CT, US, London, UK.

Bachtiger, A., Dryzek, J. S., Mansbridge, J. et al. (eds.) (2018), *Oxford handbook of deliberative democracy*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Palumbo, A. (2024), *The deliberative turn in democratic theory: Models, methods, misconceptions*, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, https://doi.org/10.1007/978-3-031-56513-7.

Rawls, J. (1996), *Political liberalism*, Columbia University Press, New York, NY, US.

Tompson, D. (2008), "Deliberative democratic theory and empirical political science", *Annual Review of Political Science*, vol. 11, pp. 497–520, https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.081306.070555.

Information about the author

N. A. Shaveko – Candidate of Law, Research Fellow at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10 Znamenka Str., Moscow, 119019, Russia

SPIN code (RSCI): 3004-0891

AuthorID (RSCI): 744517

Web of Science ResearcherID: K-4637-2018

The author declares no conflicts of interest.

The article was submitted on 15.08.2024; approved after reviewing 10.10.2024; accepted for publication 10.10.2024.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 217–242.
Ars Administrandi. 2025. Vol. 17, no. 2, pp. 217–242.

Эта работа © 2025 Низамутдинова М. М., Аитовой Ю. С., Орешникова В. В. распространяется под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

This work © 2025 by Nizamutdinov, M. M., Aitova, Iu. S. and Oreshnikov, V. V. is licensed under Creative Commons Attribution 4.0 International. To view a copy of this license, visit https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Научная статья
УДК 332.1:338.2
https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-217-242

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ, МОДЕЛИ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРОЦЕССОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ РАЗНОУРОВНЕВЫХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Марсель Малихович Низамутдинов[1]✉, **Юлия Сергеевна Аитова**[2], **Владимир Владимирович Орешников**[3]

[1, 3] Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, Уфа, Россия

[2] АНО Конгресс-Бюро Башкортостана «Офис-группа», Уфа, Россия, yushaaitova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8798-3078

[1] marsel_n@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-5643-1393

[3] voresh@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5779-4946

Аннотация. Введение: одной из важнейших задач государственного управления является стратегическое планирование развития территориальных образований различного уровня. В настоящее время, несмотря на значительное количество разработанных стратегических документов, в России остается нерешенным ряд вопросов, касающихся информационного обеспечения лиц, принимающих решения, методического сопровождения процесса планирования развития территорий, отсутствия единого подхода к формированию стратегических документов. В этой связи актуализируется проблема обоснования принятия управленческих решений с точки зрения повышения эффективности стратегического планирования и управления развитием разноуровневых территориальных систем. **Цель:** определение и систематизация подходов, моделей и инструментальных средств информационной поддержки процессов стратегического планирования развития разноуровневых территориальных социально-экономических систем. **Методы:** сравнительный анализ на основе обзора литературы. **Результаты:** рассмотрены имеющиеся подходы и методы принятия управленческих решений в области стратегического планирования развития территорий. Показано, что на разных этапах данного процесса состав используемых методов существенно различается, но в целом превалируют экспертные методы. Формализованные методы практически не применяются, что обусловлено множеством разнородных факторов, включая недостаточность методического обеспечения процесса стратегического планирования, наличие слабоформализованных данных, нехватка информации. Анализ государственных информационных систем в сфере стратегического планирования выявил наличие огромного объема разнородной информации, значительная часть которой носит качественный, слабоструктурированный характер. Однако эта информация используется крайне ограниченно в связи с отсутствием инструментов ее

структурирования, обработки и эффективного использования. Существующие сегодня государственные информационные системы не позволяют в полной мере реализовать такие функции. **Выводы:** в сложившихся обстоятельствах необходимо совершенствовать систему организации стратегического планирования, в том числе используя методы моделирования и прогнозирования, а также расширяя информационную поддержку принятия решений.

Ключевые слова: регионы России, слабоструктурированная информация, экспертные методы, формализованные методы, этапы стратегического планирования, государственные информационные системы

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов, тема № 075-00571-25-00.

Для цитирования: *Низамутдинов М. М., Аитова Ю. С., Орешников В. В.* Методологические подходы, модели и инструментальные средства информационной поддержки процессов стратегического планирования развития разноуровневых территориальных социально-экономических систем // Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 217–242. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-217-242.

Original article

METHODOLOGICAL APPROACHES, MODELS AND TOOLS FOR INFORMATION SUPPORT OF STRATEGIC PLANNING PROCESSES IN THE MULTILEVEL TERRITORIAL SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS DEVELOPMENT

Marsel M. Nizamutdinov[1]✉, Iuliia S. Aitova[2], Vladimir V. Oreshnikov[3]

[1, 3] Institute of Socio-Economic Research, UFRC RAS, Ufa, Russia

[2] Congress Bureau of the Republic of Bashkortostan "Office-Group", Ufa, Russia, yushaaitova@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8798-3078

[1] marsel_n@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-5643-1393

[3] voresh@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-5779-4946

Abstract. Introduction: strategic planning in developing territorial entities of different levels is one of the most important tasks of public administration. At present, despite a significant number of existing strategic documents, several issues remain unsolved in Russia, namely, information support for decision-makers, methodological support of the planning process, the lack of a unified approach to the formation of strategic documents. In this regard, the justification of managerial decision-making in terms of improving the effectiveness of strategic planning and management in multilevel territorial systems development is raising its importance. **Objectives:** to identify and systematize approaches, models and tools for information support of strategic planning processes in the multilevel territorial socio-economic systems development. **Methods:** comparative analysis based on the literature review. **Results:** various approaches and methods of managerial decision-making in the field of territorial development strategic planning have been analyzed. It is shown that at different stages of this process the composition of the methods used differs significantly. However, in general, expert methods still prevail; formalized methods are practically not applied, which is due to many factors, including insufficient methodological support for the strategic

planning process, loosely formalized data, and a lack of information. An analysis of state information systems in the sphere of strategic planning has shown the availability of a huge amount of heterogeneous information, much of which is of a qualitative and poorly structured nature. However, this information is used in an extremely limited way due to the lack of tools for structuring, processing and effective use. The existing state information systems do not allow us to fully implement these functions. **Conclusions:** it is necessary to improve the system of strategic planning organization by using modeling and forecasting methods, as well as information support for decision-making.

Keywords: Russian regions, poorly structured information, expert methods, formalized methods, stages of strategic planning, state information systems

Acknowledgements: the research was supported by the government fund to the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences for 2025 and the 2026–2027 planning period, research topic no. 075-00571-25-00.

For citation: Nizamutdinov, M. M., Aitova, Iu. S. and Oreshnikov, V. V. (2025), "Methodological approaches, models and tools for information support of strategic planning processes in the multilevel territorial socio-economic systems development", *Ars Administrandi*, vol. 17, no. 2, pp. 217–242, https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-217-242.

ВВЕДЕНИЕ

Важным элементом управления социально-экономическим развитием территориальных систем является стратегическое планирование. При этом в периоды кризисных ситуаций оно становится главным ориентиром и необходимым инструментом разработки и реализации программных мероприятий по стабилизации и улучшению текущего социально-экономического развития территориальных систем. В истории современной России наблюдалось несколько подобных периодов, в их числе финансово-экономические кризисы 1998 года и 2008–2010 годов, валютный кризис 2014–2015 годов, экономические ограничения в 2020–2024 годах (связанные с распространением коронавирусной инфекции в 2020-м и санкционным давлением в 2022–2024 годах). В сложившихся обстоятельствах актуализируется вопрос принятия эффективных решений, определения приоритетов и прогнозов развития территорий.

На сегодняшний день в России разработан ряд документов в сфере стратегического планирования развития территориальных систем. Основы стратегического планирования закреплены Федеральным законом от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[1]. Позднее, 8 ноября 2021 года, Указом Президента Российской Федерации утверждены Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации[2]. Причиной для подписания указанного

[1] *О стратегическом* планировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/70684666/ (дата обращения: 10.05.2024).

[2] *Об утверждении* Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 08.11.2021 № 633. URL: https://base.garant.ru/403015816/ (дата обращения: 10.05.2024).

документа стала необходимость совершенствования системы стратегического планирования страны, в частности в рамках повышения эффективности взаимодействия органов публичной власти, научно-методологического, информационно-аналитического и кадрового обеспечения их деятельности. Данный нормативный правовой акт разработан в целях усиления согласованности документов стратегического планирования, совершенствования методов прогнозирования и планирования, использования информационных источников, проведения научных исследований и пр. Согласно Основам государственной политики в сфере стратегического планирования, в России осуществляется индикативное планирование (деятельность государственных органов по составлению экономических планов, направленная на информирование экономических субъектов о целях и средствах государственной экономической политики и возможных траекториях экономического развития). Индикативные планы ориентированы на уменьшение неопределенности в рыночной и смешанной экономике и зачастую носят рекомендательный характер. Там же, в Основах, отмечается, что информационно-аналитическое обеспечение стратегического планирования осуществляется путем «моделирования последствий принятия управленческих решений с использованием технологий искусственного интеллекта и методов математического моделирования»[3].

Вместе с тем на сегодняшний день в области стратегического планирования существует ряд трудностей, приводящих к снижению качества получаемых оценок. Так, Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации от 28 сентября 2022 года[4], подготовленный Минэкономразвития России, в рамках базового сценария подразумевал среднегодовой курс доллара в 2023 году 68,3 руб./долл. США. Фактическая величина достигла 85,2, то есть отклонение составило 24,7 %. Прогноз на 2024 год был 70,9 руб./долл., однако по результатам первого квартала среднее значение составило 90,7 руб./долл.

В соответствии с заключением Счетной палаты Российской Федерации на правительственный отчет об исполнении федерального бюджета за 2022 год отклонение общего объема поступления доходов федерального бюджета от прогнозируемого составило 11,2 %, а в 2021 году – 34,8 %. «Кассовые расходы федерального бюджета в 2022 году составили 31 118,9 млрд рублей, или 131,3 % запланированного объема. Объем бюджетных ассигнований сводной бюджетной росписи с изменениями превысил законодательно утвержденный объем на 8220,7 млрд рублей, или на 34,7 %, а объем положительных изменений сводной бюджетной росписи составил 20 780,5 млрд рублей, или 87,7 % утвержденного объема». В результате «в 2022 году федеральный

[3] *Об утверждении* Основ государственной политики… Пп. «ж» п. 46.

[4] *Прогноз* социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов [Электронный ресурс] // Офиц. сайт М-ва экон. развития Рос. Федерации. 2022. 28 сент. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_2023_god_i_na_planovyy_period_2024_i_2025_godov.html (дата обращения: 10.05.2024).

бюджет исполнен с дефицитом в размере 3294,5 млрд рублей, или 2,1 % ВВП, при утвержденном Федеральным законом № 390-ФЗ на 2022 год профиците в сумме 1327,7 млрд рублей»[5]. Проблемы формирования бюджетов различных уровней отмечаются и в работах отечественных авторов (Качкова и др., 2023).

Проблема точности прогнозов находит свое отражение и в исследованиях ученых. При этом отмечается, что значимое влияние на точность оказывают особенности самого показателя, период прогнозирования и внешние условия (Астафьева и Турунцева, 2021). Кроме того, ученые подчеркивают необходимость учета специфики рассматриваемой области общественной жизнедеятельности (Batóg and Batóg, 2021). Очевидно, что менее волатильные показатели могут быть спрогнозированы с большей точностью. Однако в современных условиях даже по ним присутствуют существенные риски, что приводит к принятию необоснованных решений. Исследования показывают, что точность формируемых прогнозов в рамках документов стратегического планирования остается довольно низкой. В частности, в работе (Липатова и Карапетян, 2022) дается обзор такого рода прогнозов. Среди прочих авторами упоминаются следующие:

1. В 2020 году для 57 из 85 главных администраторов доходов федерального бюджета были характерны серьезные ошибки при прогнозировании доходов (более 15 %).

2. В рамках государственных программ по направлению «Сбалансированное региональное развитие» в 2019 году 41 % индикаторов не достигли плановых значений, а в 2020 году к числу таких показателей относился каждый четвертый.

3. В ряде стратегических документов (например, Стратегии экономической безопасности Российской Федерации[6]) не установлены пороговые значения показателей для оценки ситуации.

4. В государственной программе «Экономическое развитие и инновационная экономика»[7] плановые и фактические значения показателей расходились в 500 раз.

Все это оборачивается быстрой потерей документами стратегического планирования своей актуальности. В качестве подтверждения Л. Н. Липатова и Р. В. Карапетян приводят Транспортную стратегию Российской Федерации[8], от ряда целей в которой отказались уже через год после принятия.

---

[5] *Исполнение* бюджета – 2022 [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Счет. палаты Рос. Федерации. 2023. 21 авг. URL: https://ach.gov.ru/audit/budget-2022 (дата обращения: 11.05.2024).

[6] *О Стратегии* экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 13.05.2017 № 208. URL: https://base.garant.ru/71672608/ (дата обращения: 11.05.2024).

[7] *Государственная* программа «Экономическое развитие и инновационная экономика» [Электронный ресурс] // Офиц. сайт М-ва экон. развития Рос. Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d36/gosudarstvennaya_programma_ekonomicheskoe_razvitie_i_innovacionnaya_ekonomika/ (дата обращения: 11.05.2024).

[8] *Об утверждении* Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 27.11.2021 № 3363-р. URL: https://base.garant.ru/403156321/ (дата обращения: 11.05.2024).

Таким образом, на сегодняшний день многие исследователи отмечают наличие проблем в области отечественной системы стратегического планирования (Бухвальд, 2022; Леонов, 2018). Среди основных проблем – отрыв документов стратегического планирования от бюджетного планирования; отсутствие увязки и рассогласованность целей и показателей в различных документах стратегического планирования (по уровням, отраслям и пр.); недостаточная ответственность и дисциплина органов государственной власти в части реализации и мониторинга разрабатываемых мероприятий; низкий уровень квалификационной подготовки специалистов, составляющих такие документы; доминирование краткосрочных тактических вопросов и решений над стратегическими; недофинансирование принятых программ и проектов; отсутствие четкой системы мониторинга и оценки выполнения стратегий; отсутствие обоснования принятия решений; недостаточная информированность и вовлеченность всех заинтересованных сторон в процесс стратегического планирования; бюрократическая и коррумпированная среда, которая затрудняет эффективную разработку и реализацию стратегий; недостаток финансовых и технологических ресурсов для успешной реализации стратегических планов; недостаточная актуализация стратегических планов в соответствии с изменяющейся экономической и политической ситуацией.

Наличие подобных существенных недостатков в системе стратегического планирования в России, в частности, обусловлено низким уровнем информационной поддержки лица, принимающего решение. При управлении сложными экономическими, социальными, политическими и другими видами процессов возникает необходимость повышения эффективности принятых решений. Высокие риски и затраты, связанные с принятием неправильных и неэффективных решений, требуют тщательного рассмотрения и оценки возможных альтернативных вариантов, согласования интересов всех участников (Низамутдинов и Орешников, 2018). В данных обстоятельствах при принятии решений важную роль играет доступность и достоверность информации, а также использование эффективных подходов и методов.

Как отмечает В. А. Цыбатов, «растущая динамика экономических процессов, неопределенность и сложная взаимосвязанность целей развития требуют скорейшего перевода процесса стратегического целеполагания регионального развития в формат цифровых моделей, которые позволят пересчитывать количественные параметры стратегии при любом изменении целевых ориентиров, ресурсных ограничений и параметров внешнего окружения, что может многократно повысить эффективность всего процесса стратегирования» (Цыбатов, 2021, с. 14–15). В целом низкое качество стратегического планирования региона может привести к упущенным возможностям, неэффективному использованию ресурсов и неспособности обеспечить устойчивое и равномерное развитие территории. Во избежание этих проблем важно разработать качественные и реалистичные стратегические планы, учитывающие потребности и ресурсы региона, и обеспечить их системный мониторинг и корректировку. Решение данных задач невозможно без формирования соответствующего информационного обеспечения.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для решения задач стратегического планирования развития разноуровневых территориальных социально-экономических систем используется ряд инструментов, под которыми понимается совокупность методов, моделей, подходов, концепций, применяемых в процессе подготовки и реализации управленческих решений.

Изначально в качестве объекта исследования стратегического планирования и управления выступали организации. Так, к базовым моделям стратегического планирования традиционно относят модель Гарвардской школы бизнеса, разработанную К. Эндрюсом и К. Христенсеном (основана на SWOT-анализе), модель И. Ансоффа (использование формализованных целей и процесса в виде блок-схем) и модель Г. Стейнера (объединение моделей Гарвардской школы бизнеса и И. Ансоффа, жесткая последовательность этапов формирования плана и детализация результатов действия). Исследователи отмечают, что все последующие подходы к стратегическому планированию основываются на данных моделях.

В свою очередь, различают подходы к стратегическому планированию развития территориальных образований. Стоит отметить, что любой такой подход предполагает наличие организационной политической («снизу вверх») и управленческой («сверху вниз») составляющих (Taylor et al., 2022). Поток «снизу вверх» базируется на широком привлечении заинтересованных сторон в сфере стратегического развития территории (представители населения, бизнеса и т. д.). Целевые установки территории в данном случае обосновываются такими экономическими агентами, как население, деловое сообщество, органы управления. В ходе диалога во внимание принимаются актуальные проблемы, потребности и возможности указанных агентов. К недостаткам данного подхода относят наличие противоположных точек зрения заинтересованных сторон, что зачастую исключает возможность достижения консенсуса и приводит к продвижению мнения активных социальных групп, не отвечающего потребностям остального общества (может быть характерно и для следующего потока), и прочие риски.

Поток «сверху вниз» подразумевает, что стратегическое планирование осуществляет исключительно высшее руководство территориальной социально-экономической системы. Такой подход, а он используется в большинстве стран, критикуется за превалирующий «бюрократический и технократический диктат», который может действовать против интересов общественности. Исключительное его применение приводит к ослаблению инициативы, возрастанию социальной зависимости, игнорированию инициатив «снизу» высшими исполнительными органами территориального управления страны, региона, муниципальных образований.

Указанные недостатки и ограничения позволяет избежать комбинированный подход, предполагающий взаимодействие организационных структур разного уровня и координацию работы между ними для определения реальных проблем территориального развития на местах и принятия наилучших решений по их предотвращению.

Кроме того, различают другие подходы, а именно:

– стейкхолдерский подход. Его основоположником принято считать Э. Фримана. Данный подход заключается в ориентации на достижение баланса между интересами участников стратегического планирования и формирование экономически взаимовыгодных отношений с целью обеспечения эффективного функционирования и развития территории. Стейкхолдеры представляют собой заинтересованных в деятельности организации лиц, способных влиять на ее политику. Отличительная особенность стейкхолдерского подхода состоит в том, что управляющие органы должны разработать и внедрить процессы, которые удовлетворяли бы только заинтересованных лиц. Центральной задачей здесь является интеграция отношений и интересов представителей различных групп таким образом, чтобы обеспечить оптимальный результат. В качестве одного из эффективных методов при реализации данного подхода А. Г. Харин и Т. Р. Гареев предлагают применение теории игр (Харин и Гареев, 2014). Среди признаков, позволяющих рассматривать стратегическое управление с позиции теории игр, они выделяют наличие нескольких стейкхолдеров, существование различий в интересах и стратегиях заинтересованных лиц, а также разного вида неопределенностей;

– индикативное планирование (программно-целевой подход). Одним из первых, кто предложил использовать экономические индикаторы, был Дж. Брукхмаймер в 1911 году. Важную роль в зарождении индикативного планирования сыграли также работы Дж. Хикса, К. Эрроу, Дж. Дебрё, П. Массе, Дж. Мида. Среди отечественных ученых следует прежде всего отметить С. Глазьева, Ю. Петрова, В. Дудкина, продолживших разработки по использованию индикативного планирования в современных российских условиях. Данный подход предполагает создание системы параметров, отражающих основные характеристики социально-экономического развития территории и позволяющих выявить и определить приоритеты развития в рамках разработки мер воздействия на социальные и экономические процессы. При этом разработанные планы не содержат информации и конкретных решений по отношению к экономическим агентам, то есть за последними остается свобода целеполагания. В планировании также участвуют бизнес-сообщество и некоммерческие организации (Габидуллина, 2019). В рамках программно-целевого подхода помимо основных методов используются методики определения индикаторов, отличающиеся набором показателей, способом определения весовых коэффициентов и расчета итоговых индикаторов;

– институциональный подход (авторский подход (Сенчукова, 2012)). Позволяет рассматривать стратегическое планирование как коммуникативный процесс согласования интересов основных социальных групп региона с целью устойчивого развития экономической системы. В рамках институционального подхода предлагается использовать инструментарий теории контрактов, экономики соглашений и трансакционной теории;

– инкрементальный подход. В числе ученых, чьи работы посвящены его исследованию, стоит отметить Ч. Линдблома, И. А. Антипина, Н. Ю. Власову. Ключевой особенностью данного подхода является разработка и реализация стратегии территории как постепенный, поэтапный процесс,

обеспечивающий непрерывное совершенствование существующих механизмов и их пересмотр, а также позволяющий корректировать стратегические действия и маневрировать. Способен повышать вероятность достижения консенсуса между заинтересованными сторонами и снизить риск принятия субъективных, неоптимальных управленческих решений (Antipin and Vlasova, 2020, p. 88).

Г. Минцберг и его соавторы выделили десять школ разработки стратегии (Минцберг и др., 2019, с. 9–315) – школы дизайна (К. Эндрюс), планирования (И. Ансофф), позиционирования (М. Портер), предпринимательства (Й. Шумпетер), когнитивную (Г. Саймон), обучения (Ч. Линдблом), власти (Г. Аллисон), культуры (Э. Ренман), внешней среды (Дж. Фриман), конфигурации (Г. Минцберг).

В свою очередь, существует множество классификаций методов и подходов к принятию управленческих решений в сфере стратегического планирования. На каждом этапе стратегического планирования предполагается применение различных методов, начиная от инструментария определения основных целей и заканчивая способами мониторинга реализации стратегии. Так, (Захарова, 2018) рассматривает классические методы стратегического анализа и выбора стратегии, часть из которых не могут применяться в стратегическом управлении территориальными социально-экономическими системами (матрица Бостонской консалтинговой группы, матрица И. Ансоффа, матрица Д. Абеля, матрица «Дженерал Электрик» – «МакКинзи», матрица АДЛ (Артур Д. Литтл), модель Шелл/ДПМ, модель Хофера – Шенделя, модель «5 сил конкуренции» М. Портера). Другие методы данной группы (SWOT-анализ, метод SNW, PEST-анализ, анализ разрывов, сценарное планирование) в большей степени адаптированы к решению рассматриваемых нами задач, однако единственным универсальным методом А. А. Захарова называет SWOT-анализ (Захарова, 2018, с. 89). Среди методов стратегического контроля выделены система сбалансированных показателей и ключевые показатели эффективности, однако их применение не решает проблем формирования плана стратегического развития.

Для стратегического управления территориальными социально-экономическими системами значительно более перспективны методы принятия решений, среди которых выделяют многокритериальную оценку альтернатив (Петровский, 2020) и применение математического аппарата (теория нечетких множеств (Ярушев и др., 2023); теория игр (Аверкин и др., 2021); имитационное моделирование, нейронные сети и сети Петри (Justino et al., 2024; Барский, 2004); когнитивные карты, вероятностно-статистические методы (Орлов, 2022); задачи обработки экспертных знаний (Лисецкий и Каревина, 2008); задачи системного анализа (Светуньков, 2020); методы макроэкономического прогнозирования (Vintu, 2022)).

Кроме того, имеется ряд исследований, посвященных вопросам разработки информационных систем в области стратегического развития регионов. Так, можно отметить публикацию, авторами которой «предложена информационно-аналитическая система поддержки принятия решений, ориентированная на автоматизацию вычислительных процедур

при стратегическом планировании» (Швецова и Звягинцева, 2020, с. 55). Данная система организована на базе вычислительной платформы Statistica. Другим примером является работа Н. Н. Лычкиной, в рамках которой «аналитическую основу СППР составляет обобщенная имитационная модель региона, а также интеллектуальные и экспертные системы, аккумулирующие опыт решения задач управления и обеспечивающие участие коллектива экспертов» (Лычкина, 2004, с. 1381). Вместе с тем даже в этом случае приоритет отдается применению модельного инструментария.

В настоящей статье предлагается изучить использование различных методов на каждом из этапов стратегического планирования развития территорий. Условно процесс стратегического планирования можно разделить на три основные фазы: 1) аналитическая оценка существующей ситуации; 2) определение стратегических целей, приоритетов, миссии; 3) прогнозирование, выработка механизмов и инструментов по совершенствованию. В ходе ранее проведенного анализа (Низамутдинов и Орешников, 2023) были выделены ключевые этапы разработки стратегии социально-экономического развития региона, среди которых с точки зрения непосредственного решения задач управления рассматривались этапы исследования объекта управления (аналитическая оценка существующей ситуации, определение и выявление проблем), целеполагания (определение стратегических целей, приоритетов, миссии), сценарного прогнозирования (прогнозирование, разработка мероприятий по совершенствованию), формирования индикативного плана и разработки регулирующего воздействия. На всех перечисленных этапах стратегического процесса используются различные методы принятия управленческих решений, что схематично отражено на рисунке.

Выбор того или иного метода зачастую определяется разработчиком самостоятельно исходя из собственных предпочтений. Существующие рекомендации акцентируют внимание на методах SWOT- и PEST-анализа, хотя и подразумевают проведение исследования по широкому кругу направлений (макроэкономические пропорции, оценка внешних и внутренних факторов, анализ конкурентоспособности, типологизация и т. д.). В то же время на этапе исследования объекта управления зачастую проводится анализ статистических данных, социологический анализ, изучаются экспертные оценки. Уже на этом этапе видно, что значительная часть информации не поддается формализации или формализована слабо, однако дальнейшее ее отбрасывание приводит к недопониманию реальной ситуации. Эксперты указывают на необходимость задействования различных методов хранения и обработки данных. В частности, для статистической информации предполагается формирование проблемно ориентированной базы данных с возможностью обработки больших массивов и использования статистических методов (например, MS Excel, Statistica, SPSS, Stadia, Prism и др.); для социологических данных целесообразно создание локального архива, используемого в том числе в рамках применения методов «вторичного анализа», обработки опросов, экспертных оценок (SPSS, Vortex, ДА-система, Statistica и др.). Отдельную категорию составляют геоинформационные данные, для работы с которыми требуются специализированные программные решения (MapInfo, AtlasGIS, WinGIS,

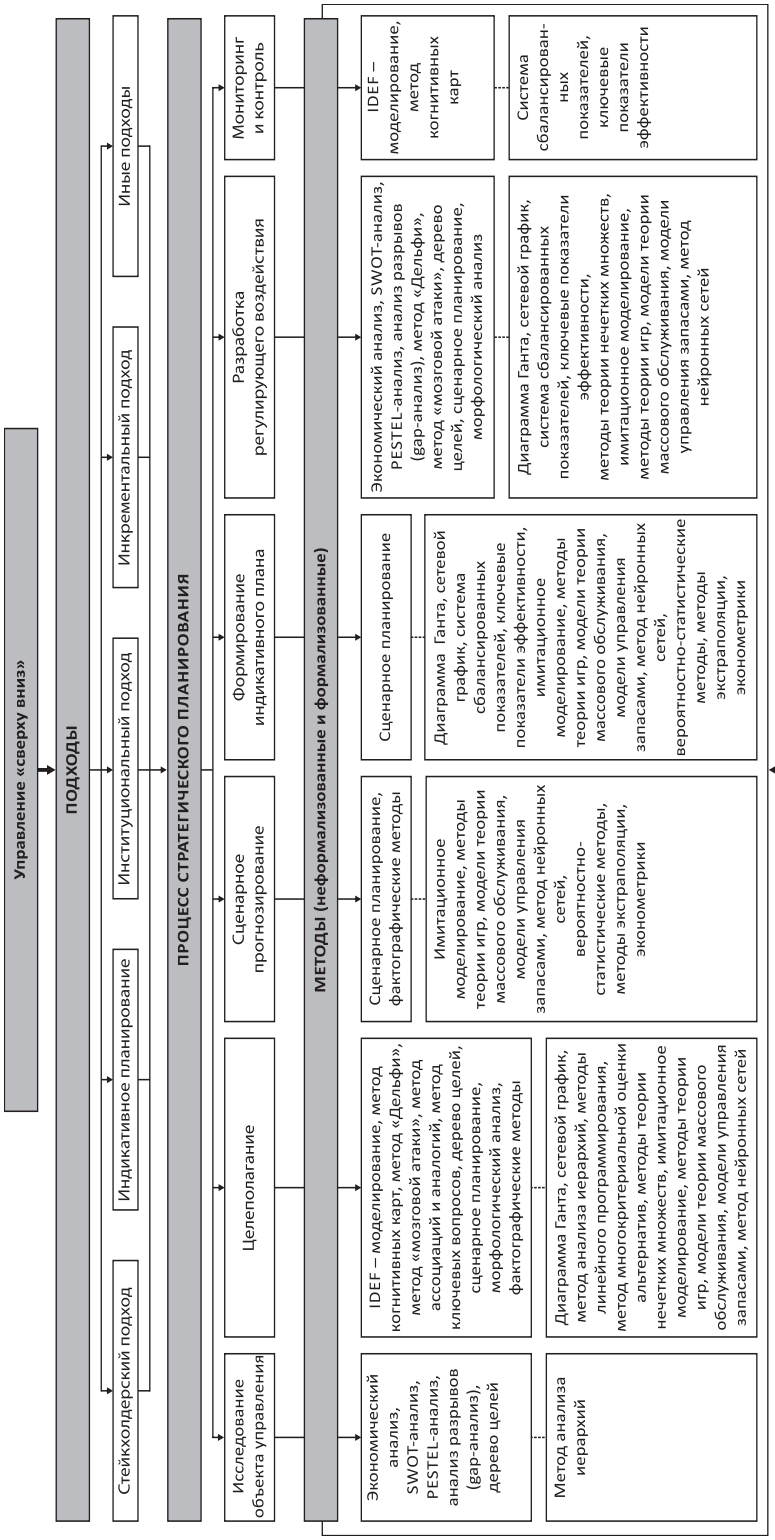

Рис. Методы и подходы, используемые на ключевых этапах процесса стратегического планирования / Fig. Methods and approaches used at key stages of the strategic planning process

Источник: составлено авторами.

GeoGraph/GeoDraw, ArcInfo и т. д.). Этап целеполагания имеет принципиально иные задачи, связанные в первую очередь с согласованием интересов сторон. В дополнение к ранее озвученным методам здесь могут применяться механизмы контекстного семантического поиска в гипертекстовой базе данных, методы морфологического анализа, методы нечетких множеств. И в этом случае значительная часть данных представлена неформализованной информацией. На последующих этапах также можно наблюдать расширение спектра используемых методов как в части количественных оценок и применения экономико-математического моделирования, так и в части использования накопленного опыта. В данном аспекте интерес представляет прецедентный подход (case-based reasoning), когнитивное моделирование, используемое для решения слабоструктурированных задач (Борисова, 2023). В работе (Авдеева и др., 2007) приводится анализ управленческих задач, для решения которых целесообразно применять когнитивное моделирование, однако сама процедура формирования подобных моделей предполагает необходимость проведения количественной интерпретации субъективных оценок экспертов. Сходные выводы прослеживаются в работах других исследователей. Так, А. А. Захарова, отмечая, что стратегическое планирование включает в себя анализ, выбор и контроль, показывает, что бóльшая часть задач на всех этапах слабо формализуема (Захарова, 2018, с. 87).

На сегодняшний день следует указать на недостаточность информации об использовании государственными органами тех или иных методов на отдельных этапах стратегического планирования. И если, например, метод SWOT-анализа относится к наиболее известным и представлен в большинстве разработанных стратегий как регионального, так и муниципального уровня, то информации о применении других методов практически нет. По-прежнему превалируют экспертные методы разработки и принятия управленческих решений (Сурков, 2019; Sari, 2023). Таким образом, в действительности описанные методы практически не применяются в процессе стратегического планирования, что усиливает риски принятия неэффективных управленческих решений. Данное обстоятельство обусловлено множеством разнородных факторов, включая отсутствие методического обеспечения процесса стратегического планирования, наличие слабоформализованных данных, недостаточность информации и т. д.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Главной функцией системы управления является разработка решения, которое определит дальнейшие действия управляемого объекта. При этом важнейшей характеристикой принятого решения является его обоснованность. Основанием для принятия управленческого решения выступает наличие требуемой информации в необходимом объеме. В свою очередь, управление социально-экономическими системами относится к чрезвычайно сложным процессам, в которых решение зачастую принимается в условиях недостаточности данных, неопределенности, высоких рисков и, кроме того, динамичности процессов. Все это приводит к необходимости внедрения

информационных систем, обеспечивающих поддержку принятия управленческих решений.

Статья 14 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» посвящена федеральной информационной системе стратегического планирования[9]. Такая система содержит структурированную информацию из федеральных, региональных и муниципальных ресурсов и систем, данные государственной статистики, сведения, необходимые для обеспечения поддержки принятия управленческих решений. Система осуществляет работу посредством государственной автоматизированной информационной системы «Управление», которая была утверждена к разработке в 2009 году[10]. Сама федеральная информационная система стратегического планирования (ФИС СП) разработана в 2015-м.

Еще в 2017 году в рамках XVI Общероссийского форума стратегов обсуждалась работа федеральной информационной системы. В качестве существующих на тот момент проблем представитель Минэкономразвития России отмечал противоречия в документах стратегического планирования, в частности различия в наименованиях одинаковых показателей, несогласованность значений целевых индикаторов, отсутствие сбалансированности и согласованности внутри документов, а также отсутствие навыков работы с такими данными. Среди основных задач было отмечено создание к 2020 году цифровой платформы, позволяющей автоматизировать процесс стратегического планирования с момента принятия решения о разработке документа до его завершения и оценки результативности. Для достижения данной задачи предполагалось использование больших данных, методов имитационного моделирования, искусственного интеллекта, облачных технологий[11]. С 2019 года мероприятия по информационному обеспечению стратегического планирования объединены в проект «Цифровое стратпланирование», который является частью федерального проекта «Цифровое государственное управление» национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации». На сегодняшний день упомянутая цифровая платформа реализована посредством технических мощностей ГАС «Управление», однако возможности имитационного моделирования, искусственного интеллекта и т. д. в ней не упоминаются.

В таблице содержится перечень государственных информационных систем, описано их основное предназначение и функциональные возможности и ограничения при использовании в процессе стратегического планирования развития территориальных образований. К сожалению, в открытом доступе информация об особенностях функционирования данных систем не представлена, что не позволяет провести подробный анализ их ограничений.

---

[9] *О стратегическом* планировании… Ст. 14.

[10] *О государственной* автоматизированной информационной системе «Управление» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 25.12.2009 № 1088. URL: https://base.garant.ru/197043/ (дата обращения: 13.05.2024).

[11] *Стратегическое* планирование и новые технологи [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Центра стратегических разработок. 2017. 24 окт. URL: https://www.csr.ru/ru/news/2313/ (дата обращения: 15.04.2024).

Таблица / Table

Государственные информационные системы в сфере стратегического планирования / State information systems in the sphere of strategic planning

Государственная информационная система	Предназначение	Возможности	Ограничения
Корпоративная система информационно-аналитического обеспечения органов государственной власти Российской Федерации	Обеспечение поддержки процессов принятия решений на основе анализа публикаций СМИ и информационно-аналитических документов	– Осуществление мониторинга социо-экономико-политических процессов; – обеспечение информацией органов власти; – обеспечение возможности взаимодействия между участниками процесса	– Отсутствие формализованной информации; – проблемы, связанные со своевременным обновлением документов
Информационно-аналитическая система «Мониторинг социально-экономического положения субъектов Российской Федерации (ИС «Органы управления»); информационно-аналитическая система «Призма»	Информационно-аналитическая поддержка главы субъекта Российской Федерации, органов государственной власти, местного самоуправления в сфере социально-экономического и общественно-политического развития, а также обеспечения комплексной безопасности	– Осуществление сбора и обработки информации по тематикам; – мониторинг показателей и использование средств продвинутой визуализации; – анализ связанных факторов, влияющих на значение показателей	– Возможность ошибок в статистических данных; – отсутствие полноценной возможности использования слабоструктурированной и слабоформализованной информации

Государственная информационная система	Предназначение	Возможности	Ограничения
Государственная интегрированная информационная система (ГИИС) управления общественными финансами «Электронный бюджет»; подсистема бюджетного планирования ГИИС «Электронный бюджет»	Обеспечение прозрачности, открытости, подотчетности деятельности государственных органов и органов управления государственными внебюджетными фондами, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений	– Осуществление бюджетного планирования; – информационно-аналитическое обеспечение; – управление нацпроектами и госпрограммами	– Дублирование операций по многократному вводу и обработке данных; – неполная автоматизация процессов управления финансово-хозяйственной деятельностью учреждений; – ограниченные возможности работы со слабоформализованной информацией
Государственная автоматизированная информационная система «Управление»	Информационно-аналитическая поддержка принятия органами государственной власти Российской Федерации и местного самоуправления решений в сфере государственного управления	– Обеспечение информационно-аналитической поддержкой органов государственной власти и местного самоуправления; – осуществление мониторинга, анализа и контроля за исполнением принятых решений; – обеспечение оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления	Отсутствие возможности работы со слабоструктурированной и слабоформализованной информацией
Федеральная государственная информационная система стратегического планирования	Регистрация и ведение реестра документов стратегического планирования, мониторинг и контроль за реализацией	Осуществление мониторинга и контроля реализации документов и показателей стратегического планирования	– Отсутствие информации о накопленном опыте стратегического планирования; – отсутствие информации о прецедентах принятых решений

Источник: составлено авторами.

Из представленных в таблице данных видно, что подавляющая часть информационных систем предназначена для сбора информации и взаимодействия между участниками процесса стратегического планирования. Как отмечается в статье А. Г. Атаевой, функционал федеральной информационной системы стратегического планирования, реализованный в государственной автоматизированной информационной системе "Управление", включает в себя только два аспекта: федеральный государственный реестр документов стратегического планирования и общественное обсуждение, которому подлежат все проекты документов стратегического планирования (Атаева, 2019, с. 593). В то же время аналитическая составляющая в большей степени сводится к сопоставлению фактических и планируемых значений показателей, тогда как для принятия управленческих решений требуется четкое понимание прогнозной динамики показателей, характеризующих объект управления, и их чувствительность к тем или иным мерам. Более того, значительная часть информации о территориальных социально-экономических системах является неструктурированной или слабоформализованной. В том числе в связи с этим одна из информационных систем направлена на исследование средств массовой информации. Однако комплексной возможности хранения, обработки и использования, включая накопление экспертных знаний, прецедентов принятых решений, данными системами не предусмотрено. Между тем включение подобных составляющих могло бы принципиально изменить возможности данных систем и задачи их применения, обозначенные в соответствующих положениях (Швецов, 2020, с. 106; Bryson et al., 2022, pp. 540–542).

В данном аспекте целесообразно упомянуть экосистему продуктов и решений компании «Форсайт» – разработчика платформы бизнес-аналитики Prognoz Platform. Платформа используется в государственном секторе (Администрация Президента Российской Федерации, Центральный банк Российской Федерации) и в крупных корпорациях для анализа статистических данных, моделирования и прогнозирования социально-экономических процессов и базируется на технологиях Data Mining и Big Data. Включает различные модели, например DSGE-модель (Shults, 2020). На текущий день подход указанной компании реализуется в рамках продукта «Форсайт. Аналитическая платформа» и является универсальным инструментом для разных направлений деятельности. Вместе с тем акцент также сделан на использовании формализованных статистических данных, что ограничивает возможности работы с мнениями экспертов.

В ряде регионов России внедрены информационно-аналитические системы, позволяющие осуществлять отдельные функции управления. Подробная информация об их возможностях и оценка эффективности применения не раскрывается. Так, например, информационно-аналитическая система мониторинга и анализа социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа (ИАС Мониторинг Ямал)[12] введена в действие с 1 августа 2012 года и предназначена для информационной поддержки

[12] *ИАС* Мониторинг Ямал [Электронный ресурс]. URL: https://monitoring.yanao.ru/ (дата обращения: 10.05.2024).

процессов стратегического планирования и прогнозирования регионального социально-экономического развития в части автоматизации процессов мониторинга и анализа ситуации. Для обеспечения функционирования этой системы разработан отдельный нормативный акт. Другим примером является ИАС Мониторинг Ярославской области[13], ориентированная на анализ бюджетных процессов в регионе. Открытая для ознакомления часть системы представляет собой в большей степени инструмент визуализации данных с целью сравнения по отдельным показателям параметров социально-экономического развития территорий в пространственном и временно́м разрезе.

Указанный список является далеко не полным, но дает представление о специфике используемых информационных систем. Ряд подобных систем, например Государственная автоматизированная система правовой статистики[14], находится на стадии разработки. Очевидно, что вопросы применения современных информационных систем в области разработки управленческих решений на государственном уровне будут сохранять свою актуальность. Более того, развитие технологий приведет к появлению новых методов и подходов. Уже сейчас предлагается применять искусственный интеллект для составления более точных прогнозов социально-экономического развития[15].

Таким образом, на сегодняшний день в области стратегического планирования складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, имеется огромный объем разнородной информации, значительная часть которой носит качественный, слабоструктурированный характер. С другой стороны, данная информация используется крайне ограниченно в связи с отсутствием инструментов ее структурирования, обработки и эффективного использования при принятии управленческих решений. Государственные информационные системы не позволяют в полной мере реализовать данные функции. Они не обеспечивают возможности хранения, обработки и использования лицом, принимающим решение, неструктурированной и слабоформализованной информации, накопленного опыта экспертных знаний, существующих прецедентов принятых решений. Также стоит отметить наличие множества дублирующих функций различных информационных систем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стратегическое планирование регионального развития является сложной задачей, включающей множество компонентов. Ее решение сопряжено с учетом и обработкой разнородной информации, что определяет необходимость

[13] *ИАС* Мониторинг Ярославской области [Электронный ресурс]. URL: https://budget76.ru/ (дата обращения: 10.05.2024).

[14] *Об утверждении* Положения о государственной автоматизированной системе правовой статистики [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 15.12.2020 № 2113. URL: https://base.garant.ru/75083297/ (дата обращения: 11.05.2024).

[15] *Совфед* предлагает применять искусственный интеллект для составления более точных прогнозов социально-экономического развития [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Всерос. полит. партии «Единая Россия». 2021. 22 дек. URL: https://er.ru/activity/news/sovfed-predlagaet-primenyat-iskusstvennyj-intellekt-dlya-sostavleniya-bolee-tochnyh-prognozov-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya (дата обращения: 14.05.2024).

применения современных информационно-аналитических систем и технологий обработки данных. При этом лицо, принимающее решение, имеет дело как с формализованными данными, в первую очередь статистической информацией, так и со слабоформализованными данными, экспертными мнениями. На сегодняшний день в области стратегического планирования разработан весьма широкий перечень подходов и методов. Но следует признать, что на уровне предприятий подобные системы нашли значительно большее распространение, чем в сфере государственного и муниципального управления. К тому же в органах власти работа с неформализованной информацией значительно менее развита.

Каждый из этапов стратегического планирования развития территориальных социально-экономических систем обладает особенностями, которые влияют на выбор метода исследования. Однако существующие информационные системы в большей степени ориентированы на обеспечение взаимодействия участников процесса стратегического планирования и мониторинг результатов, в то время как наиболее сложная и значимая составляющая – разработка прогноза и плана развития – остается неучтенной. Таким образом, в само́й системе стратегического планирования имеются существенные противоречия.

Требуется разработка комплексной системы информационной поддержки лица, принимающего решение, с позиции стоящих перед ним управленческих задач и соответствующей модели управления стратегическим развитием региона на основе методов имитационного моделирования и технологий управления знаниями. Целесообразно разработать методику и алгоритмы выработки и оценки стратегических решений в области социально-экономического состояния субъекта Российской Федерации посредством применения методов интеллектуальной обработки знаний, выявления типовых ситуаций с использованием нейросетей, определения угроз и рисков развития, формирования сценариев изменения ситуации, индикативного планирования. Объединение данных блоков позволит сформировать систему информационной поддержки для процесса стратегического планирования на региональном уровне.

В рамках предлагаемого подхода следует рассматривать разработку стратегии развития региона с трех позиций: а) стратегия как документ, что требует анализа содержательной составляющей и нормативно-правовой базы; б) стратегирование как процесс, выраженный в описании этапов принятия решений. Целесообразным здесь представляется применение методологии структурного анализа SADT и технологии IDEF0; в) стратегирование как совокупность мер по поиску решений определенных проблем, а стратегия как комплекс подобных решений. В этом ключе в первую очередь следует анализировать не последовательности действий, а взаимосвязь принимаемых решений.

На наш взгляд, все три позиции дополняют друг друга и позволяют комплексно подойти к разработке стратегий развития регионов России. При этом приоритет целесообразно отдать вопросам, связанным с моделированием регионального развития, оценкой последствий реализации различных сценариев и разработкой подхода к формированию инструментария информационной поддержки стратегического планирования развития территориальной

системы. Ядром данного инструментария являются два блока – модель региональной системы и система разработки решения. При этом требуется описать три уровня моделирования:

– на первом уровне формализуется поведение отдельных агентов и малых социальных групп. В целом функционирование и развитие агентов предполагается реализовывать в рамках методологии агент-ориентированного моделирования (АОМ) с учетом концепции интеллектуального агента. Для отражения их особенностей предполагается использовать методы теории ожиданий и поведенческий подход. В ряде случаев параметры ситуации характеризуются не количественно, а качественно, в связи с чем целесообразно применять методы теории нечеткой логики;

– второй уровень моделирования представляет собой взаимодействие множества отдельных агентов, порождающее макроэкономические процессы, что описывается с применением методов системной динамики;

– третий уровень отражает внешнюю среду региона. Систему разработки решения предполагается реализовать в виде надстройки над моделью региона, которая бы служила для определения значений целевых индикаторов и регуляторов.

Таким образом, проведенное исследование показало, что на сегодняшний день в Российской Федерации и ее регионах сохраняется потребность в совершенствовании системы организации стратегического планирования. При этом ключевым вопросом в данной сфере является обеспечение эффективной информационной поддержки принятия решений, что невозможно без широкого внедрения современных методов экономико-математического моделирования и прогнозирования.

Список источников

Авдеева З. К., Коврига С. В., Макаренко Д. И. Когнитивное моделирование для решения задач управления слабоструктурированными системами (ситуациями) // Управление большими системами. 2007. № 16. С. 26–39. EDN: HVGOCJ.

Аверкин А. Н., Афанасьев С. Д., Микрюков А. А. и др. Стандартизация работы с большими данными: международные и национальные стандарты // Информационное общество. 2021. № 4–5. С. 220–258. https://doi.org/10.52605/16059921_2021_04_220. EDN: DPGURW.

Астафьева Е., Турунцева М. Оценка качества краткосрочных прогнозов российских внешнеторговых показателей (апрель 2009 г. – июнь 2021 г.) и мировых цен на некоторые виды сырья (апрель 2009 г. – июль 2021 г.) [Электронный ресурс] // Научный вестник ИЭП им. Гайдара.ру. 2021. № 8. С. 32–36. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_62497865_56600930.pdf (дата обращения: 14.05.2024).

Атаева А. Г. Информационное и методическое обеспечение разработки региональных стратегий // Ars Administrandi (Искусство управления). 2019. Т. 11, № 4. С. 589–613. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-4-589-613. EDN: ZFAXXC.

Барский А. Б. Нейронные сети: распознавание, управление, принятие решений. М.: Финансы и статистика, 2004. 176 с.

Борисова В. В. О возможностях когнитивного моделирования в задачах стратегического управления // Инновации и инвестиции. 2023. № 4. С. 117–122. EDN: FFAOKI.

Бухвальд Е. М. «Основы государственной политики в сфере стратегического планирования»: нерешенные проблемы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 1. С. 32–49. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_1_32_49. EDN: LGXQOW.

Габидуллина Ч. Ф. Стратегическое индикативное планирование и концептуальные модели управления устойчивым развитием региона // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9, № 12–1. С. 171–183. https://doi.org/10.34670/AR.2020.92.12.049. EDN: JVLIBS.

Захарова А. А. Структура и технология функционирования среды разработки систем поддержки принятия стратегических решений // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2018. Т. 21, № 1. С. 86–91. https://doi.org/10.21293/1818-0442-2018-21-1-86-91. EDN: UYUETD.

Качкова О. Е., Кузнецова В. А., Кузнецов Р. О. Статистический анализ основных показателей бюджета Российской Федерации и прогноз расходов к 2035 г. // Актуальные проблемы социально-экономического развития России. 2023. № 1. С. 91–95. EDN: DOPSDQ.

Леонов С. Н. Проблемы формирования системы стратегического регионального планирования в России на современном этапе // Труды Братского государственного университета. Серия: экономика и управление. 2018. Т. 1. С. 3–8. EDN: YLMQST.

Липатова Л. Н., Карапетян Р. В. О качестве стратегического планирования и прогнозирования в России // Россия: тенденции и перспективы развития: материалы XXI нац. науч. конф. с междунар. участием / Отв. Ред. В. И. Герасимов. М.: Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН, 2022. С. 173–175. EDN: THIXXQ.

Лисецкий Ю. М., Каревина Н. П. Об автоматизации экспертных оценок // Математические машины и системы. 2008. № 1. С. 151–162. EDN: PUTUFP.

Лычкина Н. Н. Компьютерное моделирование социально-экономического развития регионов в системах поддержки принятия решений // Труды III Междунар. конф. «Идентификация систем и задачи управления» SICPRO-04. М.: Ин-т проблем упр. им. В. А. Трапезникова РАН, 2004. С. 1377–1402.

Минцберг Г., Альстрэнд Б., Лэмпел Дж. Стратегическое сафари: Экскурсия по дебрям стратегического менеджмента. 5-е изд. / Пер. с англ. Д. Раевской, Л. Царука. М.: Альпина Паблишер, 2019. 365 с.

Низамутдинов М. М., Орешников В. В. Концептуализация задачи информационного обеспечения процессов стратегического планирования на региональном уровне // Экономика промышленности. 2023. Т. 16, № 1. С. 20–33. https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-1-20-33. EDN: UHNDXP.

Низамутдинов М. М., Орешников В. В. Методические аспекты проблемы согласования интересов в рамках задачи выбора стратегических приорите-

тов регионального развития // Экономика промышленности. 2018. Т. 11, № 2. С. 185–194. https://doi.org/10.17073/2072-1633-2018-2-185-194. EDN: XZJBSP.

Орлов А. И. О современных интеллектуальных инструментах экономики и менеджмента // Экономическая наука современной России. 2022. № 4. С. 30–38. https://doi.org/10.33293/1609-1442-2022-4(99)-30-38. EDN: GETNVQ.

Петровский А. Б. Снижение размерности признакового пространства: метод Сократ // Искусственный интеллект и принятие решений. 2020. № 2. С. 63–77. https://doi.org/10.14357/20718594200205. EDN: BGTNTV.

Светуньков С. Г. Комплекснозначная экономика в прогнозировании одномерных экономических рядов // Современная экономика: проблемы и решения. 2020. № 12. С. 46–57. https://doi.org/10.17308/meps.2020.12/2489. EDN: TWCCCN.

Сенчукова Л. О. Институты стратегического планирования: региональный уровень // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2. С. 116–120. EDN: PUZEHX.

Сурков А. А. Объединение экономических прогнозов с использованием экспертной информации // Статистика и Экономика. 2019. Т. 16, № 5. С. 4–14. https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-5-4-14. EDN: MKIZLQ.

Харин А. Г., Гареев Т. Р. Стейкхолдерский подход в управлении организациями: перспективы применения теоретико-игровых моделей // Terra Economicus. 2014. Т. 12, № 4. С. 105–113. EDN: TJHHUH.

Цыбатов В. А. Цифровизация целеполагания: от формирования целевого плана до разработки сценария развития // Региональная экономика. Юг России. 2021. Т. 9, № 4. С. 14–25. https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.4.2. EDN: JTFPXQ.

Швецов А. Н. К сопоставительному анализу процессов цифровизации госуправления в России и в других странах // Российский экономический журнал. 2020. № 5. С. 75–117. https://doi.org/10.33983/0130-9757-2020-5-75-117. EDN: CPNNUN.

Швецова А. А., Звягинцева А. В. Информационно-аналитическая система поддержки принятия решений для стратегического планирования развития регионов и городов // Мягкие измерения и вычисления. 2020. Т. 36, № 11. С. 55–66. https://doi.org/10.36871/2618-9976.2020.11.005. EDN: DQCUOA.

Ярушев С. А., Аверкин А. Н., Савинова В. М. и др. Гибридные модели прогнозирования показателей внешнеэкономической деятельности РФ на основе нечетких когнитивных карт и деревьев решений // Мягкие измерения и вычисления. 2023. Т. 62, № 1. С. 5–19. https://doi.org/10.36871/2618-9976.2023.01.001. EDN: JGDIWJ.

Antipin I. A., Vlasova N. Yu. Incremental approach to regional strategising: Theory, methodology, practices // Journal of New Economy. 2020. Т. 21, № 3. С. 73–90. https://doi.org/10.29141/2658-5081-2020-21-3-4. EDN: CJQLCM.

Batóg B., Batóg J. Regional government revenue forecasting: Risk factors of investment financing // Risks. 2021. Vol. 9, № 12. Art. № 210. https://doi.org/10.3390/risks9120210.

Bryson J. M., George B., Seo D. Understanding goal formation in strategic public management: A proposed theoretical framework // Public Management Review. 2022. Vol. 26, № 2. P. 539–564. https://doi.org/10.1080/14719037.2022.2103173.

Justino M. d. R. T. F., Texeira-Quirós J., Gonçalves A. J. et al. The role of artificial neural networks (ANNs) in supporting strategic management decisions // Journal of Risk and Financial Management. 2024. Vol. 17, № 4. Art. № 164. https://doi.org/10.3390/jrfm17040164.

Sari A. R. The impact of good governance on the quality of public management decision making // Journal of Contemporary Administration and Management (ADMAN). 2023. Vol. 1, № 2. P. 39–46. https://doi.org/10.61100/adman.v1i2.21.

Shults D. N. DSGE-model for Russian economy with banks and firm-specific capital in coronavirus pandemic // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2020. Т. 15, № 2. P. 218–230. https://doi.org/10.17072/1994-9960-2020-2-218-230. EDN: VDOVDT.

Taylor J., MacNamara Á., Taylor R. Strategy in talent systems: Top-down and bottom-up approaches // Frontiers in Sports and Active Living. 2022. Vol. 4. Art. № 988631. https://doi.org/10.3389/fspor.2022.988631.

Vintu D. Canonical quarterly projection model for monetary policy analysis and forecasting // Sochi Journal of Economy. 2022. Vol. 16, № 3. P. 198–212. EDN: TZYQCB.

Информация об авторах

М. М. Низамутдинов – кандидат технических наук, доцент, ученый секретарь, заведующий сектором экономико-математического моделирования Института социально-экономических исследований – обособленного структурного подразделения ФГБНУ Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 450075, Россия, г. Уфа, пр-т Октября, 71

SPIN-код (РИНЦ): 1217-4979

AuthorID (РИНЦ): 137105

Web of Science ResearcherID: O-4530-2015

Scopus Author ID: 57211531163

Ю. С. Аитова – начальник аналитического департамента Автономной некоммерческой организации по подготовке и реализации мероприятий по развитию межнационального и международного сотрудничества Конгресс-бюро Республики Башкортостан «Офис-группа», 450076, Россия, г. Уфа, ул. Аксакова, 2

SPIN-код (РИНЦ): 7399-6277

AuthorID (РИНЦ): 969857

Scopus Author ID: 57278651900

В. В. Орешников – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора экономико-математического моделирования Института социально-экономических исследований – обособленного структурного подразделения ФГБНУ Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 450075, Россия, г. Уфа, пр-т Октября, 71

SPIN-код (РИНЦ): 3063-1615

AuthorID (РИНЦ): 641144

Web of Science ResearcherID: O-4512-2015
Scopus Author ID: 57207357557

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 05.06.2024; одобрена после рецензирования 28.07.2024; принята к публикации 28.07.2024.

References

Avdeeva, Z. K., Kovriga, S. V. and Makarenko, D. I. (2007), "Cognitive modeling for solving problems of managing weakly structured systems (situations)", *Large-Scale Systems Control*, no. 16, pp. 26–39, EDN: HVGOCJ.

Averkin, A. N., Afanasyev, S. D., Mikryukov, A. A. et al. (2021), "Big data standardization: International and national standards", *Information Society*, no. 4–5, pp. 220–258, https://doi.org/10.52605/16059921_2021_04_220, EDN: DPGURW.

Astafyeva, E. and Turuntseva, M. (2021), "Quality assessment of short-term forecasts of Russian foreign trade indicators (April 2009 – June 2021) and world prices for some types of raw materials (April 2009 – July 2021)", *IEP Scientific Bulletin*, no. 8, pp. 32–36 [Online], available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_62497865_56600930.pdf (Accessed May 14, 2024).

Ataeva, A. G. (2019), "Information and methodological support for the development of regional strategies", *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 4, pp. 589–613, https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-4-589-613, EDN: ZFAXXC.

Barsky, A. B. (2004) *Neyronnyye seti: raspoznavaniye, upravleniye, prinyatiye resheniy* [Neural networks: Recognition, management, and decision making], Finance and Statistics, Moscow, Russia.

Borisova, V. V. (2023), "On the possibilities of cognitive modeling in problems of strategic management", *Innovation & Investment*, no. 4, pp. 117–122, EDN: FFAOKI.

Buchwald, E. M. (2022), "Inresolved issues of "Public policy framework for strategic planning", *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*, no. 1, pp. 32–49, https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_1_32_49, EDN: LGXQOW.

Gabidullina, Ch. F. (2019), "Strategic indicative planning and conceptual models for managing the sustainable development of the region", *Economics: Yesterday, Today, Tomorrow*, vol. 9, no. 12–1, pp. 171–183, https://doi.org/10.34670/AR.2020.92.12.049, EDN: JVLIBS.

Zakharova, A. A. (2018), "Structure and technology of the environment for the development of strategic decision support systems", *Proceedings of the TUSUR University*, vol. 21, no. 1, pp. 86–91, https://doi.org/10.21293/1818-0442-2018-21-1-86-91, EDN: UYUETD.

Kachkova, O. E., Kuznetsova, V. A. and Kuznetsov, R. O. (2023), "Experience of statistical analysis of key figures of Russian Federation budget and forecast

of expenditures to 2035", *Actual Problems of Socio-Economic Development of Russia*, no. 1, pp. 91–95, EDN: DOPSDQ.

Leonov, S. N. (2018), "Formation problems of strategic regional planning system in Russia at the present stage", *Proceedings of the Bratsk State University. Series: Economics and Management*, vol. 1, pp. 3–8, EDN: YLMQST.

Lipatova, L. N. and Karapetyan, R. V. (2022), "On the quality of strategic planning and forecasting in Russia", in Gerasimov, V. I. (ed.), *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya: materialy XXI natsional'noi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Russia: Trends and prospects of development: Proceedings of the XXI National scientific conference with international participation], Institute for Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia, pp. 173–175, EDN: THIXXQ.

Lisetsky, Yu. M. and Karevina, N. P. (2008), "On automation of the expert estimations", *Mathematical Machines and Systems*, no. 1, pp. 151–162, EDN: PUTUFP.

Lychkina, N. N. (2004), "Simulation modeling of regions' social and economic development in decision support systems", in Trudy III Mezhdunarodnoi konferentsii "Identifikatsiya sistem i zadachi upravleniya" SICPRO-04 [Proceedings of the III International conference "System identification and control problems" SICPRO-04], V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the RAS, Moscow, Russia, pp. 1377–1402.

Mintzberg, G., Ahlstrand, B. and Lampel, J. (2000), *Strategicheskoe safari: ekskursiya po debryam strategicheskogo menedzhmenta* [Strategy safari: A guided tour through the wilds of strategic management], 5th ed., translated by Raevskaya, D. and Tsaruk, L., Alpina Publisher, Moscow, Russia.

Nizamutdinov, M. M. and Oreshnikov, V. V. (2023), "Conceptualization of the task of information support of strategic planning processes at the regional level", *Russian Journal of Industrial Economics*, vol. 16, no. 1, pp. 20–33, https://doi.org/10.17073/2072-1633-2023-1-20-33, EDN: UHNDXP.

Nizamutdinov, M. M. and Oreshnikov, V. V. (2018), "Methodical aspects problems of harmonization of interests within the framework of the challenge of the selection of the strategic priorities of regional development", *Russian Journal of Industrial Economics*, vol. 11, no. 2, pp. 185–194, https://doi.org/10.17073/2072-1633-2018-2-185-194, EDN: XZJBSP.

Orlov, A. I. (2022) "About modern intellectual tools of economy and management", *Economics of Contemporary Russia*, no. 4, pp. 30–38, https://doi.org/10.33293/1609-1442-2022-4(99)-30-38, EDN: GETNVQ.

Petrovsky, A. B. (2020), "Shortening dimensionality of attribute space: Method Socrate", *Artificial Intelligence and Decision Making*, no. 2, pp. 63–77, https://doi.org/10.14357/20718594200205, EDN: BGTNTV.

Svetunkov, S. G. (2020), "Complex-valued economics in predicting one dimensional economic series", *Modern Economics: Problems and Solutions*, no. 12, pp. 46–57, https://doi.org/10.17308/meps.2020.12/2489, EDN: TWCCCN.

Senchukova, L. O. (2012), "Strategic planning institutions: Regional level", *Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 2, pp. 116–120, EDN: PUZEHX.

Surkov, A.A. (2019), "The combination of the economic forecasts using expert information", *Statistics and Economics*, vol. 16, no. 5, pp. 4–14, https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-5-4-14, EDN: MKIZLQ.

Kharin, A. G. and Gareev, T. R. (2014), "Stakeholder approach in the management of organizations: Prospects for the use of game-theoretic models", *Terra Economicus*, vol. 12, no. 4, pp. 105–113, EDN: TJHHUH.

Tsybatov, V. A. (2021), "Digitalization of goal-setting: From the formation of a target plan to creation of a development scenario", *Regional Economy. South of Russia*, vol. 9, no. 4, pp. 14–25, https://doi.org/10.15688/re.volsu.2021.4.2, EDN: JTFPXQ.

Shvetsov, A. N. (2020), "To the comparative analysis of the digitalization process of state administration in Russia and other countries", *Russian Economic Journal*, no. 5, pp. 75–117, https://doi.org/10.33983/0130-9757-2020-5-75-117, EDN: CPNNUN.

Shvetsova, A. A. and Zvyagintseva, A. V. (2020), "Information analysis decision support system for strategic planning of regional and urban development", *Soft Measurements and Computations*, vol. 36, no. 11, pp. 55–66, https://doi.org/10.36871/2618-9976.2020.11.005, EDN: DQCUOA.

Yarushev, S. A., Averkin, A. N., Savinova, V. M. et al. (2023), "Hybrid models for forecasting indicators of foreign economic activity of the Russian Federation based on fuzzy cognitive map and decision trees", *Soft Measurements and Computation*, 2023, vol. 62, no. 1, pp. 5–19, https://doi.org/10.36871/2618-9976.2023.01.001, EDN: JGDIWJ.

Antipin, I. A. and Vlasova, N. Yu. (2020), "Incremental approach to regional strategizing: Theory, methodology, practices", *Journal of New Economy,* vol. 21, no. 3, pp. 73–90, https://doi.org/10.29141/2658-5081-2020-21-3-4, EDN: CJQLCM.

Batóg, B. and Batóg, J. (2021), "Regional government revenue forecasting: Risk factors of investment financing", *Risks*, vol. 9, no. 12, art. no. 210, https://doi.org/10.3390/risks9120210.

Bryson, J. M., George, B. and Seo, D. (2022), "*Understanding goal formation in strategic public management: A proposed theoretical framework*", *Public Management Review,* vol. 26, no. 2, pp. *539–564,* https://doi.org/10.1080/14719037.2022.2103173.

Justino, M. d. R. T. F., Texeira-Quirós, J., Gonçalves, A. J. et al. (2024), "The role of artificial neural networks (ANNs) in supporting strategic management decisions", *Journal of Risk and Financial Management*, vol. 17, no. 4, art. no. 164, https://doi.org/10.3390/jrfm17040164.

Sari, A. R. (2023), "The impact of good governance on the quality of public management decision making", *Journal of Contemporary Administration and Management (ADMAN)*, vol. 1, no. 2, pp. 39–46, https://doi.org/10.61100/adman.v1i2.21.

Shults, D. N. (2020), "DSGE-model for Russian economy with banks and firm-specific capital in coronavirus pandemic", *Perm University Herald. Economy*, vol. 15, no. 2, pp. 218–230, https://doi.org/10.17072/1994-9960-2020-2-218-230, EDN: VDOVDT.

Taylor, J., MacNamara, Á. and Taylor, R. (2022), "Strategy in talent systems: Top-down and bottom-up approaches", *Frontiers in Sports and Active Living*, vol. 4, art. no. 988631, https://doi.org/10.3389/fspor.2022.988631.

Vintu, D. (2022), "Canonical quarterly projection model for monetary policy analysis and forecasting", *Sochi Journal of Economy*, vol. 16, no. 3, pp. 198–212. EDN: TZYQCB.

Information about the authors

M. M. Nizamutdinov – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Scientific Secretary, Head of the Sector of Economic and Mathematical Modeling, Institute of Social and Economic Researches – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 71 Oktyabrya Ave., Ufa, 450075, Russia
SPIN code (RSCI): 1217-4979
AuthorID (RSCI): 137105
Web of Science ResearcherID: O-4530-2015
Scopus Author ID: 57211531163

Iu. S. Aitova – Head of Analytical Department of the Autonomous non-profit organization for the preparation and implementation of events for the development of interethnic and international cooperation, the Congress Bureau of the Republic of Bashkortostan Office-Group, 2 Aksakov Str., Ufa, 450076, Russia
SPIN code (RSCI): 7399-6277
AuthorID (RSCI): 969857
Scopus Author ID: 57278651900

V. V. Oreshnikov – Candidate of Economics, Senior Researcher of the Sector of Economic and Mathematical Modeling, Institute of Social and Economic Researches – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 71 Oktyabrya Ave., Ufa, 450075, Russia
SPIN code (RSCI): 3063-1615
AuthorID (RSCI): 641144
Web of Science ResearcherID: O-4512-2015
Scopus Author ID: 57207357557

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interest.

The article was submitted on 05.06.2024; approved after reviewing 28.07.2024; accepted for publication 28.07.2024.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 243–266.
Ars Administrandi. 2025. Vol. 17, no. 2, pp. 243–266.

Эта работа © 2025 Иванова С. Л. распространяется под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

This work © 2025 by Ivanov, S. L. is licensed under Creative Commons Attribution 4.0 International. To view a copy of this license, visit https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Научная статья
УДК 332.02:004.9(470.12)
https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-243-266

ПОДХОД К ОЦЕНКЕ УРОВНЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ БИЗНЕСА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Семен Леонидович Иванов[1]
[1] Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия, slivanov2020@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4647-5824

Аннотация. Введение: методические подходы, применяемые в настоящее время для оценки уровня цифровизации отечественного бизнеса, не позволяют получать в полной мере корректные результаты, поскольку не учитывают тенденции цифрового развития бизнеса, а также ряд других параметров, связанных с региональной спецификой цифровизации, например отраслевой структурой предприятий. **Цель:** теоретико-методическое обоснование концептуальных основ проведения оценки уровня цифровизации бизнеса в российских регионах. **Методы:** аналитический метод, сравнительный анализ, метод фокус-группового исследования. **Результаты:** рассмотрены методические подходы к оценке уровня цифровизации российского бизнеса, выявлены их преимущества и недостатки. С учетом позиций экспертов – ведущих ученых академических и образовательных учреждений России и Вологодской области, специализирующихся на вопросах развития цифровизации предпринимательского сектора, предложен и обоснован концептуальный подход к проведению оценки уровня цифровизации бизнеса, принимающий во внимание «характер» цифровых процессов в бизнес-среде, специфику видов внедряемых цифровых технологий и ряд других составляющих. **Выводы:** дальнейшая апробация данного подхода на примере Вологодской области как типичного российского региона по значениям большинства социально-экономических показателей позволит получать сведения об уровне цифровизации бизнеса как в условиях «добровольной», так и отдельно в условиях «вынужденной» цифровизации, а кроме того, даст возможность учесть при оценке региональную специфику цифровых процессов, отраслевую структуру предприятий, специфику видов внедряемых на предприятиях цифровых технологий, а также качественные результаты влияния цифровых технологий на деятельность компаний. Предложенный подход к оценке уровня цифровизации бизнеса обладает свойствами транслирования на другие российские регионы.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая технология, подход, оценка, уровень, бизнес, регион

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания № FMGZ-2025-0011 на тему «Обеспечение устойчивости экономики регионов в контексте укрепления технологического суверенитета и национальной безопасности».

Для цитирования: *Иванов С. Л.* Подход к оценке уровня цифровизации бизнеса в российских регионах // Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 243–266. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-243-266.

Original article

AN APPROACH TO ASSESSING THE LEVEL OF BUSINESS DIGITALIZATION IN RUSSIAN REGIONS

Semyon L. Ivanov[1]

[1] Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia, slivanov2020@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4647-5824

Abstract. Introduction: the methodological approaches currently used to assess the level of domestic business digitalization do not allow obtaining fully accurate results, since they do not consider trends in digital business development, as well as a few other parameters related to the regional specifics of digitalization, for example, the industry structure of enterprises. **Objectives:** to provide a theoretical and methodological justification for the conceptual foundations for assessing the level of business digitalization in Russian regions. **Methods:** analytical method, comparative analysis, focus group research method. **Results:** the article examines methodological approaches to assessing the level of Russian business digitalization, revealing their advantages and disadvantages. The research takes into account the opinion of experts – leading scientists from academic and educational institutions of the Russian Federation and the Vologda region, specializing in the development of business sector digitalization; with this in view, a conceptual approach to assessing the level of business digitalization has been proposed and substantiated, focusing on the "nature" of digital processes in the business environment, the specificity of the digital technologies being implemented and a number of other components. **Conclusions:** further testing of this approach using the case of the Vologda region as a Russian region revealing typical values of most socio-economic indicators will allow to obtain data on the business digitalization level under conditions of both "voluntary" and specifically "forced" digitalization, and will also make it possible to take into account the regional features of digital processes, the industry structure of enterprises, the types of digital technologies implemented at the enterprise, as well as the qualitative results of the digital technologies impact of on the activities of companies. It is important to emphasize that the proposed approach in assessing the level of business digitalization can be disseminated to other Russian regions.

Keywords: digitalization, digital technology, approach, assessment, level, business, region

Acknowledgements: the research was supported by the government fund no. FMGZ-2025-0011, research topic "Ensuring the sustainability of regional economies in the context of strengthening technological sovereignty and national security".

For citation: Ivanov, S. L. (2025), "An approach to assessing the level of business digitalization in Russian regions", *Ars Administrandi*, vol. 17, no. 2, pp. 243–266, https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-243-266.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы цифровизация стала важнейшим импульсом развития бизнеса в большинстве стран (Якушев и др., 2024, с. 83). Мировой опыт демонстрирует следующую тенденцию: чем выше уровень освоения цифровых технологий компаниями, тем выше показатели их финансовой результативности. Например, согласно данным, представленным в исследовании (Дин и Бабкин, 2019, с. 449), рентабельность продаж китайских компаний, которые имеют высокий уровень цифровизации, на 7,5 пункта выше, чем у компаний, действующих по традиционной бизнес-модели.

Сложившаяся тенденция характерна и для российского бизнеса. Более того, ряд событий, произошедших в отечественной экономике в последние несколько лет (в частности, введение ограничительных мероприятий на фоне пандемии COVID-19, а также разработка мер по минимизации негативных последствий, обусловленных введением экономических санкций), позволили не только ускорить цифровизацию российских предприятий, но и открыть новые возможности для развития инновационной деятельности в области информационно-коммуникационных технологий. По мнению заместителя председателя Правительства Российской Федерации Д. Н. Чернышенко, «отечественная отрасль информационно-коммуникационных технологий находится на стадии нового технологического рывка»[1]. Более того, как отмечает ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН М. А. Положихина, в настоящее время цифровые технологии воспринимаются в качестве «генератора ценности и необходимой составляющей производства» (Положихина, 2022, с. 10).

Можно сказать, что для российской экономики наступил благоприятный период, когда следует не только наращивать инновационную активность в области разработки и создания передовых информационных технологий, но и содействовать их активному внедрению и распространению. Подтверждением данному тезису может послужить тот факт, что в последние годы в предпринимательском секторе страны получили распространение некоторые виды передовых информационных технологий (например, технологии Big Data), о чем свидетельствуют официальные статистические данные[2]. С другой стороны, заметно выросло число предприятий, для которых внедрение цифровых технологий продиктовано требованиями законодательства или вызвано крайней необходимостью (как пример – онлайн-кассовое оборудование).

Существующие методические подходы не позволяют корректно оценить уровень цифровизации бизнеса с учетом современных тенденций рассматриваемого процесса. Наблюдается и ряд трудностей, обусловленных отсутствием общепринятого подхода к оценке уровня цифровизации компаний. Все это составляет основу научной проблемы в рамках настоящего исследования.

---

[1] *На выставке* «Россия» обсудили достижения и развитие цифровой экономики в стране [Электронный ресурс] // Известия. 2024. 6 февр. URL: https://iz.ru/1645916/2024-02-06/na-vystavke-rossiia-obsudili-dostizheniia-i-razvitie-tcifrovoi-ekonomiki-v-strane (дата обращения: 19.08.2024).

[2] *Социально-экономические* показатели по субъектам Российской Федерации. Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Федер. службы гос. статистики. 2023. 29 дек. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652 (дата обращения: 19.08.2024).

В этой связи целью статьи является теоретико-методическое обоснование концептуальных основ проведения оценки уровня цифровизации бизнеса в российских регионах.

Научная новизна исследования заключается в том, что был предложен и обоснован авторский подход к проведению такой оценки, учитывающий «характер» цифровых процессов в бизнес-среде, а также специфику видов внедряемых цифровых технологий.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью применения предложенного подхода в прикладных работах в контексте обозначенной проблемной области. Более того, изложенная в статье информация может представлять интерес для органов государственной власти, в ведении которых сосредоточены вопросы инновационного и цифрового развития.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Широкое распространение в научной литературе получили исследования, посвященные проблемам цифровизации предпринимательского сектора и оценки ее уровня в контексте национальных и региональных экономических систем.

Вопросы внедрения методологии управления цифровыми технологиями на предприятиях бизнес-сектора были изучены А. А. Грешаноком (Гершанок, 2022). В его статье рассмотрены проблемы и перспективы внедрения технологии Agile в реальном бизнесе, организации эффективной работы проектных команд и совершенствования организационного и экономического механизмов управления организацией на основе данных технологий.

Пространственные взаимосвязи цифровизации промышленного производства в регионах России раскрыты И. В. Наумовым, Ю. В. Дубровской и Е. В. Козоноговой. Как отмечают исследователи, «цифровая трансформация промышленных предприятий... становится ключевым фактором территориальной конкурентоспособности, который определяет перспективы развития регионов и возможности повышения темпов роста национальной экономики» (Наумов и др., 2020, с. 896).

Ю. И. Грибанов, М. Н. Руденко и К. А. Аленина внесли вклад в развитие теоретических и методических основ формирования и оценки элементов цифровой инфраструктуры (Грибанов и др., 2020). Более того, К. А. Аленина и А. В. Курицына посвятили ряд своих работ тематике, связанной с созданием алгоритма оценки цифровой зрелости компаний. По словам авторов, «на сегодняшний день не существует единого и общепризнанного подхода к оценке цифровой зрелости» (Аленина и Курицына, 2024, с. 1057). Определение уровня цифровой зрелости предприятий, необходимой и для последующей оценки перспектив внедрения программных решений, также послужило целью исследования (Сорока и др., 2023), научная новизна которого состоит в определении критериев оценки цифровой зрелости.

Как отмечают С. А. Тиньков и Д. Ю. Шамова, набор статистических индикаторов, в соответствии с которыми чаще всего проводится оценка уровня цифровизации российской экономики, нельзя назвать однородным.

И это является проблемой, поскольку обусловливает несопоставимость выполняемых измерений. Вместе с тем авторы обращают внимание на существование «асимметрии» в развитии отечественной цифровой экономики в региональном и отраслевом аспектах, которая не может быть точно оценена без использования интегральных показателей. По мнению исследователей, необходимо использовать подход, предполагающий предварительный отбор первичных индикаторов, включаемых в интегральные индексы (Тиньков и Шамова, 2023, с. 1). В статье описан пример такого подхода.

Оценка уровня цифровизации производственных процессов, проводимая в целях повышения эффективности деятельности российских предприятий, представлена в исследовании А. М. Семеновых. В рамках статьи разработаны перечень показателей, а также система их весовых коэффициентов, необходимых для проведения такой оценки. Первая группа включает показатели, отражающие воздействие процессов цифровизации на экономический рост производства: финансовые результаты, производительность труда и пр. Вторая группа показателей отражает степень влияния цифровизации на политику компании в области ESG. Третья группа показателей характеризует взаимодействие предприятия с ключевыми контрагентами и потребителями (Семеновых, 2020).

Комплексная методика оценки уровня цифровизации компаний предложена И. Ю. Мерзловым и его соавторами. Она позволяет определить степень использования организацией системных решений на основе современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении различных бизнес-процессов. Оценка уровня цифровизации осуществляется по 31 бизнес-процессу путем анкетирования топ-менеджеров (Мерзлов и др., 2020).

Вклад в разработку теоретико-методических основ оценки уровня цифровизации предпринимательских фирм внесли зарубежные ученые. В частности, исследователями из Польши и Словакии проведена оценка уровня цифровизации компаний в условиях четвертой промышленной революции, результаты которой опубликованы в журнале “Sustainability”. Было установлено, что степень цифровизации польских предприятий увеличивается и, в частности, на это повлияла пандемия COVID-19. Почти половина проанализированных компаний заявили, что увеличивают бюджет на цифровизацию (Kowal et al., 2024, p. 19–21).

Методический подход к оценке уровня цифровизации и роботизации на предприятиях государств – членов Европейского Союза разработали ученые из Силезского технологического университета (Brodny and Tutak, 2021). Оценка учитывает специфику размера предприятий и проводится независимо для малых, средних и крупных компаний. Авторами были выделены четыре класса компаний по уровню цифровизации, что дало возможность провести сравнительных анализ стран – участниц Европейского Союза по этому показателю с использованием нейронных сетей Кохонена.

Оценку цифровизации бизнеса в Европе во время и после пандемии COVID-19 провели (Dyba and Di Maria, 2023). Эмпирическое исследование основано на онлайн-опросе экспертов из 22 европейских стран, в основном

представляющих Цифровые инновационные центры, ориентированные на предоставление услуг бизнесу в области цифровой трансформации. Результаты опроса экспертов указывают на то, что пандемия COVID-19 действительно привела к ускорению цифровизации бизнеса в Европе, подтверждая ранние наблюдения, предложенные в отчетах WBG, McKinsey & Company и Eurostat.

Методику, позволяющую оценить уровень цифровизации предприятий перерабатывающей промышленности, предложили специалисты из Литвы (Bickauske et al., 2020). На этапе анализа ими были исследованы уже применяемые в этих компаниях цифровые инструменты и технологии. Также была предпринята попытка определить уровень цифровизации операционных процессов. После оценки текущего уровня цифровизации усилия были направлены на выяснение ее сильных сторон и проблемных задач, а также основных причин возникающих сложностей. После сбора вышеупомянутых данных были сформулированы и переданы компаниям рекомендации, какие дополнительные инструменты и средства следует применить для стимулирования процесса цифровизации.

Коллективом научных сотрудников из Германии и Венгрии (Schuha et al., 2021) разработан и апробирован двухэтапный подход к оценке уровня цифровизации для производственных компаний, основанный на моделях "CCMS" и "Industry 4.0 Maturity Index". Как отмечают авторы, разработанный подход позволяет объединять преимущества каждой из двух представленных моделей. Более того, по заявлению ученых, он подходит для оценки уровня цифровизации тех производственных компаний, которые являются новичками в рамках Индустрии 4.0.

Большой интерес в контексте исследуемой проблематики представляет опыт коллег из азиатских стран, преуспевших в области цифровизации экономики и предпринимательского сектора (как важнейшей ее составляющей). В частности, ученые из КНР разработали систему индексов для оценки уровня цифровизации китайских компаний. Данная система включает 13 индексов мониторинга, с ее помощью была подготовлена «Панорама цифровой трансформации» отраслей бизнеса, включающая прогноз развития процессов цифровизации на ближайшие несколько лет (Li et al., 2021).

Исследователями из Университета международного бизнеса и экономики Пекина, а также Китайского народного университета (Guo et al., 2023) предложена модель количественной оценки эффектов и темпов цифровизации на отраслевом уровне в Китае на основе межстрановой таблицы «затраты-выпуск». Данная модель позволяет учитывать цифровизацию в традиционных отраслях через цепочки создания стоимости. Результаты показывают, что цифровизация стала важной составляющей трансформации и модернизации традиционных отраслей КНР. Установлено, что деятельность в рамках глобальной цепочки создания стоимости формирует специфику цифровизации в стране: она способствует секторальной реорганизации китайских компаний.

Также можно встретить работы, в которых не только предложены подходы, позволяющие оценить уровень цифровизации бизнеса, но и обоснована важность адаптации предпринимательской среды к условиям цифрови-

зации. В частности, подобное исследование проведено коллективом ученых из Индии (Pandey et al., 2024). Как отмечают авторы, основу развивающихся стран, таких как Индия, составляют малые и средние предприятия (МСП), которые обеспечивают рабочие места миллионам семей. На малый и средний бизнес в 2021–2022 годах приходилось около 31 % валового внутреннего продукта страны и 43 % экспорта, что внесло значительный вклад в экономический рост при наличии значительного резерва рабочей силы. Однако на сегодняшнем высококонкурентном цифровом рынке такие компании не могут идти в ногу с технологическими инновациями и держать своих сотрудников в курсе последних событий. В этой связи ученые оценили значение цифровизации для малых и средних предприятий Индии, а также выявили препятствия и методы их устранения.

Проведенный литературный обзор свидетельствует о важности и актуальности исследуемого нами вопроса. Вместе с тем его результаты выявляют проблему – отсутствие общепринятых стандартов проведения оценки уровня цифровизации в предпринимательском секторе. Следует подчеркнуть, что одни авторы в своих исследованиях придерживаются методов индексной оценки на основе статистических данных (Семеновых, 2020; Тиньков и Шамова, 2023); другие – методов экономической социологии (Мерзлов и др., 2020). Весьма интересными видятся подходы, связанные с учетом таких параметров, как специфика бизнес-процессов организации (Мерзлов и др., 2020), аспекты сотрудничества и взаимодействия в условиях цифровизации с контрагентами (Li et al., 2021) и т. д. Важно обратить внимание и на то, что для решения обозначенной задачи исследователи в ряде случаев прибегают к методу комплексного обследования предприятий (Мерзлов и др., 2020).

Совокупность представленных в научной литературе подходов к оценке уровня цифровизации позволила бы получать более точные результаты. Но зачастую в рамках проведения оценки недоучтенными остаются такие важные составляющие, как «характер» процессов цифровизации и виды используемых цифровых технологий. В частности, считаем некорректным сравнивать уровень цифровизации предприятий, внедряющих стандартные и передовые цифровые технологии. Более того, неправильно сравнивать по этому показателю компании, руководители которых имеют разные мотивы к внедрению цифровых технологий и действуют либо добровольно, либо вынужденно, в силу требований законодательства или других обстоятельств.

Таким образом, обозначенные составляющие следует учесть в рамках авторского подхода к проведению оценки. А для этого необходимо подробнее рассмотреть особенности типологии процессов цифровизации в предпринимательском секторе, а также видов внедряемых на предприятиях цифровых технологий.

Вопросы, связанные с выделением типов цифровизации, широко освещаются в научных трудах. Однако в контексте данного исследования наибольший интерес вызывают работы, затрагивающие данные процессы не повсеместно, а именно в сфере предпринимательства. И здесь следует указать на отсутствие значительного числа таких работ. Но подобные исследования все же проводятся. В частности, материал, представленный в статье

управляющего партнера "Strategy Partners" В. В. Плотниковой[3], позволяет выделить два типа процессов цифровизации: процессы, изменяющие бизнес-модель компании, и процессы, оптимизирующие имеющуюся бизнес-модель. По заявлению автора, порядка 60 % компаний после цифровой трансформации создают новые бизнес-модели. Однако «цифровой контур» не всегда меняет модель заработка компании. В качестве примера В. В. Плотникова приводит нефтедобывающие предприятия и аэропорты, где цифровые технологии оптимизируют и повышают эффективность компаний, но не трансформируют их деятельность коренным образом.

Процессы цифровизации бизнеса также могут быть дифференцированы в зависимости от сферы деятельности компании. В частности, в исследовании Р. М. Мугутдинова и А. А. Горового представлены сведения о специфике цифровизации в промышленности (Мугутдинов и Горовой, 2022); в работах А. Арланова и целого ряда других ученых – в сельском хозяйстве (Арланова и Гараева, 2022; Гончаров и Канаева, 2022, Киселев и др., 2024); Ю. Н. Боярской – в сфере услуг (Боярская, 2023).

Исходя из мотивов, побуждающих предпринимателей внедрять цифровые технологии, можно говорить о «добровольной» и «вынужденной» цифровизации (Иванов, 2024, с. 109). Неоднозначность «характера» процессов цифровизации в контексте представленного основания состоит в том, что в отдельных случаях цифровые технологии внедряются по собственному желанию руководителя компании для оптимизации ряда бизнес-процессов, повышения уровня конкурентоспособности и пр. («добровольная» цифровизация), а в некоторых случаях необходимость внедрения цифровых технологий бывает продиктована требованиями законодательства либо крайней необходимостью («вынужденная» цифровизация). В качестве примера последней можно привести систему цифровой маркировки товара «Честный знак»[4], внедрение которой в 2024 году стало обязательным практически для всех предприятий сферы розничной и оптовой торговли, а также большей части промышленных предприятий.

В электронном журнале "Tinkoff" была опубликована статья, посвященная вопросам деятельности предпринимателей в условиях реализации проекта цифровой маркировки[5]. Автор статьи задал читателям вопрос: «Как вы считаете, есть ли польза от маркировки товаров или это лишняя бюрократия?» Количество негативных комментариев в адрес данной системы, которые были опубликованы читателями на соответствующем форуме, созданном в качестве инструмента обратной связи, превысило две трети. Большинство написали о том, что маркировка отрицательно сказалась на деятельности

[3] *Плотникова В.* Коренная трансформация: четыре типа цифровых бизнес-моделей [Электронный ресурс] // СберПро. 2023. 4 апр. URL: https://sber.pro/digital/publication/korennaya-transformacziya-chetyre-tipa-czifrovyh-biznes-modelej/ (дата обращения: 23.08.2024).

[4] *Что такое* маркировка товаров [Электронный ресурс] // Сайт компании «Оргтехцентр». URL: https://www.orgtc.ru/markirovka-chestnyy-znak/obyazatelnaya-markirovka-tovarov/ (дата обращения: 27.08.2024).

[5] *Как думаете*, помогает ли маркировка «Честный знак» бизнесу и покупателям? [Электронный ресурс] // Tinkoff. 2024. 10 июля. URL: https://journal.tinkoff.ru/chestno-markiruem/ (дата обращения: 26.08.2024).

их компаний. В частности, увеличились издержки производства, что отразилось на цене продукции. Некоторые предприниматели даже оказались на грани закрытия компании. Согласно данным, приведенным в журнале «Эксперт», на начальных этапах внедрения системы маркировки (конец 2020 года) у многих предпринимателей, представлявших разные отрасли экономики, возникали сходные проблемы, которые негативно влияли на их деятельность (рост издержек производства вследствие необходимости приобретения дорогостоящего оборудования, сокращение скорости работы производственных линий и пр.) (Долженков и Обухова, 2020, с. 47–49). Следовательно, если бы на тот момент стояла задача оценить результативность цифровизации предприятий, которые, помимо других цифровых технологий, внедрили систему цифровой маркировки, то результаты такой оценки носили бы искаженный характер, поскольку ряд положительных эффектов от внедрения технологий в рамках «добровольной» цифровизации, например технологий искусственного интеллекта, были бы нивелированы отрицательными эффектами от вынужденного внедрения технологии цифровой маркировки.

Очевидно, что в случае с маркировкой негативную роль сыграл фактор необходимости обязательного внедрения данного инструмента в сжатый срок в условиях отсутствия компетенций у руководителей и сотрудников компаний продолжать рабочий процесс в новых условиях. Однако есть масса других примеров, когда предприниматели внедряли цифровые технологии исходя из собственных потребностей и через какое-то время действительно получали от этого положительные результаты.

Следует также учитывать и виды внедряемых цифровых технологий, представленные в настоящее время на рынке. Согласно сведениям, приведенным на портале «Блог Практикума», цифровые технологии можно разделить на шесть видов: 1) устройства (приспособления, которые могут принимать и обрабатывать цифровой сигнал); 2) данные (коды определенного формата, которые могут быть прочитаны с помощью специальных компьютерных программ); 3) передача данных (компьютерные сети и Интернет, а также другие технологии, с помощью которых можно передавать данные с одного устройства на другое); 4) хранение данных (программы и устройства, с помощью которых осуществляется хранение информации в цифровом виде); 5) обработка данных (программы, позволяющие производить определенные действия над данными, например сегментировать их); 6) защита данных (технологии шифрования данных)[6].

Если рассматривать цифровые технологии в целом, не принимая во внимание их функциональное назначение, то можно отметить следующее: отдельные технологии, будучи внедрены в деятельность большинства российских предприятий, стали носить массовый характер (например, технологии «1С», электронная цифровая подпись, электронный документооборот и пр.) – условно обозначим их как «стандартные»; однако есть технологии, которые пока не получили широкого распространения и воспринимаются как «пере-

[6] *Классен Н.* Будущее уже здесь: где используют цифровые технологии и почему [Электронный ресурс] // Блог Практикума. 2023. 21 июля. URL: https://practicum.yandex.ru/blog/tsifrovye-tehnologii/#vidy-professii (дата обращения: 26.08.2024).

довые». В частности, О. В. Машевская приводит несколько примеров таких технологий: 1) интернет вещей (IoT – Internet of Things); 2) большие данные (Big Data); 3) машинное обучение и искусственный интеллект (Машевская, 2020, с. 38–39).

Важно понимать, что существует специфика, связанная с условиями разработки, внедрения и использования данного вида цифровых технологий (Зарипова и Кудряков, 2023), и ее тоже нужно учитывать при оценке уровня цифровизации фирм. Не следует ставить знак равенства между процессами цифровизации в компаниях, которые имеют отношение к различным видам цифровых технологий.

Таким образом, оценивая уровень цифровизации компаний, необходимо обращать внимание на «характер» процессов цифровизации и учитывать специфику внедряемых в предпринимательском секторе цифровых технологий.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

При подготовке исследования использовалась совокупность научных методов – теоретических и эмпирических. При помощи аналитического метода были выделены виды процессов цифровизации и цифровых технологий в бизнес-среде. Метод сравнения позволил выявить специфику представленных в научной литературе методических подходов к оценке уровня цифровизации предпринимательских фирм.

Значительное внимание в рамках статьи было уделено социологическим методам исследования, а именно методу экспертного опроса в фокус-группах. Всего было проведено пять тематических фокус-групп, в которых приняли участие эксперты, являющиеся ведущими учеными академических и образовательных учреждений России и Вологодской области. Подбор участников данных групп обусловлен наличием у экспертов необходимых знаний и компетенций по вопросам цифровизации предпринимательского сектора. Фокус-групповые исследования проводились с июля по август 2024 года в онлайн-формате. В рамках каждой фокус-группы участвовали не менее пяти экспертов[7]. При этом следует подчеркнуть, что один и тот же эксперт имел возможность выступить в нескольких фокус-группах. Общее количество экспертов составило 15 человек.

В первых трех фокус-группах обсуждались проблемы выполнения оценки уровня цифровизации бизнеса на региональном уровне. С учетом проведенных обсуждений был предложен концептуальный подход к ее реализации. Раскрыты субъектно-объектная характеристика подхода, направления проводимой оценки, а также этапы реализации.

В четвертой и пятой фокус-группах обсуждались проблемы, связанные с проведением такой оценки на уровне органов государственной власти. По итогам обсуждения были выработаны соответствующие рекомендации и управленческие решения.

[7] *Метод* фокус-групп // Сайт Лицея НИУ ВШЭ. URL: https://clck.ru/3Lm5B2 (дата обращения: 26.08.2024).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Тенденции и проблемы цифрового развития в бизнес-среде

Проведенный в рамках исследуемой проблематики литературный обзор делает возможным разговор о следующих тенденциях цифрового развития в предпринимательской среде. С одной стороны, получила широкое распространение «вынужденная» цифровизация, о которой мы уже писали выше. С другой стороны, согласно данным Росстата, начиная с 2020 года отмечается рост внедрения передовых цифровых технологий (рис. 1).

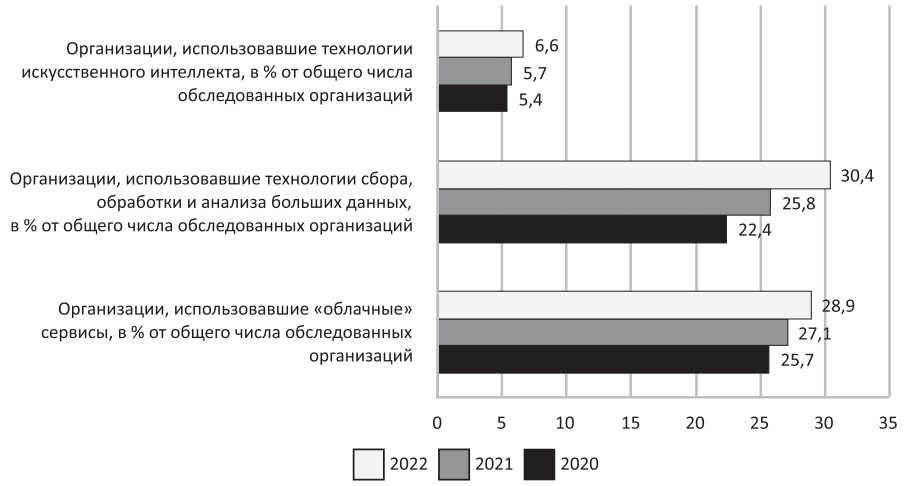

Рис. 1. Использование цифровых технологий в организациях / Fig. 1. Using digital technologies in organizations

Источник: составлено автором по данным Росстата[8].

Из рисунка 1 следует, что в большинстве федеральных округов наблюдается тенденция роста использования в организациях передовых цифровых технологий. Причем явным рекордсменом выступают технологии сбора, обработки и анализа больших данных: темпы роста значений данного показателя за период с 2020 по 2022 год составили 8 пунктов.

Очевидно, что обозначенные тенденции необходимо учитывать при проведении оценки уровня цифровизации бизнеса на региональном уровне. С целью идентифицировать проблемы, которые препятствуют выполнению корректной оценки уровня цифровизации и которые не могли быть выявлены в контексте теоретического анализа, проведена серия фокус-групповых исследований. Список выявленных проблем, а также их характеристики представлены в таблице 1.

[8] *Приложение* к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели». Разд. 17.1.5, 17.1.6, 17.1.8 [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Федер. службы по гос. статистике. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652 (дата обращения: 27.08.2024).

Таблица 1 / Table 1

Результаты, полученные в рамках фокус-групповых исследований (фокус-группы № 1–3) / Results obtained in the framework of focus group studies (focus groups no. 1–3)

Наименование проблемы	Краткая характеристика проблемы	Ответы экспертов из фокус-групп (выдержки из стенограммы)
1. Недостаточный учет в рамках существующих методик оценки уровня цифровизации бизнеса «характера» основных направлений цифровизации, а также региональной специфики цифровых процессов	«Характер» процессов цифровизации во многом обусловливает уровень полезности внедряемых цифровых технологий для предприятия. Однако в рамках существующих методик оценки уровня цифровизации предпринимательства он не учитывается. Это, в свою очередь, может искажать результаты оценки. Более того, не находит отражения региональная специфика цифровых процессов, что тоже негативно влияет на точность проводимой оценки	**Фокус-группа № 1:** *– На мой взгляд, тренды цифрового развития, которые характерны для предпринимательства в нашем регионе, не могут поддаваться точной оценке с использованием устаревших методических подходов. И основная проблема состоит даже не в том, что сама методика проведения оценки, реализуемая, например, на уровне органов статистического учета, является некорректной. Дело в другом: не во всех случаях учитываются специфические особенности новых направлений цифровизации, что приводит к искажению получаемых в рамках проводимых оценок результатов.* *– Действительно, существующие методики не позволяют полноценно оценить уровень цифровизации бизнеса на региональном уровне с учетом вновь открывающихся трендов. Однако поскольку мы заговорили о проведении такой оценки именно на уровне конкретного субъекта Федерации, то в этом случае считаю важным в рамках оценки учитывать не только общероссийскую, но и региональную специфику цифрового развития. Например, в Вологодской области достаточно широко распространены предприятия черной металлургии. И речь сейчас не только о ПАО «Северсталь». Стоит отметить, что многие предприятия данной отрасли относятся к так называемым «аутсайдерам» цифровизации, о чем свидетельствуют авторитетные экспертные и аналитические данные.* *– Согласна с мнением экспертов, что необходимо проводить дальнейшие исследования в направлении совершенствования методических подходов к проведению такой оценки. И, что касается учета региональной специфики, – это тоже очень важно! Хотелось бы обратить внимание на следующий момент: необходим такой методический подход, который бы позволял после проведения этой оценки сопоставить данные разных регионов для сравнения*

Наименование проблемы	Краткая характеристика проблемы	Ответы экспертов из фокус-групп (выдержки из стенограммы)
		и выработки концептуальных основ экономической политики на федеральном уровне. Однако при этом могут возникнуть определенные проблемы, связанные с выраженной неравномерностью развития регионов и, соответственно, разными возможностями для развития процессов цифровизации
2. Отсутствие учета отраслевой структуры предпринимательства при проведении оценки уровня его цифровизации, «размерности предприятия», а также других факторов	Как показывает практика, масштабы цифровизации обусловлены различными факторами, к числу которых следует отнести отраслевую принадлежность. По данным Министерства цифрового развития Российской Федерации, максимальная доля внутренних затрат предприятий на цифровую экономику характерна для таких отраслей, как телекоммуникации (29,4 %), IT (12,7 %), финансовый сектор (12,9 %), обрабатывающая промышленность (8,7%), розничная торговля (9,2%)[9]. Кроме того, процессы цифровизации имеют специфику и на уровне малого, среднего и крупного бизнеса	**Фокус-группа № 2:** *– Считаю важным учет в рамках проводимой оценки отраслевой структуры предприятий, поскольку она во многом определяет специфику процессов цифровизации. Например, применение RFID-технологий имеет наиболее широкое распространение в сфере оптовой и розничной торговли.* *– Хочу также добавить, что на уровень цифровизации оказывает влияние не только отраслевая структура, но и размер предприятия. И это тоже надо учесть в рамках оценки. Например, малые предприятия зачастую не могут позволить себе внедрять передовые цифровые технологии ввиду ограниченности финансовых и других ресурсов.* *– В условиях цифровой трансформации и активизации процессов интеграции цифровых технологий в хозяйствующие субъекты на региональном уровне возникают существенные различия в степени их внедрения. Такая тенденция связана с дифференциацией возможностей для внедрения цифровых технологий в предпринимательские субъекты. При этом различия в их отраслевой направленности оказывают влияние на значимость интеграции информационных и цифровых технологий. Например, при производстве изделий из пластмассы и стекла технологический процесс производства осуществляется преимущественно традиционным способом, уменьшая целесообразность применения цифровых технологий для данного типа производства. Однако при производстве электрического оборудования и технически сложных приборов необходимость во внедрении цифровых технологий только повышается.*

[9] *Светунькова А.* Перемена мест: какие отрасли успешно прошли цифровую трансформацию [Электронный ресурс] // Известия. 2023. 18 нояб. URL: https://iz.ru/1605503/alena-svetunkova/peremena-mest-kakie-otrasli-uspeshno-proshli-tcifrovuiu-transformatciiu (дата обращения: 05.06.2024).

Наименование проблемы	Краткая характеристика проблемы	Ответы экспертов из фокус-групп (выдержки из стенограммы)
		– Отраслевую составляющую надо обязательно принимать во внимание, но есть еще ряд факторов, которые могут влиять на процессы цифровизации: это и системы расселения, это и уровень развития производственной и социальной инфраструктуры, включая системы общего, среднего и высшего образования, которые участвуют в подготовке кадров для определенных сфер (IT) и в формировании навыков населения для использования ИКТ
3. Отсутствие учета видов используемых цифровых технологий	Существует специфика, связанная с условиями разработки, внедрения и использования различных видов цифровых технологий, которую также следует учитывать при оценке уровня цифровизации компаний. Например, некорректно ставить знак равенства в рамках анализа и оценки между технологиями цифровой маркировки, технологиями «1С» и, например, технологиями больших данных	**Фокус-группа № 3:** *– Предположим, тысяча компаний в отчетном году внедрила технологию «1С» и только десять компаний внедрили технологию искусственного интеллекта. Очевидно, что внедрение технологии искусственного интеллекта требует большего количества трудозатрат, финансовых вложений, а также знаний, умений и навыков*
4. Недоучет качественных результатов влияния цифровых технологий на деятельность компаний	Цифровые технологии способны не только обеспечивать прирост прибыли компании. Зачастую следует учитывать и качественную составляющую их влияния	**Фокус-группа № 3:** *– Надо очень четко понимать, что является качественным результатом цифровизации в определенной отрасли, регионе и для населения в целом.* *– За свою практику мне пришлось столкнуться с различными методиками и методическими подходами к такой оценке. И самое важное, что я для себя подметила: в большинстве случаев авторы проводят количественную оценку. Естественно, данная оценка выполняется на основании комплекса показателей. Однако не встречала ни одной методики, которая позволила бы учесть качественные результаты от внедрения цифровых технологий.*

		– Приведу пример качественных результатов влияния цифровизации на деятельность компаний. В частности, предприятия становятся ориентированными на маломобильных граждан. Некоторые региональные розничные сети, например «Макси», внедрившие в условиях пандемии цифровые сервисы доставки, позволяют лицам с ограниченными возможностями здоровья, не покидая дома, совершать покупки в режиме онлайн

Источник: стенограмма фокус-группового исследования, проведенного автором в июле – августе 2024 г.

Обоснование концепции авторского методического подхода

С учетом проведенных в рамках фокус-групповых исследований обсуждений, позволивших выявить ключевые проблемы оценки уровня цифровизации бизнеса, предложен концептуальный подход к ее реализации. Сущность подхода состоит в выявлении современных тенденций и направлений развития цифровых технологий, характерных для российских регионов.

Субъектно-объектная характеристика подхода, а также направления проводимой оценки представлены на рисунке 2.

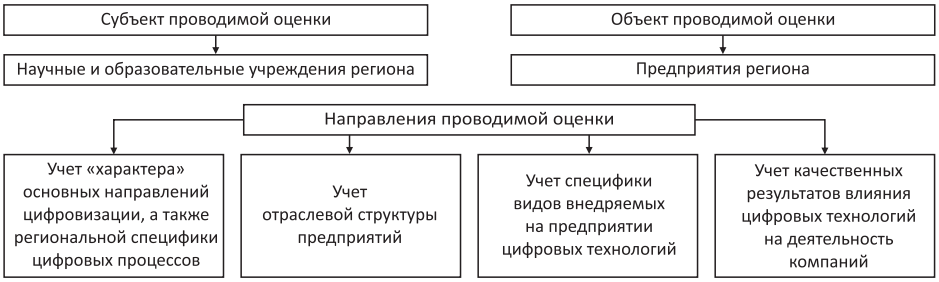

Рис. 2. Субъектно-объектная характеристика и направления оценки в рамках разработанного подхода / Fig. 2. Subject-object characteristics and assessment directions within the framework of the developed approach

Источник: разработано автором.

Реализация методического подхода включает четыре этапа:
– этап 1. Разработка технического задания;
– этап 2. Сбор первичных данных посредством мониторинга;
– этап 3. Обработка полученных данных;
– этап 4. Представление и публикация результатов.

Данный подход позволит получать сведения об уровне цифровизации бизнеса как в условиях «добровольной», так и отдельно в условиях «вынужденной» цифровизации, а также даст возможность учесть при оценке региональную специфику цифровых процессов, отраслевую структуру предприятий, специфику видов внедряемых на предприятии цифровых технологий, а также качественные результаты влияния цифровых технологий на деятельность компаний.

Перспективой данного исследования станет апробация предложенного подхода к оценке уровня цифровизации бизнеса на примере Вологодской области как типичного российского региона по значениям большинства социально-экономических показателей. В то же время важно подчеркнуть, что предложенный подход к оценке уровня цифровизации бизнеса обладает свойствами транслирования на другие регионы России.

Предполагается, что для обеспечения регулярности проведения оценки инициативу по реализации данного подхода должны изъявить представители региональных органов государственной власти (руководители профильных департаментов, региональных министерств и пр.). Однако и в этом случае могут возникать определенные сложности. В рамках экспертных фокус-групп № 4 и 5 обсуждались проблемы, касающиеся возможности проведения оценки уровня цифровизации бизнеса органами государственной власти. Результаты обсуждения представлены в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Результаты, полученные в рамках фокус-групповых исследований (фокус-группы № 4 и 5) / Results obtained in the framework of focus group studies (focus groups no. 4, 5)

Наименование проблемы	Краткая характеристика проблемы	Ответы экспертов из фокус-групп (выдержки из стенограммы)
1. Отсутствие практики проведения подобных оценок на государственном уровне	Следует обратить внимание, что в настоящее время оценка уровня цифровизации в предпринимательском секторе выполняется преимущественно силами представителей научного сообщества по их собственной инициативе либо в рамках хозяйственно-договорных работ, где в качестве инициатора проведения такой оценки выступают руководители предприятий. Однако в этом случае оценка будет носить локальный характер	**Фокус-группа № 4:** *– У нас отсутствует практика проведения подобной оценки на государственном уровне. Поэтому навскидку я даже не могу представить себе механизм ее практической реализации*
2. Нехватка специалистов, способных проводить такую оценку	В профильных структурах региональных правительств может либо вовсе не быть специалистов, способных проводить подобную оценку, либо наблюдаться их существенная нехватка	**Фокус-группа № 5:** *– Разработка механизма проведения оценки, в котором очень важно понимать, кто и за что будет отвечать, какие функции выполнять и т. п., – это отдельная задача. Понятно, что ключевой субъект оценки – государственные органы, и для того, чтобы не увеличивать свой штат для ее проведения, органы власти региона могут привлекать для этой цели на определенных условиях представителей научных и образовательных учреждений*

Источник: стенограмма фокус-группового исследования, проведенного автором в июле – августе 2024 г.

Несмотря на выявленные проблемы, проведение подобной оценки имеет большую значимость, а правительство региона должно быть в ней заинтересовано. Если региональные органы власти не будут получать корректную информацию об уровне цифровизации бизнеса, то им будет затруднительно принимать грамотные управленческие решения по развитию предпринимательского сектора. В частности, результаты такой оценки могут свидетельствовать о результативности проводимой в этом направлении государственной политики.

В то же время потребуется обоснование того, что региональным органам власти действительно необходимо заниматься такой оценкой. Для этого нужно рассчитать и обосновать затраты на проведение мероприятий (например, социологических опросов), составить подробный план работ с указанием требуемого количества привлекаемого персонала, сроков их реализации и пр. Ну и, наконец, необходимо рассчитать экономические эффекты от проводимой оценки.

Так, например, на уровне Вологодской области данный подход может быть реализован при участии сотрудников научных и образовательных учреждений. В качестве организации, потенциально способной выполнить одну из ключевых функций в рамках оценки, а именно сбор первичных данных, может выступить Вологодский научный центр Российской академии наук (ВолНЦ РАН). Это обусловлено тем, что его специалисты обладают необходимыми компетенциями для проведения социологических опросов – основного инструмента сбора информации о деятельности предприятий региона (объекта проводимой оценки) в условиях цифровизации. Обработка и интерпретация полученных результатов может быть произведена специалистами ВолНЦ РАН, а также сотрудниками профильных кафедр Вологодского государственного университета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая полученные результаты, следует отметить, что в настоящее время существует необходимость совершенствования подхода к оценке уровня цифровизации бизнеса на региональном уровне, поскольку совокупность методических подходов, применяемых для оценки уровня цифровизации отечественного бизнеса, не позволяет получать корректные результаты ввиду того, что они не учитывают современные тенденции цифрового развития.

В рамках исследования были выявлены две тенденции. С одной стороны, получила широкое распространение «вынужденная» цифровизация, отличительной особенностью которой является необходимость внедрения цифровых технологий в соответствии с требованиями действующего законодательства. С другой стороны, отмечается рост внедрения передовых цифровых технологий. Обозначенные тенденции необходимо учитывать при оценке уровня цифровизации бизнеса на региональном уровне.

С учетом осуществленных в рамках фокус-групповых исследований обсуждений предложен концептуальный подход к проведению оценки уровня цифровизации бизнеса на региональном уровне. В рамках статьи дана

субъектно-объектная характеристика рассматриваемого подхода, раскрыты основные этапы его реализации.

Важно отметить, что при проведении оценки уровня цифровизации бизнеса на региональном уровне необходимо учитывать:

1) «характер» основных направлений цифровизации, а также региональной специфики цифровых процессов;

2) отраслевую структуру предприятий;

3) специфику видов внедряемых на предприятии цифровых технологий;

4) качественные результаты влияния цифровых технологий на деятельность компаний.

Дальнейшие исследования предполагают апробацию предложенного подхода на данных, которые будут получены в процессе проведения социологического опроса предприятий. Наконец, в региональные органы власти будет представлена инициатива о возможности проведения оценки на регулярной основе, включающая проект обоснования целесообразности предлагаемого нами подхода, а также расчет экономических эффектов его реализации.

Список источников

Аленина К. А., Курицына А. В. Разработка алгоритма оценки уровня цифровой зрелости компании // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 1057–1078. https://doi.org/10.18334/epp.14.4.120726. EDN: KQJPMU.

Арланова А., Гараева М. Основы цифровизации сельского хозяйства и ее особенности // Интернаука. 2022. № 42–2. С. 12–13. EDN: HERGWS.

Боярская Ю. Н. Цифровизация в сфере транспортных услуг (воздушные перевозки) // Евразийский юридический журнал. 2023. № 1. С. 126–128. https://doi.org/10.46320/2073-4506-2023-1-176-126-128. EDN: PJULZH.

Гершанок А. А. Технологии Agile в реальном бизнесе: проблемы и перспективы внедрения // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 8. С. 80–85. https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-8-80-85. EDN: LRPZZH.

Гончаров В. Н., Канаева Л. Е. Применение новейших технологий для развития цифровой экономики в сельском хозяйстве // Торговля и рынок. 2022. Т. 2, № 3–2. С. 51–58. EDN: FIAGSO.

Грибанов Ю. И., Руденко М. Н., Аленина К. А. Современные подходы к формированию цифровой инфраструктуры // Управленческое консультирование. 2020. № 8. С. 88–98. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-8-88-98. EDN: JPAABN.

Дин Х., Бабкин А. В. Исследование и оценка уровня цифровизации китайских компаний // Неделя науки СПбПУ: материалы науч. конф. с междунар. участием: в 3-х ч. Ч. 2. / Отв. ред. С. В. Широкова. СПб.: Санкт-Петербург. политехн. ун-т Петра Великого, 2019. С. 448–451. EDN: MQZULE.

Долженков А., Обухова Е. Новая волна маркировки потопила фармарынок: зачем бизнес и потребителей заставляют платить миллиарды за систему маркировки // Эксперт. 2020. № 46. С. 46–50.

Зарипова Р. С., Кудряков Р. И. Роль интернета вещей в цифровой экономике // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13, № 7–1. С. 487–493. https://doi.org/10.34670/AR.2023.84.83.058. EDN: NAOABP.

Иванов С. Л. Повышение деловой активности российского бизнеса в условиях цифровизации экономики // Проблемы современной экономики. 2024. № 1. С. 107–111. EDN: IVFNHT.

Киселев С. В., Филимонов И. В., Самсонов В. А. и др. Влияние цифровизации на теневую экономику сельского хозяйства в Российской Федерации // Ars Administrandi (Искусство управления). 2024. Т. 16, № 2. С. 240–260. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-2-240-260. EDN: QNDOHT.

Машевская О. В. Цифровые технологии как основа цифровой трансформации современного общества // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2020. № 1. С. 37–44. EDN: LECURE.

Мерзлов И. Ю., Шилова Е. В., Санникова Е. А. и др. Комплексная методика оценки уровня цифровизации организаций // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 9. С. 2379–2396. https://doi.org/10.18334/epp.10.9.110856. EDN: FOOWSC.

Мугутдинов Р. М., Горовой А. А. Особенности цифровой трансформации в промышленности // Вестник Академии знаний. 2022. № 1. С. 216–225. https://doi.org/10.24412/2304-6139-2022-48-1-216-226. EDN: VDAAQS.

Наумов И. В., Дубровская Ю. В., Козоногова Е. В. Цифровизация промышленного производства в регионах России: пространственные взаимосвязи // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 3. С. 896–910. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-17. EDN: QLOOMF.

Положихина М. А. Цифровой бизнес России на мировом фоне [Электронный ресурс] // Социальные новации и социальные науки. 2022. № 1. С. 9–25. https://doi.org/10.31249/snsn/2022.01.01. EDN: YTHRBM. URL: elibrary.ru/download/elibrary_48881933_37759377.pdf (дата обращения: 25.08.2024).

Семеновых А. М. Оценка уровня цифровизации производственных процессов в контексте повышения эффективности деятельности предприятия // Мировая наука. 2020. № 12. С. 262–270. EDN: JKQVCB.

Сорока Д. О., Горкальцев В. С., Карлова Т. В. Оценка уровня цифровой зрелости предприятия как один из важных факторов в цифровой трансформации // Автоматизация и моделирование в проектировании и управлении. 2023. № 3. С. 80–88. https://doi.org/10.30987/2658-6436-2023-3-80-88. EDN: KUPZPR.

Тиньков С. А., Шамова Д. Ю. Сравнительная характеристика методик оценки уровня цифровизации бизнеса // Современные технологии управления. 2023. № 2. Ст. № 10. EDN: FGLFSC.

Якушев Н. О., Устинова К. А., Кочнев А. А. Импортозамещение как фактор развития отечественных цифровых технологий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 3. С. 82–101. https://doi.org/10.15838/esc.2024.3.93.5. EDN: VFKWGC.

Bickauske D., Simanaviciene Z., Jakubavicius A. et al. Analysis and perspectives of the level of enterprises digitalization (Lithuanian manufacturing sector case) // Independent Journal of Management & Production. 2020. Vol. 11, № 9. P. 2291–2307. https://doi.org/10.14807/ijmp.v11i9.1404.

Brodny J., Tutak M. Assessing the level of digitalization and robotization in the enterprises of the European Union member states // PLOS One. 2021. Vol. 16, № 7. Art. № e0254993. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0254993.

Dyba W., Di Maria E. Assessment and support of the digitalization of businesses in Europe during and after the COVID-19 pandemic // Regional Science Policy and Practice. 2023. Vol. 16, № 1. Art. № 12717. https://doi.org/10.1111/rsp3.12717.

Guo X., Xu D., Zhu K. Measuring digitalization effects in China: A global value chain perspective // China Economic Review. 2023. Vol. 81. Art. № 102021. https://doi.org/10.1016/j.chieco.2023.102021.

Kowal D., Radzik M., Domaracká L. Assessment of the level of digitalization of Polish enterprises in the context of the fourth industrial revolution // Sustainability. 2024. Vol. 16, № 13. Art. № 5718. https://doi.org/10.3390/su16135718.

Li J., Dou K., Wen S. et al. Monitoring index system for sectors' digital transformation and its application in China // Electronics. 2021. Vol. 10, № 11. Art. № 1301. https://doi.org/10.3390/electronics10111301.

Pandey V., Kumar A., Gupta S. Assessing the need for the adoption of digitalization in Indian small and medium enterprises // Open Engineering. 2024. Vol. 14, № 1. Art. № 20240072. https://doi.org/10.1515/eng-2024-0072.

Schuha G., Scheuer T., Nicke G. et al. A two-step digitalization level assessment approach for manufacturing companies // Procedia Manufacturing. 2021. Vol. 54. P. 25–30. https://doi.org/10.1016/j.promfg.2021.07.005.

Информация об авторе

С. Л. Иванов – кандидат экономических наук, научный сотрудник лаборатории инновационной экономики ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук», 160014, Россия, г. Вологда, ул. Горького, 56а

SPIN-код (РИНЦ): 9203-5612

AuthorID (РИНЦ): 1083915

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 07.09.2024; одобрена после рецензирования 10.11.2024; принята к публикации 10.11.2024.

References

Alenina, K. A. and Kuritsyna, A. V. (2024), "Developing an algorithm to assess corporate digital maturity", *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, vol. 14, no. 4, pp. 1057–1078, https://doi.org/10.18334/epp.14.4.120726, EDN: KQJPMU.

Arlanova, A. and Garayeva, M. (2022), "Bases of agricultural digitalization and its features", *Internauka*, no. 42–2, pp. 12–13, EDN: HERGWS.

Boyarskaya, Yu. N. (2023), "Digitalization in the field of transport services (air transportation)", *Eurasian Law Journal*, no. 1, pp. 126–128, https://doi.org/10.46320/2073-4506-2023-1-176-126-128, EDN: PJULZH.

Gershanok, A. A. (2022), "Agile technologies in real business: problems and prospects of implementation", *Economy and Business: Theory and Practice*, no. 8, pp. 80–85, https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-8-80-85, EDN: LRPZZH.

Goncharov, V. N. and Kanaeva, L. E. (2022), "Application of the latest technologies for the development of the digital economy in agriculture", *Trade and Market*, vol. 2, no. 3–2, pp. 51–58, EDN: FIAGSO.

Gribanov, Yu. I., Rudenko, M. N. and Alenina, K. A. (2020), "Modern approaches to formation of digital infrastructure", *Administrative Consulting*, no. 8, pp. 88–98, https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-8-88-98, EDN: JPAABN.

Din, H. and Babkin, A. V. (2019), "Researching and assessing the level of Chinese companies' digitalization", in Shirokova, S. V. (ed.), *Nedelya nauki SPbPU: materialy nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [SPbPU Science Week: Proceedings of the scientific conference with international participation], in 3 parts, part 2, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, pp. 448–451, EDN: MQZULE.

Dolzhenkov, A. and Obukhova, E. (2020), "A new wave of labeling has sunk the pharmaceutical market: Why businesses and consumers are forced to pay billions for the labeling system", *Expert*, no. 46, pp. 46–50.

Zaripova, R. S. and Kudryakov, R. I. (2023), "The role of the internet of things in the digital economy", *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, vol. 13, no. 7–1, pp. 487–493, https://doi.org/10.34670/AR.2023.84.83.058, EDN: NAOABP.

Ivanov, S. L. (2024), "Increasing the business activity of Russian businesses in the context of the digitalization of the economy", *Problems of Modern Economics*, no. 1, pp. 107–111, EDN: IVFNHT.

Kiselev, S. V., Filimonov, I. V., Samsonov, V. A. et al. (2024), "Digitalization impact on shadow economy of agriculture in the Russian Federation", *Ars Administrandi*, vol. 16, no. 2, pp. 240–260, https://doi.org/10.17072/2218-9173-2024-2-240-260, EDN: QNDOHT.

Mashevskaya, O. V. (2020), "Digital technology as the foundation of digital transformation", *Bulletin of Polessky State University. Series in Social Sciences and Humanities*, no. 1, pp. 37–44, EDN: LECURE.

Merzlov, I. Yu., Shilova, E. V., Sannikova, E. A. et al. (2020), "Comprehensive methodology for assessing the level of digitalization in the organizations", *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, vol. 10, no. 9, pp. 2379–2396, https://doi.org/10.18334/epp.10.9.110856, EDN: FOOWSC.

Mugutdinov, R. M. and Gorovoy, A. A. (2022), "Features of digital transformation in industry", *Bulletin of the Academy of Knowledge*, no. 1, pp. 216–225, https://doi.org/10.24412/2304-6139-2022-48-1-216-226, EDN: VDAAQS.

Naumov, I. V., Dubrovskaya, Ju. V. and Kozonogova, E. V. (2020), "Digitalization of industrial production in the Russian regions: Spatial relationships", *Economy of Region*, vol. 16, no. 3, pp. 896–910, https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-17, EDN: QLOOMF.

Polozhikhina, M. A. (2022), "Digital business of Russia on a global background", *Social Novelties and Social Sciences*, no. 1, pp. 9–25, https://doi.org/10.31249/snsn/2022.01.01, EDN: YTHRBM [Online], available at: elibrary.ru/download/elibrary_48881933_37759377.pdf (Accessed Aug. 25, 2024).

Semenov, A. M. (2020), "Assessment of the level of digitalization of production processes in the context of improving efficiency activities of the enterprise", *World Science*, no. 12, pp. 262–270, EDN: JKQVCB.

Soroka, D. O., Gorkal'cev, V. S. and Karlova, T. V. (2023), "Assessing the digital maturity of an enterprise as an important factor in the digital transformation", *Automation and Modelling in Design and Management*, no. 3, pp. 80–88, https://doi.org/10.30987/2658-6436-2023-3-80-88, EDN: KUPZPR.

Tinkov, S. A. and Shamova, D. Yu. (2023), "Comparative characteristics of methods for assessing the level of business digitalization", *Modern Management Technology*, no. 2, art. no. 10, EDN: FGLFSC.

Yakushev, N. O., Ustinova, K. A. and Kochnev, A. A. (2024), "Import substitution as a factor in the development of domestic digital technology", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 17, no. 3, pp. 82–101, https://doi.org/10.15838/esc.2024.3.93.5, EDN: VFKWGC.

Bickauske, D., Simanaviciene, Z., Jakubavicius, A. et al. (2020), "Analysis and perspectives of the level of enterprises digitalization (Lithuanian manufacturing sector case)", *Independent Journal of Management & Production*, vol. 11, no. 9, pp. 2291–2307, https://doi.org/10.14807/ijmp.v11i9.1404.

Brodny, J. and Tutak, M. (2021), "Assessing the level of digitalization and robotization in the enterprises of the European Union member states", *PLOS One*, vol. 16, no. 7, art. no. e0254993, https://doi.org/10.1371/journal.pone.0254993.

Dyba, W. and Di Maria, E. (2023), "Assessment and support of the digitalization of businesses in Europe during and after the COVID-19 pandemic", *Regional Science Policy and Practice*, vol. 16, no. 1, art. no. 12717, https://doi.org/10.1111/rsp3.12717.

Guo, X., Xu, D. and Zhu, K. (2023), "Measuring digitalization effects in China: A global value chain perspective", *China Economic Review*, vol. 81, art. no. 102021, https://doi.org/10.1016/j.chieco.2023.102021.

Kowal, D., Radzik, M. and Domaracká, L. (2024), "Assessment of the level of digitalization of Polish enterprises in the context of the fourth industrial revolution", *Sustainability*, vol. 16, no. 13, art. no. 5718, https://doi.org/10.3390/su16135718.

Li, J., Dou, K., Wen, S. et al. (2021), "Monitoring index system for sectors' digital transformation and its application in China", *Electronics*, vol. 10, no. 11, art. no. 1301, https://doi.org/10.3390/electronics10111301.

Pandey, V., Kumar, A. and Gupta, S. (2024), "Assessing the need for the adoption of digitalization in Indian small and medium enterprises", *Open Engineering*, vol. 14, no. 1, art. no. 20240072, https://doi.org/10.1515/eng-2024-0072.

Schuha, G., Scheuer, T., Nicke, G. et al. (2021), "A two-step digitalization level assessment approach for manufacturing companies", *Procedia Manufacturing*, vol. 54, pp. 25–30, https://doi.org/10.1016/j.promfg.2021.07.005.

Information about the author

S. L. Ivanov – Candidate of Economics, Research Fellow at the Laboratory of Innovative Economics, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, 56a Gorky Str., Vologda, 160014, Russia

SPIN code (RSCI): 9203-5612
AuthorID (RSCI): 1083915

The author declares no conflicts of interest.

The article was submitted on 07.09.2024; approved after reviewing 10.11.2024; accepted for publication 10.11.2024.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 267–294.
Ars Administrandi. 2025. Vol. 17, no. 2, pp. 267–294.

Эта работа © 2025 Пьянковой С. Г., Ергуновой О. Т. распространяется под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

This work © 2025 by Pyankova, S. G. and Ergunova, O. T. is licensed under Creative Commons Attribution 4.0 International. To view a copy of this license, visit https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Научная статья
УДК 331.3.5:004.9(470)
https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-267-294

ТРАНСФОРМАЦИЯ БАЗОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Светлана Григорьевна Пьянкова[1]✉, **Ольга Титовна Ергунова**[2]

[1] Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, silen_06@list.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-7072-9871

[2] Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия, ergunova-olga@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1714-7784

Аннотация. Введение: процессы цифровизации повсеместно трансформируют отрасли экономики и формируют спрос на новый профиль компетенций человеческих ресурсов, что актуализирует определение перспектив пространственной цифровизации национальной экономики Российской Федерации в условиях новой индустриализации. **Цель:** оценка трендов смещения базовых компетенций и профессиональных навыков трудовых ресурсов в условиях цифровизации экономики. **Методы:** применен системно-структурный анализ и метод математического моделирования для выявления ключевых тенденций на рынке труда, связанных с переходом к цифровой экономике, проведено прогнозирование ключевых тенденций российского рынка труда до 2030 года в условиях цифровизации отраслей экономики с помощью регрессионно-корреляционного анализа. **Результаты:** развитие цифровых компетенций тесно связано с ключевыми показателями рынка труда и экономическими условиями. Проведенный анализ индикаторов достойного труда в России за 2000–2022 годы выявил, что линейные модели имеют низкую точность прогнозирования (отрицательные значения R^2 и высокие MSE), что свидетельствует о необходимости использования более сложных методов, полиномиальная ре-

грессия (степень 3) также не смогла обеспечить точность для большинства индикаторов. В результате были предложены альтернативные подходы для прогнозирования, такие как модели временных рядов (например, ARIMA) и методы машинного обучения (нейронные сети, градиентный бустинг), которые лучше учитывают нелинейные зависимости и сложные паттерны. Разработаны рекомендации по оптимизации процесса трансформации базовых компетенций человеческих ресурсов как составляющей национальной экономики в целях решения общенациональных приоритетов в условиях усиления турбулентности макросреды. **Выводы:** на основе рассчитанных прогнозов выделены ключевые аспекты, влияющие на развитие цифровых компетенций в России к 2030 году, а также определены перспективы внедрения цифровых технологий в области социально-трудовых отношений в рамках новой индустриализации.

Ключевые слова: цифровая грамотность, рынок труда, устойчивое развитие, промышленная революция 4.0, цифровая трансформация, менеджмент, цифровые компетенции

Для цитирования: *Пьянкова С. Г., Ергунова О. Т.* Трансформация базовых компетенций человеческих ресурсов в эпоху цифровизации // Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 267–294. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-267-294.

Original article

HUMAN RESOURCES BASIC COMPETENCES TRANSFORMATION IN THE AGE OF DIGITIZATION

Svetlana G. Pyankova[1]✉, **Olga T. Ergunova**[2]

[1] Ural State Economic University, Yekaterinburg, Russia, silen_06@list.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-7072-9871

[2] Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia, ergunova-olga@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1714-7784

Abstract. Introduction: digitalization processes are transforming economic sectors everywhere and creating demand for a new profile of human resources competencies, which raises the importance of defining the prospects for spatial digitalization of the Russian Federation national economy in the context of new industrialization. **Objectives:** to assess trends in the shift in basic competencies and professional skills of labor resources in the context of economic digitalization. **Methods:** system-structural analysis and the method of mathematical modeling were applied to identify key trends in the labor market associated with the transition to a digital economy, a forecast of key trends in the Russian labor market until 2030 was carried out in the context of economic sectors digitalization using regression and correlation analysis. **Results:** digital competencies development is closely related to key indicators of the labor market and economic conditions. The analysis of decent work indicators in the Russian Federation for 2000–2022 revealed that linear models have low forecasting accuracy (negative R^2 values and high MSE), which indicates the need to use more complex methods; polynomial regression (degree 3) also failed to provide accuracy for most indicators. As a result, alternative forecasting approaches were proposed, such as time series models (e.g., ARIMA) and machine learning methods (neural networks, gradient boosting), which better consider nonlinear dependencies and complex patterns. Recommendations were developed to optimize the process of transforming basic human resources competencies as a national economy component to address national priorities in the face of increasing turbulence in the macroenvironment. **Conclusions:** based on the calculated forecasts, key aspects influencing digital competencies development in Russia by 2030 were identified,

and the prospects for introduction of digital technologies in social and labor relations within the framework of new industrialization were determined.

Keywords: digital literacy, labor market, sustainable development, industrial revolution 4.0, digital transformation, management, digital competencies

For citation: Pyankova, S. G. and Ergunova, O. T. (2025), "Human resources basic competences transformation in the age of digitization", *Ars Administrandi*, vol. 17, no. 2, pp. 267–294, https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-267-294.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена быстрым развитием цифровых технологий, трансформирующим рынок труда и ведущим к пересмотру базовых компетенций человеческих ресурсов. Процессы цифровизации, автоматизации и внедрения искусственного интеллекта выдвигают новые требования к навыкам работников, которые должны не только быть технически грамотными, но и уметь адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Согласно отчету McKinsey Global Institute, к 2030 году автоматизация может привести к вытеснению от 400 до 800 млн работников по всему миру, что составляет до 14 % глобальной рабочей силы[1]. Это может привести к снижению спроса на традиционные навыки и увеличению потребности в новых, цифровых компетенциях. Кроме того, глобальные экономические тенденции подчеркивают необходимость изучения и разработки методов адаптации профессиональных навыков к условиям цифровой экономики. Это исследование направлено на анализ тенденций в трансформации компетенций трудовых ресурсов, что позволит разработать рекомендации для повышения конкурентоспособности специалистов на фоне глобальных технологических изменений. Учитывая усиление турбулентности макросреды, особое внимание уделяется устойчивому развитию компетенций, которые помогут специалистам успешно интегрироваться в цифровую экономику и поддерживать долгосрочную востребованность на рынке труда. Таким образом, исследование призвано заполнить существующий разрыв между теоретическими исследованиями и практическими требованиями цифрового рынка труда, предоставляя ценные данные для стратегического планирования и подготовки кадров, способных адаптироваться к новым условиям цифровой трансформации.

В последние годы исследования и прогнозы о влиянии цифровой трансформации на рынок труда показывают, что цифровизация требует расширения списка компетенций, необходимых для профессионального становления в цифровом обществе (Frey et al., 2017, p. 267), а также усиления спроса на специалистов, обладающих цифровыми навыками и компетенциями (Ергу-

[1] *Manyika J., Lund S., Chui M. et al.* Jobs lost, jobs gained: Workforce transitions in a time of automation [Online] // McKinsey&Company official website. 2024. 16 Jul. URL: https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/jobs-lost-jobs-gained-what-the-future-of-work-will-mean-for-jobs-skills-and-wages (Accessed Aug. 20, 2024).

нова и др., 2021, с. 504). Влияние цифровой трансформации, автоматизации и искусственного интеллекта (ИИ) на рынок труда продолжает набирать обороты. Согласно отчетам ведущих аналитических и консалтинговых компаний, ожидается значительное замещение труда в ближайшие годы. По данным McKinsey в ближайшее десятилетие ИИ заменит примерно треть существующих сегодня профессий[2], тогда как в США и Японии замещение профессий составит 40 % и 50 % соответственно[3]. Повсеместная цифровизация отраслей экономики подчеркивает необходимость дополнительных исследований о том, как технологии могут улучшить развитие навыков, а также подчеркивает важность преодоления разрыва между практическим применением и академическими исследованиями в области цифровой трансформации.

Обращаясь к названию настоящей статьи, дадим авторское понимание базовых компетенций. В контексте человеческих ресурсов их обычно относят к тем навыкам и качествам, которые необходимы людям для успешного выполнения своих ролей. Эти компетенции включают технические навыки, способности решать проблемы, навыки межличностного общения и адаптивность, которые составляют основу эффективной работы в различных областях.

Позиция о том, что цифровизация значительно трансформирует базовые компетенции человеческих ресурсов, обоснована следующими положениями. С развитием цифровых технологий в рабочих процессах базовые навыки цифровой грамотности становятся необходимыми. Сотрудники должны обладать техническими навыками для эффективного использования цифровых платформ, что включает в себя сочетание технических, информационных и коммуникативных умений. С ростом автоматизации и распространением аналитики данных важность компетенций в области адаптации к ИИ, анализа больших данных и предиктивной аналитики существенно возрастает. Критическое мышление и навыки интерпретации данных становятся первостепенными. Этот сдвиг меняет характер базовых компетенций от традиционных мануальных навыков к сложным цифровым и когнитивным умениям. Цифровизация требует от работников гибкости и готовности к постоянному обучению, чтобы идти в ногу с технологическими достижениями и меняющимися потребностями рынка в контексте цифровой экономики, что означает переход от статичных к динамичным компетенциям. Трансформация выходит за рамки чисто технических навыков, включая такие компетенции, как критическое мышление, инновации и цифровая этика. Четкое определение методологии и аргументация роли цифровизации подчеркивают важность развития компетенций в области управления человеческими ресурсами, соответствующих требованиям цифровой экономики.

[2] *The economic* potential of generative AI: The next productivity frontier [Online] // McKinsey&Company official website. 2023. 14 Jun. URL: https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/the-economic-potential-of-generative-ai-the-next-productivity-frontier#introduction (Accessed Aug. 20, 2024).

[3] *Be* a better decider – Strategy+Business – PwC [Online] // PwC official website. URL: https://www.pwc.com/gx/en/strategy-business.html (Accessed Aug. 20, 2024).

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования – выявить, как цифровизация влияет на трансформацию базовых компетенций человеческих ресурсов. Важность данной темы связана с необходимостью адаптации сотрудников к изменениям в цифровой экономике и требованиями рынка труда.

Чтобы прояснить перспективы смещения базовых компетенций в условиях формирующейся цифровой экономики, необходимо решить комплекс задач:

1. Установить содержание концепта цифровых компетенций и цифровой грамотности.

2. Определить ключевые тенденции на рынке труда, связанные с переходом к цифровой экономике к 2030 году.

3. Выявить тренды изменения компетенций, связанные с фактором цифровизации отраслей экономики.

Для изучения трансформации компетенций под влиянием цифровизации выбраны следующие ключевые показатели: уровень цифровой грамотности работников, доля сотрудников, обладающих навыками работы с большими данными и предиктивной аналитикой, показатели занятости в высокотехнологичных отраслях, уровень использования автоматизированных и цифровых инструментов в рабочих процессах. Эти показатели отражают степень готовности и адаптации работников к цифровой среде и позволяют оценить влияние цифровизации на компетенции.

В исследовании применен системно-структурный анализ и метод математического моделирования для выявления ключевых тенденций на рынке труда, связанных с переходом к цифровой экономике. Динамика отдельных характеристик установлена с помощью регрессионно-корреляционного анализа. Анализ точности прогнозной модели показывает следующие результаты для различных индикаторов:

– MSE (среднеквадратическая ошибка): чем меньше значение MSE, тем точнее модель. Высокие значения указывают на значительные отклонения предсказанных значений от фактических данных.

– R2 (коэффициент детерминации): значение R2 показывает, какая доля вариации зависимой переменной объясняется моделью. Значения ближе к 1 указывают на высокую точность модели, отрицательные значения – на плохую подгонку модели.

Для прогнозирования применялась модель экспоненциального сглаживания Хольта-Винтерса, которая учитывает как тренды, так и сезонность в данных по показателям рынка труда. Этот подход увеличивает надежность прогноза, хотя результаты показывают, что иные модели могли бы повысить точность.

Для улучшения точности прогнозирования показателей рынка труда была использована полиномиальная регрессия, которая дала более точные результаты по сравнению с линейной моделью, но все же показывает ограничения. Из-за ограничений линейных и полиномиальных моделей исследование предлагает рассмотреть использование моделей ARIMA, нейронных сетей

или градиентного бустинга для временных рядов, чтобы лучше учитывать нелинейные зависимости и сложные паттерны в данных.

В рамках дальнейшего развития предполагается углубленное изучение влияния автоматизации и ИИ на требования к компетенциям сотрудников, разработка образовательных программ и курсов, направленных на повышение уровня цифровой грамотности и адаптации к новым технологиям, а также исследование возможных стратегий адаптации организаций к изменениям в компетенциях сотрудников, вызванным цифровой трансформацией. Эти направления помогут создать более структурированный подход к развитию цифровых компетенций в организациях и сформировать рекомендации для подготовки специалистов в условиях цифровой экономики. Таким образом, конкретизация предметной области, цели, методики и показателей поможет более точно сформировать направления развития и добиться четких, воспроизводимых результатов исследования.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В целях проведения исследования влияния индустриального развития на расширение и трансформацию компетенций человеческого капитала рассмотрим периодизацию становления теории человеческого капитала в соответствии с подходом, предложенным В. А. Аникиным (Аникин, 2017, с. 131) (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Этапы становления теории человеческого капитала / Stages of the human capital theory development

Этап	Характеристика	Описание
Доиндустриальный этап (до конца XVIII в.)	Доминирует аграрный уклад, традиционный характер отношений в обществе. Широкого спроса на образование нет. Обучение во многом осуществляется на рабочих местах	Формирование предпосылок для возникновения теории человеческого капитала. В работах У. Петти и А. Смита были заложены основы понимания роли человеческого фактора в экономическом развитии
Этап массового обучения (XIX в. – середина XX в.)	Развитие промышленности и массовое обучение. Возникает спрос на квалифицированных работников. Образование становится более доступным	Развитие теории человеческого капитала в рамках классической экономической теории. В этот период были сформулированы основные положения теории, связанные с ролью образования, здоровья и квалификации работников в экономическом развитии
Позднеиндустриальный этап (середина XX в. – 1970-е гг.)	Рост значения человеческого капитала в экономике. Образование становится ключевым фактором экономического развития	

Этап	Характеристика	Описание
Первый постиндустриальный этап (1970-е – 1990-е гг.)	Развитие информационных технологий и глобализация экономики. Человеческий капитал становится основным фактором производства	Формирование неоклассической теории человеческого капитала, которая рассматривает его как один из факторов производства наряду с землей и капиталом. В этот период были проведены многочисленные исследования, подтверждающие роль человеческого капитала в экономическом развитии
Второй постиндустриальный этап (с 1990-х гг. по настоящее время)	Развитие цифровой экономики и общества знаний. Человеческий капитал играет ключевую роль в инновационном развитии	Дальнейшее развитие теории человеческого капитала с учетом новых тенденций в экономике, таких как глобализация, информатизация и цифровизация

Источник: составлено авторами по данным (Bazarkina and Pashentsev, 2020; Jarrahi, 2018).

Исходя из данных в табл. 1., можно сделать вывод, что теория человеческого капитала эволюционировала от формирования предпосылок в доиндустриальный период до ключевой роли в цифровой экономике и обществе знаний. На каждом этапе развития экономики усиливалось значение образования и квалификации работников как основных факторов экономического роста.

Опираясь на историю становления концепции человеческого капитала, необходимо рассмотреть трансформацию компетенций трудовых ресурсов в контексте цифровизации. Цифровые технологии в последние десятилетия значительно изменили производственные процессы и экономические отношения. Этот процесс носит глобальный характер и затрагивает трудовые ресурсы практически всех отраслей экономики. В таблице 2 представлены основные формы такой трансформации.

Таблица 2 / Table 2

Формы трансформации производственных процессов и экономических отношений под влиянием цифровых технологий / Forms of production processes and economic relations transformation under the influence of digital technologies

Технологии	Описание	Формы
Автоматизация и роботизация	Внедрение автоматизированных систем и роботов позволяет значительно повысить производительность труда, сократить издержки и минимизировать человеческий фактор в процессе производства	Промышленные роботы: использование роботов на производственных линиях для выполнения задач, требующих высокой точности и повторяемости
		Автоматизированные системы управления: применение программного обеспечения для контроля и управления производственными процессами
		Интернет вещей (IoT): сетевые устройства, которые взаимодействуют друг с другом и с системами управления, собирая и анализируя данные в реальном времени
Цифровизация бизнес-процессов	Перевод всех бизнес-процессов в цифровую форму, что позволяет повысить их эффективность, прозрачность и управляемость	Электронный документооборот: переход от бумажных документов к электронным, что ускоряет процессы обмена информацией и снижает издержки
		Цифровая логистика: автоматизация логистических процессов, включая отслеживание грузов, управление складскими запасами и оптимизацию маршрутов
		Электронная коммерция: онлайн-продажи и маркетинг, использование цифровых платформ для взаимодействия с клиентами и партнерами
Большие данные и аналитика	Использование технологий больших данных для анализа огромных объемов информации и принятия на их основе управленческих решений	Сбор и анализ данных: применение систем для сбора данных с различных источников и их последующий анализ для выявления закономерностей и трендов
		Предиктивная аналитика: прогнозирование будущих событий на основе исторических данных
		Персонализация: использование аналитики для создания персонализированных предложений и услуг для клиентов

Технологии	Описание	Формы
Искусственный интеллект и машинное обучение	Внедрение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения для автоматизации сложных задач	Чат-боты и виртуальные ассистенты
		Автоматизированный анализ данных и принятие решений без участия человека
		Предиктивное обслуживание: использование ИИ для прогнозирования и предотвращения поломок оборудования
Блокчейн и распределенные реестры	Применение технологий блокчейн для обеспечения безопасности и прозрачности транзакций и операций	Криптовалюты: использование цифровых валют для проведения транзакций
		Умные контракты: автоматизированные контракты, которые исполняются при выполнении заданных условий
		Треккинг и верификация: применение блокчейн для отслеживания происхождения товаров и предотвращения подделок
Виртуальная и дополненная реальность	Применение технологий виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности для улучшения процессов обучения, проектирования и обслуживания	Обучение и тренинг: использование VR и AR для создания реалистичных симуляций и обучения сотрудников
		Проектирование и моделирование: применение AR для визуализации проектов и проведения виртуальных тестов
		Техническое обслуживание: использование AR для предоставления инструкций и помощи при ремонте и обслуживании оборудования

Источник: составлено авторами по данным (Hermann et al., 2016).

Цифровые технологии значительно трансформируют экономические отношения, тем самым повышая эффективность, снижая издержки и создавая новые возможности для бизнеса. В условиях новой индустриализации фокус управления человеческими ресурсами смещается на интеграцию и влияние различных цифровых технологий на бизнес-процессы в отраслях экономики.

Анализ работ зарубежных и отечественных ученых, посвященных проблеме формирования спроса на новый профиль компетенций человеческих ресурсов (Пьянкова и др., 2021; Efimova et al., 2020; Li et al., 2023; Симарова и др., 2022; Eden et al., 2019; Глотова, 2022,; Соколов, 2021; Monteiro et al., 2023; Saba and Ngepah, 2024), показал, что авторы наибольшее внимание уделяют

концептам «цифровая грамотность» и «цифровая компетентность», которые и будут основой настоящего исследования.

Термин «цифровая грамотность» был впервые введен П. Гилстером в конце 1990-х годов как «способность понимать и использовать информацию в различных форматах из широкого спектра цифровых источников» (Gilster, 1997, p. 255). Это определение признается и развивается в исследованиях таких ученых, как (Christiani and Widuri, 2024; Decker et al., 2017; Гусев, 2019; Nissan and Simon, 2021; Симарова и др., 2022; Fareri et al., 2023; Palacios-Nunez et al., 2022).

М. Ореро-Блат, Х. де Хуан Джордан, Д. Паласиос-Маркез (Orero-Blat et al., 2022, p. 185), Ю. Ли и его соавторы (Li et al., 2023, p. 11) полагают, что цифровая компетентность – это способность использовать цифровые технологии для обучения, работы и коммуникации, а также критически осмысливать информацию и принимать обоснованные решения на основе полученных данных. Исследователи К. Хе, М. Мэдовс, Д. Ангвин, Е. Гомес, Дж. Чайлд (He et al., 2020, p. 592) оценивают понятие «цифровая грамотность» подобно таким терминам, как «медиаграмотность» и «компьютерная грамотность», и связывают его с функциональным использованием технологий и адаптацией навыков. По мнению отечественных ученых (Гладилина и др., 2019, с. 63), цифровые компетенции включают знания, ответственность, умения и мотивацию для работы в цифровом пространстве. Авторы также отмечают, что разрыв между поколениями в уровне владения информационными технологиями является значительным. На ценности поколений X, Y, Z как одно из основных препятствий на пути цифровизации российской экономики, в частности в сфере промышленности, указывают (Кривоносова и Билык, 2021, с. 258).

Согласно А. Брольпито (Брольпито, 2018, с. 30) цифровая компетентность охватывает широкий спектр навыков и знаний и представляется в виде пяти базовых компонентов (рис. 1).

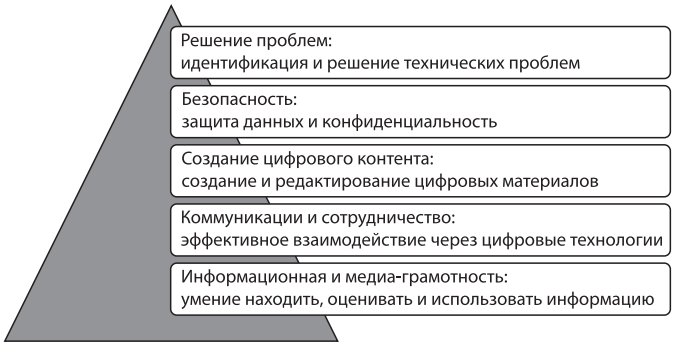

Рис. 1. Европейская рамка цифровых компетенций для граждан DigComp / Fig. 1. The Digital Competence Framework for Citizens (DigComp)

Источник: составлен авторами по данным (Брольпито, 2018, с. 30).

Цифровая грамотность позволяет человеку эффективно использовать цифровые технологии для личного и профессионального роста, обеспечивая его конкурентоспособность в современном мире (Uzule and Verina, 2023, p. 127).

В публикации (Ferreira et al., 2020, p. 561) указывается на многомерность понятия цифровой грамотности, включающей в себя навыки и знания, представленные в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Основные компоненты цифровой грамотности / Key components of digital literacy

Компонент	Описание	Формы
Технические навыки	Способность использовать цифровые устройства, программное обеспечение	Работа с компьютерами и мобильными устройствами
		Навыки работы с текстовыми редакторами, электронными таблицами, презентациями и другими приложениями
		Навигация в интернете: умение использовать браузеры, поисковые системы и различные онлайн-сервисы
Информационная грамотность	Способность находить, оценивать и использовать информацию из цифровых источников	Поиск информации: навыки эффективного поиска информации в интернете, использование правильных ключевых слов и фильтров
		Оценка информации: умение критически оценивать достоверность, актуальность и источник информации
		Использование информации: способность использовать найденную информацию для решения задач, принятия решений и создания новых знаний
Коммуникативные навыки	Способность эффективно общаться и взаимодействовать с другими людьми в цифровой среде	Электронная почта: умение использовать электронную почту для деловой и личной переписки
		Социальные сети: навыки взаимодействия в социальных сетях, понимание их особенностей и рисков
		Виртуальные встречи и конференции: умение организовывать и участвовать в онлайн-встречах и конференциях

Компонент	Описание	Формы
Цифровая безопасность	Способность защищать свои данные и устройства от цифровых угроз	Пароли и аутентификация: навыки создания и управления безопасными паролями, использование двухфакторной аутентификации
		Защита данных: умение защищать личные данные и конфиденциальную информацию
		Антивирусные программы и брандмауэры: знания об использовании программ для защиты устройств от вирусов и других угроз
Этика и права	Понимание прав и обязанностей в цифровой среде, соблюдение этических норм и законов	Авторские права и лицензии: знания о защите интеллектуальной собственности, умение правильно использовать контент
		Этикет в сети: правила поведения в цифровом пространстве, уважение к другим пользователям
		Цифровая идентичность: понимание важности создания и поддержания положительного цифрового следа
Критическое мышление	Способность использовать цифровые инструменты для решения задач и принятия обоснованных решений	Анализ данных: навыки использования программ для анализа данных и принятия решений на основе полученных результатов
		Критическое мышление: умение критически оценивать информацию и аргументы, формировать собственное мнение
		Инновации: способность использовать цифровые технологии для создания новых идей и решений

Источник: составлено авторами по данным (Ferreira et al., p. 561).

Авторы обнаружили значительный пробел в исследованиях, связанных с пересечением цифровых компетенций и цифровой грамотности при изучении цифровой трансформации. Большинство трудов сосредоточено на управлении человеческими ресурсами и развитии отраслей экономики и меньше внимания уделяют технологическим навыкам и обучению персонала (Verina and Titko, 2019, p. 721). Авторы настоящей статьи подчеркивают необходимость дополнительных исследований того, как технологии могут улучшить развитие цифровых компетенций.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Развитие цифровых компетенций тесно связано с ключевыми показателями рынка труда и экономическими условиями. В таблице 4 представлены данные индикаторов достойного труда в Российской Федерации за 2000–2022 годы.

Анализ динамики индикаторов достойного труда в Российской Федерации за 2000–2022 годы показывает противоречивую картину, сочетающую отдельные позитивные изменения с тревожными тенденциями. На протяжении изучаемого периода уровень занятости демонстрировал стабильный рост до 2014 года, достигнув пика около 65 %, после чего началось умеренное снижение. Уровень безработицы при этом последовательно сокращался, особенно в посткризисный период 2009–2019 годов, что может свидетельствовать о восстановлении экономики и усилении формальной занятости. Однако в 2020 году на фоне пандемии COVID-19 наблюдается кратковременный рост безработицы, после чего снова фиксируется ее снижение. Уровень молодежи, не занятых в образовании и не приобретающих профессиональные навыки, также снижался, что может быть результатом образовательных реформ и реализации программ поддержки молодежной занятости. В то же время доля занятых в неформальном секторе остается высокой и даже выросла с начала 2000-х годов, что указывает на сохраняющиеся структурные проблемы в формализации труда и ограниченность доступа к социальной защите для части работников. Снижение доли работающих бедных с 23,9 % до 4,6 % выглядит позитивно, однако требует интерпретации в контексте качества занятости и потребительских цен.

В показателях, характеризующих условия труда, заметно сокращение доли работников с чрезмерной продолжительностью рабочего времени, а также снижение доли детей, занятых в опасных условиях, что говорит о развитии трудового законодательства и контроле его соблюдения. Вместе с тем темпы роста производительности труда нестабильны и демонстрируют просадки в периоды экономических кризисов. Динамика коэффициента неравенства в доходах (P90/P10) показывает умеренное сокращение в последние годы, но по-прежнему остается на высоком уровне, свидетельствуя о сохраняющемся социальном расслоении. Темпы инфляции, особенно в начале 2000-х годов, были высокими, оказывая давление на реальную заработную плату, хотя в дальнейшем наблюдается постепенная стабилизация цен. Структура занятости показывает устойчивый тренд на сокращение доли работников в сельском хозяйстве и промышленности при одновременном росте занятости в сфере услуг, что соответствует мировым трендам на развитие сервисной экономики. Несмотря на это, доля заработной платы в ВВП за последние годы сокращается. Это может указывать на снижение роли трудовых доходов в формировании общего дохода населения и усиление капиталоемкости экономики. Уровень завершенного школьного образования среди лиц трудоспособного возраста остается стабильно высоким, превышая 94 %, что подтверждает наличие образовательного потенциала для построения более устойчивого и инклюзивного рынка труда. Однако полноценная реализация этого потенциала требует решения системных проблем, включая расширение формальной занятости, повышение качества рабочих мест и адресную поддержку уязвимых категорий занятых.

Таблица 4 / Table 4

Показатели индикаторов достойного труда в Российской Федерации за 2000–2022 годы (%) / Indicators of decent work in the Russian Federation, 2000–2022 (%)

Показатели	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Доля занятых лиц в численности населения, %	54,2	60,2	59,4	60,3	61,3	61,7	63,1	63,2	62,0	62,7	63,9	64,9	64,8	65,3	65,3	65,7	59,5	59,8	59,4	58,4	59,4	59,8
Уровень безработицы, %	8,9	7,9	8,2	7,8	7,1	7,1	6,0	6,2	8,3	7,3	6,5	5,5	5,5	5,2	5,6	5,5	5,2	4,8	4,6	5,8	4,8	3,9
Молодежь, которая не приобретает профессиональные навыки в возрасте 15–24 лет, %	15,7	14,4	14,9	14,3	13,5	13,5	12,3	12,8	15,2	13,8	12,7	12,0	11,8	12,0	12	12,4	10,5	10,2	10,6	10,9	10,2	10,1
Доля неформального сектора в общей занятости, %	14,1	14,2	15,8	16,8	18,3	18,2	18,2	19,4	19,2	16,4	18,2	19,0	19,7	20,1	20,5	21,2	19,8	20,1	20,6	20,0	20,3	18,6
Работающие бедные, %	23,9	18,9	16,6	13,3	24,4	22	16,5	14	10,4	12	13,1	8	5,4	5,9	8	7,7	7,2	6,2	6	4,7	4,6	4,6

Показатели	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Доля занятых с чрезмерной продолжительностью рабочих часов, %	7,3	6,8	7,2	6,9	7,1	6,4	6,5	6,8	5,7	4,7	4,4	4,3	4,4	4,5	4,5	4,5	3,7	3,3	3,5	3,0	3	2,8
Доля детей 5–17 лет, занятых в опасных условиях, %	2,6	1,9	1,3	1,6	1,4	0,7	0,6	0,3	0,4	0,2	0,3	0,4	0,5	0,5	0,5	1,2	0,4	0,2	0,2	0,3	0,1	0,6
Производительность труда (темпы роста), %	105	106	107	106,5	105,5	107,5	107,5	104,8	95,9	103,2	103,8	103,8	102,1	100,8	98,7	100,1	102,1	103,1	102,4	99,6	103,7	96,4
Неравенство в распределении доходов: P90/P10, %	13,9	14	14,5	15,2	15,2	15,9	16,7	16,6	16,6	16,6	16,2	16,4	16,1	16	15,5	15,5	15,4	15,8	15,6	14,9	15,2	13,8
Темпы инфляции (ИПЦ), %	118,6	115,1	112	111,7	110,9	109	111,9	113,3	108,8	108,8	106,1	106,6	106,5	107	112,9	105,4	102,5	104,3	103	104,9	108,4	111,9
Доля занятых в сельском хозяйстве, %	12	11,3	10,8	10,0	10,1	9,9	8,9	8,5	8,3	7,7	7,7	7,3	7	6,9	6,7	6,7	5,9	5,9	5,8	6,0	5,9	5,8
Доля занятых в промышленности, %	29,4	29,5	30,2	29,6	29,3	28,9	28,8	28,7	27,5	27,8	27,5	27,8	27,8	27,6	27,3	27	27	26,8	26,8	26,5	26,6	26,3

Показатели	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Доля занятых в сфере услуг, %	58,5	59,1	59,0	60,4	60,6	61,2	62,3	62,8	64,2	64,5	64,9	64,9	65,2	65,5	66	66,3	67,1	67,3	67,4	67,5	67,5	67,9
Доля заработной платы в ВВП, %	43	46,8	47,1	46,1	43,8	44,5	46,7	47,4	52,6	49,7	43,9	44,3	46,3	47,4	47,8	48,2	47,8	44,7	44,1	45,2	40,4	38,5
Доля лиц среди населения 25–64 лет, окончивших школу, %	87,3	88,3	88,4	90	90,5	91,2	92,4	93,1	93,2	93,9	94	94,3	94,7	94,7	94,9	95,3	95,2	95,2	94,9	95,0	94,7	94,8

Источник: составлено авторами по данным Росстата[4].

[4] *Рынок* труда, занятость и заработная плата [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Федер. службы гос. статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 20.08.2024).

Рассмотрим каждый из показателей и построим для них прогнозы на 2023–2030 годы, используя модель экспоненциального сглаживания, для каждого показателя будем использовать модель Holt-Winters Exponential Smoothing, которая учитывает тренды и сезонные компоненты (табл. 5).

Таблица 5 / Table 5

Прогноз показателей индикаторов достойного труда в Российской Федерации на 2023–2030 годы / Forecast of decent work indicators in the Russian Federation for 2023–2030

Показатели	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Доля занятых лиц среди всего населения, %	59,3	59,1	58,8	58,5	58,3	58,0	57,8	57,5
Уровень безработицы, %	4,1	3,9	3,7	3,5	3,3	3,2	3,0	2,8
Молодежь 15–24 лет, которая не приобретает профессиональных навыков, %	9,8	9,6	9,3	9,1	8,8	8,6	8,4	8,1
Доля неформального сектора в общей занятости, %	19,1	19,3	19,6	19,8	20,0	20,2	20,5	20,7
Работающие бедные, %	1,4	0,5	-0,3	-1,2	-2,1	-3,0	-3,9	-4,7
Доля занятых с чрезмерной продолжительностью рабочих часов, %	2,6	2,4	2,1	2,0	1,7	1,5	1,3	1,1
Доля детей 5–17 лет, занятых в опасных условиях, %	0,4	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,6	0,6
Производительность труда (темпы роста), %	99,1	98,8	98,5	98,1	97,8	97,5	97,1	96,8
Неравенство в распределении доходов: P90/P10, %	13,6	13,0	12,3	11,7	11,1	10,4	9,8	9,2
Темпы инфляции (ИПЦ), %	111,3	111,0	110,6	110,3	110,0	109,6	109,3	109,0
Доля занятых в сельском хозяйстве, %	5,7	5,6	5,6	5,5	5,5	5,5	5,4	5,4
Доля занятых в промышленности, %	26,2	26,0	25,8	25,7	25,5	25,4	25,2	25,1
Доля занятых в сфере услуг, %	68,2	68,4	68,7	69,0	69,2	69,5	69,8	70,0
Доля заработной платы в ВВП, %	38,3	38,1	37,9	37,6	37,4	37,2	37,0	36,8
Доля лиц 25–64 лет, окончивших школу, %	94,6	94,5	94,4	94,3	94,3	94,2	94,1	94,0

Источник: в таблицах 5 и 6 приведены собственные расчеты авторов.

Прогноз указывает на продолжение структурных изменений на рынке труда, рост сегмента услуг, сохранение устойчивой инфляции и возможное усиление неформальной занятости. Эти данные могут лечь в основу разработки мер по поддержке формальной занятости, модернизации системы образования и повышения устойчивости доходов населения. Ряд ключевых

показателей (доля занятых лиц, производительность труда, доля заработной платы в ВВП) демонстрируют устойчивое снижение, что отражает структурные проблемы на рынке труда и в экономике в целом. Прогноз показывает позитивную динамику по снижению уровня безработицы и численности молодежи вне системы образования и занятости, что может свидетельствовать о результатах реформ и реализации программ поддержки. Доля неформального сектора прогнозируется с тенденцией к росту. Это указывает на необходимость контроля и развития механизмов формализации труда. Снижение доли работников с переработками и бедных работающих предполагает улучшение условий труда, но требует дополнительной верификации, особенно в случае отрицательных значений (например, по бедным работающим), где модель выходит за пределы допустимых интерпретаций. Продолжается смещение занятости в сторону сервисной экономики, с одновременным снижением занятости в аграрной и промышленной сферах. Таким образом, модель Holt-Winters Exponential Smoothing предоставила обоснованные и логически интерпретируемые прогнозы по большинству индикаторов. Однако следует учитывать, что модель не учитывает внешние шоки (например, пандемии, санкции, реформы), а значит, полученные результаты требуют экспертной корректировки при разработке социальной и трудовой политики.

На рисунке 2 (а, б, в) представлены прогнозы индикаторов достойного труда в Российской Федерации на 2023–2030 годы, выполненные с использованием полиномиальной регрессии (степень 3).

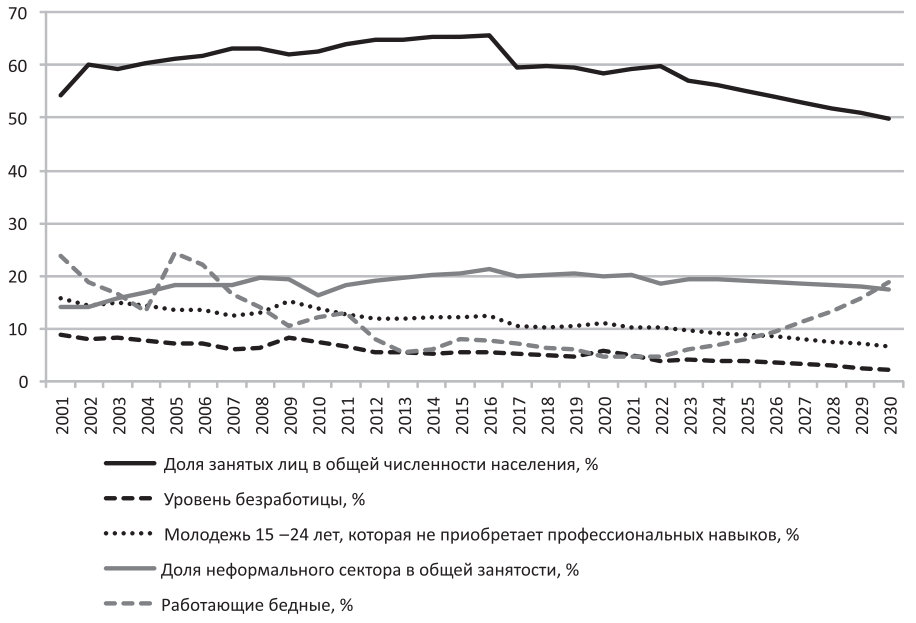

Рис. 2а. Прогноз части индикаторов достойного труда в Российской Федерации на 2023–2030 годы, выполненные с использованием полиномиальной регрессии / Fig. 2a. Forecast of some decent work indicators in the Russian Federation for 2023–2030 formed using polynomial regression

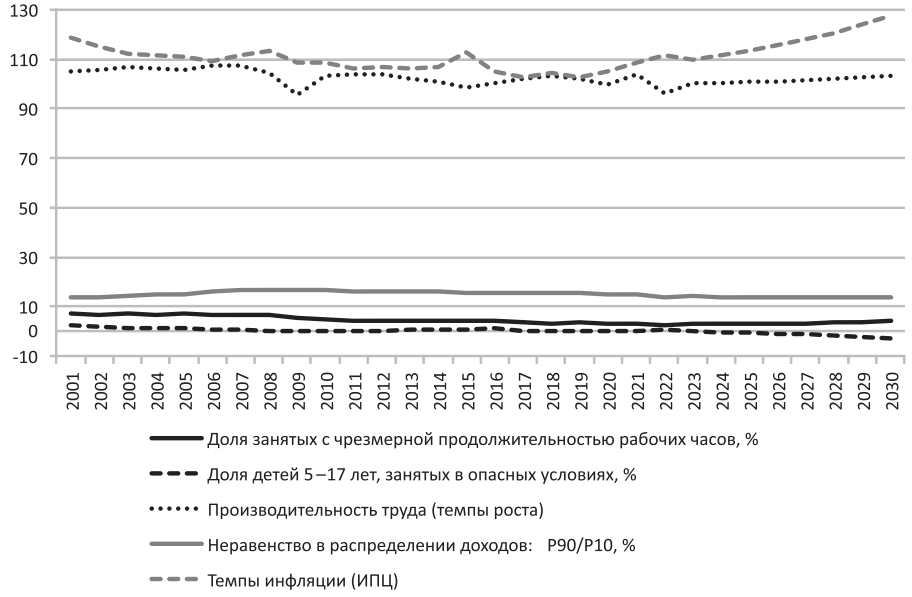

Рис. 2б. Прогноз части индикаторов достойного труда в Российской Федерации на 2023–2030 годы, выполненные с использованием полиномиальной регрессии / Fig. 2b. Forecast of some decent work indicators in the Russian Federation for 2023–2030 formed using polynomial regression

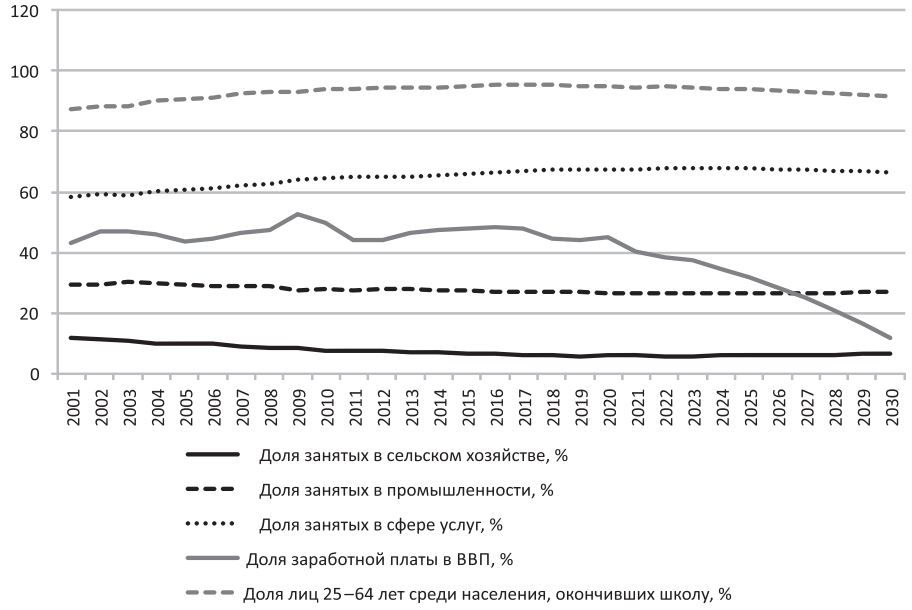

Рис. 2в. Прогноз части индикаторов достойного труда в Российской Федерации на 2023–2030 годы, выполненные с использованием полиномиальной регрессии / Fig. 2c. Forecast of some decent work indicators in the Russian Federation for 2023–2030 formed using polynomial regression

Источник: составлено авторами.

Прогноз индикаторов достойного труда в Российской Федерации на 2023–2030 годы, выполненный с использованием полиномиальной регрессии третьей степени, представляет собой более гибкий и точный инструмент по сравнению с линейной моделью. В отличие от простой линейной регрессии, предполагающей постоянный темп роста или снижения, полиномиальная модель способна учитывать изгибы, повороты и точки насыщения, которые часто наблюдаются в социальных и экономических данных. Полученные прогнозы показывают, что даже при общей положительной динамике по ряду показателей, существует риск замедления темпов улучшений и усиления структурных проблем в отдельных сферах (например, в неформальной занятости и производительности труда). Эти результаты подчеркивают необходимость регулярного мониторинга ситуации и адаптивного подхода к управлению рынком труда. Таким образом, использование полиномиальной модели обосновано при прогнозировании индикаторов достойного труда, так как она позволяет лучше учитывать нелинейные тенденции и строить более реалистичные сценарии для среднесрочного планирования.

На основе анализа данных, предоставленных в таблице 6, приведены результаты сравнения точности моделей линейной и полиномиальной регрессии для прогнозирования индикаторов достойного труда.

Таблица 6 / Table 6

Оценка точности моделей / Assessing the models accuracy

Индикаторы	Линейная MSE	Линейная R2	Полиномиальная MSE	Полиномиальная R2
Доля занятых лиц в общей численности населения, %	54,03	–207,55	9,16	–34,35
Уровень безработицы, %	0,42	–0,22	1,11	–2,24
Молодежь, которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков, %	0,21	–1,13	6,93	–69,76
Доля неформального сектора в общей занятости, %	5,99	–11,66	25,83	–53,62
Работающие бедные, %	12,16	–22,32	91,80	–174,99
Доля занятых с чрезмерной продолжительностью рабочего времени, %	0,04	0,37	7,64	–129,70
Доля детей, занятых в опасных условиях, среди лиц в возрасте 5–17 лет, %	0,26	–7,83	0,59	–18,84
Производительность труда (темпы роста), %	10,70	–0,46	60,62	–7,24

Индикаторы	Линейная MSE	Линейная R2	Полиномиальная MSE	Полиномиальная R2
Неравенство в распределении доходов: P90/P10, %	3,20	–5,47	1,20	–1,42
Темпы инфляции (ИПЦ), %	29,14	–1,78	153,75	–13,67
Доля занятых в сельском хозяйстве, %	1,71	–358,18	0,13	–26,86
Доля занятых в промышленности, %	0,13	–2,80	2,32	–65,62
Доля занятых в сфере услуг, %	2,89	–66,96	1,35	–30,83
Доля заработной платы в ВВП, %	42,18	–5,00	85,22	–11,12
Доля лиц среди населения в возрасте 25–64 лет, окончивших среднюю школу, %	9,95	–339,65	0,11	–2,70

Исходя из данных, указанных в таблице 6, можно заключить следующее.

1. Точность моделей: полиномиальная модель (степень 3) часто показывает более низкие значения R2 по сравнению с линейной моделью, что указывает на недостаточную точность для большинства индикаторов.

2. Линейная модель: линейная регрессия также показывает низкие значения R2 и высокие значения MSE, особенно для сложных временных рядов.

Процесс анализа показал, что линейная модель и полиномиальная регрессия (степень 3) не обеспечивают достаточной точности, что указывает на сложность временных рядов и необходимость использования других методов прогнозирования. Выбор модели обоснован попыткой не только найти подходящую форму прогнозирования, но и выявить тенденции, отражающие развитие цифровых компетенций и экономических показателей рынка труда. Использование альтернативных методов, таких как ARIMA или нейронные сети, позволит получить более точные результаты, особенно для показателей с выраженными нелинейными зависимостями.

Для каждого из показателей, характеризующих индикаторы достойного труда в Российской Федерации за период 2000–2022 годов, были построены прогнозы на 2023–2030 годы, использование модели экспоненциального сглаживания Хольта-Винтерса позволило учесть тренды и сезонные компоненты данных. Данная методика будет полезна исследователям и аналитикам, работающим в области экономики труда и цифровой трансформации. Результаты исследования могут применяться в разработке стратегий адаптации трудовых ресурсов к цифровой экономике и оптимизации их компетенций. Методология может быть использована для построения прогнозов в других отраслях, где требуется учет сезонности и долгосрочных трендов. Также исследование будет интересно для государственных органов и образовательных учреждений, занимающихся подготовкой специалистов, способных адаптироваться к требованиям цифровой экономики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе рассчитанных прогнозов можно выделить несколько важных аспектов, влияющих на перспективы развития цифровых компетенций до 2030 года. К 2030 году ожидается умеренный рост доли занятых лиц в общей численности населения, а также дальнейшее снижение уровня безработицы, что может означать более высокий спрос на квалифицированных специалистов, включая тех, кто обладает цифровыми компетенциями. Это создает стимул для работников развивать свои цифровые навыки, чтобы оставаться конкурентоспособными на рынке труда. Доля неформального сектора в общей занятости останется стабильной с небольшим снижением в долгосрочной перспективе, также ожидается незначительное снижение доли работающих бедных и неактивной молодежи. Прогноз показывает снижение доли неформального сектора, в связи с чем необходимо продолжать усилия по формализации занятости и улучшению условий труда. К 2030 году ожидается уменьшение доли занятых с низким уровнем заработной платы и занятых с чрезмерной продолжительностью рабочих часов, а также доли детей, занятых в опасных условиях, следовательно, необходимы меры по увеличению заработных плат и поддержке низкооплачиваемых работников, а также соблюдению трудового законодательства.

В качестве положительных трендов можно отметить увеличение доли образованных людей, а также стабильный рост производительности труда при уменьшении доли занятых в сельском хозяйстве и в промышленности, видимо, при активном внедрении автоматизации и цифровизации процессов в этих отраслях, что требует от персонала овладения цифровыми компетенциями для работы с новыми технологиями и оборудованием. В то же время отметим устойчивый рост доли занятых в сфере услуг с 68 % в 2023 году до 69,4 % в 2030-м, что свидетельствует о повышении значимости сектора услуг, включая IT и цифровые технологии. Рост занятости в этой сфере требует от работников более высоких цифровых навыков и знаний. В связи с небольшим снижением доли заработной платы в ВВП важно обеспечить справедливое распределение доходов среди населения.

Снижение уровня безработицы и стабильные темпы роста производительности труда будут стимулировать работников к развитию своих цифровых компетенций. Умеренные темпы роста производительности труда и инфляции предполагают, что инвестиции в цифровизацию и обучение персонала цифровым навыкам будут оставаться приоритетом для бизнеса и государства, обеспечивая их устойчивое развитие. Увеличение доли населения, окончивших среднюю школу, до 76,4 % в 2030 году, указывает на улучшение общего уровня образования. Это создает хорошую основу для дальнейшего развития цифровых компетенций через специализированные программы обучения и профессиональной подготовки. До 2030 года развитие цифровых компетенций в России будет находиться под влиянием расширения сектора услуг и снижении занятости в традиционных отраслях, что будет способствовать увеличению спроса на цифровые навыки.

Список источников

Аникин В. А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. Т. 18, № 4. С. 120–156. https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-4-120-156. EDN: NRBCPB.

Брольпито А. Цифровые навыки и компетенция, цифровое и онлайн обучение. Турин: Европ. фонд образования, 2018. 81 с.

Гладилина И. П., Кадыров Н. Н., Строганова Е. В. Цифровая грамотность и цифровые компетенции как фактор профессионального успеха // Инновации и инвестиции. 2019. № 5. С. 62–64. EDN: GFCVFC.

Глотова В. Г. Информационные технологии: техническое и технологическое перевооружение и цифровизация экономики // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 3. С. 387–394. EDN: VRQWRQ.

Гусев А. А. Цифровизация трудовых отношений и ее влияние на производительность труда и стоимость компаний // Экономика. Налоги. Право. 2019. Т. 12, № 6. С. 39–47. https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-6-39-47. EDN: JUSMFU.

Ергунова О. Т., Лебедев А. В., Рахмеева И. И. Трансформация профессиональных компетенций для нужд цифровой экономики // Научные труды вольного экономического общества России. 2021. Т. 230, № 4. С. 502–507. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-502-507. EDN: SIXOIF.

Кривоносова А. Г., Билык В. С. Цифровизация экономики как закономерный этап развития общества // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 11–15. С. 251–260. EDN: BVWOYY.

Пьянкова С. Г., Митрофанова И. В., Ергунова О. Т. Модель формирования цифровых компетенций кадрового потенциала региона в условиях индустрии 4.0 // Экономика: вчера, сегодня завтра. 2021. Т. 11, № 6–1. С. 39–51. https://doi.org/10.34670/AR.2021.40.82.004. EDN: BTQJOE.

Симарова И. С., Алексеевичева Ю. В., Жигин Д. В. Цифровые компетенции: понятие, виды, оценка и развитие // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 2. С. 935–948. https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114823. EDN: RGNVUE.

Соколов Д. В. Цифровые компетенции в инновационной экономике // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3, № 4. С. 74–80. https://doi.org/10.19181/smtp.2021.3.4.9. EDN: KZIIUV.

Bazarkina D. Yu., Pashentsev E. N. Malicious use of artificial intelligence // Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18, № 4. P. 154–177. https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-154-177.

Christiani D., Widuri R. A Bibliometric analysis on technology readiness // Journal of System and Management Sciences. 2024. Vol. 14, № 1. P. 436–451. https://doi.org/10.33168/JSMS.2024.0125.

Decker M., Fischer M., Ott I. Service robotics and human labor: A first technology assessment of substitution and cooperation // Robotics and Autonomous Systems. 2017. Vol. 87. P. 348–354. https://doi.org/10.1016/j.robot.2016.09.017.

Eden R., Burton-Jones A., Casey V. et al. Digital transformation requires workforce transformation // MIS Quarterly Executives. 2019. Vol. 18, № 1. Art. № 4. https://doi.org/10.17705/2msqe.00005.

Efimova E. G., Pyankova S. G., Vlasova N. Yu. Spatial organization and modernization of vocational education: On the way to digitalization // Proceedings of International scientific conference "Digitalization of education: History, trends and prospects" (DETP 2020) / Ed. by A. D. Nazarov. Yekaterinburg: Atlantis Press, 2020. P. 711–719. https://doi.org/10.2991/assehr.k.200509.127. EDN: IQZDMU.

Fareri S., Apreda R., Mulas V. et al. The worker profiler: Assessing the digital skill gaps for enhancing energy efficiency in manufacturing // Technological Forecasting and Social Change. 2023. Vol. 196. Art. № 122844. https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122844.

Ferreira M. J., Moreira F., Santos-Pereira C. M. et al. The digital transformation at organizations – The case of retail sector // Trends and innovations in information systems and technologies. WorldCIST 2020 / Ed. by Á. Rocha, H. Adeli, L. Reis et al. Cham: Springer, 2020. P. 560–567. https://doi.org/10.1007/978-3-030-45688-7_56.

Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 114. P. 254–280. https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.019.

Gilster P. Digital literacy. New York: John Wiley & Sons, Inc., 1997. 296 p.

He Q., Meadows M., Angwin D. et al. Strategic alliance research in the era of digital transformation: Perspectives on future research // British Journal of Management. 2020. Vol. 31, № 3. P. 589–617. https://doi.org/10.1111/1467-8551.12406.

Hermann M., Pentek T., Otto B. Design principles for Industrie 4.0 scenarios // Proceedings of the 49th International conference on system sciences (HICSS) / Ed. by T. X. Bui, R. H. Sprague, Jr. Koloa: IEEE, 2016. P. 3928–3937. https://doi.org/10.1109/HICSS.2016.488.

Jarrahi M. H. Artificial intelligence and the future of work: Human-AI symbiosis in organizational decision making // Business Horizons. 2018. Vol. 61, № 4. P. 577–586. https://doi.org/10.1016/j.bushor.2018.03.007.

Li Y., He G., Wang D. et al. What is the impact of digital transformation? A bibliometric analysis // E3S Web of Conferences. 2023. Vol. 409. Art. № 05001. https://doi.org/10.1051/e3sconf/202340905001.

Monteiro A., Cepêda C., Silva A. Digital transformation in companies: A literature bibliometric analysis // Advances in Tourism, technology and systems / Ed. by A. Abreu, J. V. Carvalho, D. Liberato et al. Singapore: Springer, 2023. P. 257–267. https://doi.org/10.1007/978-981-19-9960-4_23.

Nissan G., Simon T. The future of labor unions in the age of automation and at the dawn of AI // Technology in Society. 2021. Vol. 67. Art. № 101732. https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101732.

Orero-Blat M., de Juan Jordán H., Palacios-Marqués D. The measurement of digital skills and competences: A bibliometric analysis // International Journal of Intellectual Property Management. 2022. Vol. 12, № 2. P. 185–199. https://doi.org/10.1504/IJIPM.2022.122297.

Palacios-Nunez M. L., Toribio-Lopez A., Llaque P. et al. Innovation and digital competence: A bibliometric analysis // Proceedings of the 2022 IEEE 2nd International conference on advanced learning technologies on education & research (ICALTER). Lima: IEEE, 2022. P. 1–4. https://doi.org/10.1109/ICALTER57193.2022.9964633.

Saba Ch. S., Ngepah N. The impact of artificial intelligence (AI) on employment and economic growth in BRICS: Does the moderating role of governance matter? // Research in Globalization. 2024. Vol. 8. Art. № 100213. https://doi.org/10.1016/j.resglo.2024.100213.

Uzule K., Verina N. Digital barriers in digital transition and digital transformation: Literature review // Economics and Culture. 2023. Vol. 20, № 1. P. 125–143. https://doi.org/10.2478/jec-2023-0011.

Verina N., Titko J. Digital transformation: Conceptual framework // Proceedings of 6th International scientific conference "Contemporary issues in business, management and economics engineering". Vilnius: Vilnius Tech, 2019. P. 719–727. https://doi.org/10.3846/cibmee.2019.073.

Информация об авторах

С. Г. Пьянкова – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45

SPIN-код (РИНЦ): 9238-3053

AuthorID (РИНЦ): 943752

Web of Science ResearcherID: H-5682-2018

Scopus Author ID: 57211885976

О. Т. Ергунова – кандидат экономических наук, доцент, доцент Высшей школы производственного менеджмента Института промышленного менеджмента, экономики и торговли ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29Б

SPIN-код (РИНЦ): 5254-7764

AuthorID (РИНЦ): 768185

Web of Science ResearcherID: E-8582-2017

Scopus Author ID: 57193734749

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 23.10.2024; одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 05.12.2024.

References

Anikin, V. A. (2017), "Human capital: Genesis of basic concepts and interpretations", *Journal of Economic Sociology*, vol. 18, no. 4, pp. 120–156, https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-4-120-156, EDN: NRBCPB.

Brolpito, A. (2018), *Tsifrovye navyki i kompetentsiya, tsifrovoe i onlain obuchenie* [Digital skills and competence, and digital and online learning], European Training Foundation, Turin, Italy.

Gladilina, I. P., Kadyrov, N. N. and Stroganova, E. V. (2019), "Digital literacy and digital competencies as a factor of professional achievement", *Innovation and Investment*, no. 5, pp. 62–64, EDN: GFCVFC.

Glotova, V. G. (2022) "Information technologies: Technical and technological re-equipment and digitalization of the economy", *Topical Issues of the Modern Economy,* no. 3, pp. 387–394, EDN: VRQWRQ.

Gusev, A. A. (2019) "Labour relations digitization and its impact on labour productivity and value of companies", *Economics. Taxes & Law*, vol. 12, no. 6, pp. 39–47, https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-6-39-47, EDN: JUSMFU.

Ergunova, O. T., Lebedev, A. V. and Rakhmeeva, I. I. (2021), "Transformation of professional competencies for the needs of the digital economy", *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, vol. 230, no. 4, pp. 502–507, https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-502-507, EDN: SIXOIF.

Krivonosova, A. G. and Bilyk, V. S. (2021), "Digitalization of the economy as a natural stage in the development of society", *Actual Scientific Research in the Modern World*, no. 11–15, pp. 251–260, EDN: BVWOYY.

Pyankova, S. G., Mitrofanova, I. V. and Ergunova, O. T. (2021), "Model for forming digital competencies of human resources in region in the conditions of industry 4.0", *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, vol. 11, no. 6–1, pp. 39–51, https://doi.org/10.34670/AR.2021.40.82.004, EDN: BTQJOE.

Simarova, I. S., Alekseevicheva, Yu. V. and Zhigin, D. V. (2022), "Digital competencies: Concept, types, assessment and development", *Russian Journal of Innovation Economics*, vol. 12, no. 2, pp. 935–948, https://doi.org/10.18334/vinec.12.2.114823, EDN: RGNVUE.

Sokolov, D. V. (2021), "Towards specific of definition for concept of a "Digital Competencies", *Science Management: Theory and Practice*, vol. 3, no. 4, pp. 74–80, https://doi.org/10.19181/smtp.2021.3.4.9, EDN: KZIIUV.

Bazarkina, D. Yu. and Pashentsev, E. N. (2020), "Malicious use of artificial intelligence", *Russia in Global Affairs*, vol. 18, no. 4, pp. 154–177, https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-154-177.

Christiani, D. and Widuri, R. (2024), "A bibliometric analysis on technology readiness", *Journal of System and Management Sciences*, vol. 14, no. 1, pp. 436–451, https://doi.org/10.33168/JSMS.2024.0125.

Decker, M., Fischer, M. and Ott, I. (2017), "Service robotics and human labor: A first technology assessment of substitution and cooperation", *Robotics and Autonomous Systems*, vol. 87, pp. 348–354, https://doi.org/10.1016/j.robot.2016.09.017.

Eden, R., Burton-Jones, A., Casey, V. et al. (2019), "Digital transformation requires workforce transformation", *MIS Quarterly Executives,* vol. 18, no. 1, art. no. 4, https://doi.org/10.17705/2msqe.00005.

Efimova, E. G., Pyankova, S. G. and Vlasova, N. Yu. (2020), "Spatial organization and modernization of vocational education: On the way to digitalization", in Nazarov, A. D. (ed.), *Proceedings of International scientific conference "Digitalization*

of education: History, trends and prospects" (DETP 2020), Atlantis Press, Yekaterinburg, Russia, pp. 711–719, https://doi.org/10.2991/assehr.k.200509.127, EDN: IQZDMU.

Fareri, S., Apreda, R., Mulas, V. et al. (2023), "The worker profiler: Assessing the digital skill gaps for enhancing energy efficiency in manufacturing", *Technological Forecasting and Social Change,* vol. 196, art. no. 122844, https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122844.

Ferreira, M. J., Moreira, F., Santos-Pereira, C. M. et al. (2020), "The digital transformation at organizations – The case of retail sector", in Rocha, Á., Adeli, H., Reis, L. et al. (eds.), *Trends and innovations in information systems and technologies*. *WorldCIST 2020*, Springer, Cham, Switzerland, pp. 560–567, https://doi.org/10.1007/978-3-030-45688-7_56.

Frey, C. B. and Osborne, M. A. (2017), "The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation?", *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 114, pp. 254–280, https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.019.

Gilster, P. (1997), *Digital literacy*, John Wiley & Sons, Inc., New York, NY, US.

He, Q., Meadows, M., Angwin, D. et al. (2020), "Strategic alliance research in the era of digital transformation: Perspectives on future research", *British Journal of Management*, vol. 31, no. 3, pp. 589–617, https://doi.org/10.1111/1467-8551.12406.

Hermann, M., Pentek, T. and Otto, B. (2016), "Design principles for Industrie 4.0 scenarios", in Bui, T. X. and Sprague, Jr., R. H. (eds.), *Proceedings of the 49th International conference on system sciences (HICSS)*, IEEE, Koloa, HI, US, pp. 3928–3937, https://doi.org/10.1109/HICSS.2016.488.

Jarrahi, M. H. (2018), "Artificial intelligence and the future of work: Human-AI symbiosis in organizational decision making", *Business Horizons*, vol. 61, no. 4, pp. 577–586, https://doi.org/10.1016/j.bushor.2018.03.007.

Li, Y., He, G., Wang, D. et al. (2023), "What is the impact of digital transformation? A bibliometric analysis", *E3S Web of Conferences*, vol. 409, art. no. 05001, https://doi.org/10.1051/e3sconf/202340905001.

Monteiro, A., Cepêda, C. and Silva, A. (2023), "Digital transformation in companies: A literature bibliometric analysis", in Abreu, A., Carvalho, J. V., Liberato, D. et al. (eds.), *Advances in Tourism, Technology and Systems*, Springer, Singapore, pp. 257–267, https://doi.org/10.1007/978-981-19-9960-4_23.

Nissan, G. and Simon, T. (2021), "The future of labor unions in the age of automation and at the dawn of AI", *Technology in Society,* vol. 67, art. no. 101732, https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101732.

Orero-Blat, M., de Juan Jordán, H. and Palacios-Marqués, D. (2022), "The measurement of digital skills and competences: A bibliometric analysis", *International Journal of Intellectual Property Management*, vol. 12, no. 2, pp. 185–199, https://doi.org/10.1504/IJIPM.2022.122297.

Palacios-Nunez, M. L., Toribio-Lopez, A., Llaque, P. et al. (2022), "Innovation and digital competence: A bibliometric analysis", in *Proceedings of the 2022 IEEE 2nd International conference on advanced learning technologies on education & research (ICALTER)*, IEEE, Lima, Peru, pp. 1–4, https://doi.org/10.1109/ICALTER57193.2022.9964633.

Saba, C. S. and Ngepah, N. (2024), "The impact of artificial intelligence (AI) on employment and economic growth in BRICS: Does the moderating role

of governance matter?", *Research in Globalization*, vol. 8, art. no. 100213, https://doi.org/10.1016/j.resglo.2024.100213.

Uzule, K. and Verina, N. (2023), "Digital barriers in digital transition and digital transformation: Literature review", *Economics and Culture*, vol. 20, no. 1, pp. 125–143, https://doi.org/10.2478/jec-2023-0011.

Verina, N. and Titko, J. (2019), "Digital transformation: Conceptual framework", in *Proceedings of 6th International scientific conference "Contemporary issues in business, management and economics engineering"*, Vilnius Tech, Vilnius, Lithuania, pp. 719–727, https://doi.org/10.3846/cibmee.2019.073.

Information about the authors

S. G. Pyankova – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Regional, Municipal Economics and Management, Ural State Economic University, 62/45 8 Marta/Narodnaya Volya Str., Yekaterinburg, 620144, Russia

SPIN code (RSCI): 9238-3053
AuthorID (RSCI): 943752
Web of Science ResearcherID: H-5682-2018
Scopus Author ID: 57211885976

O. T. Ergunova – Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor at the Higher School of Production Management, Institute of Industrial Management, Economics and Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29B Politekhnicheskaya Str., St. Petersburg, 195251, Russia

SPIN code (RSCI): 5254-7764
AuthorID (RSCI): 768185
Web of Science ResearcherID: E 8582-2017
Scopus Author ID: 57193734749

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interest.

The article was submitted on 23.10.2024; approved after reviewing 05.12.2024; accepted for publication 05.12.2024.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 295–320.
Ars Administrandi. 2025. Vol. 17, no. 2, pp. 295–320.

Эта работа © 2025 Грабевника М. В. распространяется под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

This work © 2025 by Grabevnik, M. V. is licensed under Creative Commons Attribution 4.0 International. To view a copy of this license, visit https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Научная статья
УДК 352(498+497.11+437.6+439)
https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-295-320

СЦЕНАРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ВЕНГЕРСКИХ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУМЫНИИ, СЛОВАКИИ И СЕРБИИ

Михаил Владимирович Грабевник[1]

[1] Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Пермь, Россия, mikhailgrabevnik@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3321-7519

Аннотация. Введение: Румыния, Словакия и Сербия являются национальными государствами, в которых расселены значительные по численности венгерские этнические территориальные сообщества, регулярно артикулирующие регионалистские требования автономии и прав меньшинств. Перед государствами актуализируется задача управления политико-территориальной гетерогенностью, что составляет важный исследовательский сюжет. Предмет настоящей статьи – институциональное управление политико-территориальной гетерогенностью в отношении венгерских территориальных сообществ со стороны национального центра в Румынии, Сербии и Словакии. В исследовательском фокусе – институциональные реформы в этих государствах, касающиеся венгерского сообщества как территориальной общности. **Цель:** выявить сценарии институционального реформирования как механизма управления политико-территориальной гетерогенностью в отношении венгерских сообществ, используемые национальными правительствами Румынии, Сербии и Словакии начиная с 1990-х годов. **Методы:** компаративистский анализ small-N по стратегии наибольшего сходства, сравнительно-ориентированный кейс-стади. **Результаты:** случаи институционального реформирования как механизма управления политико-территориальной гетерогенностью в отношении венгерского территориального сообщества в исследуемых государствах демонстрируют разные сценарии: у национальных правительств Румынии и Словакии сценарий сходный (европейская интеграция как значимый стимул, ограниченная прагматичная децентрализация, территориальная реконфигурация для ограничения структурной силы венгерского сообщества, близкие институциональные форматы автономий субнациональных единиц), тогда как случай Сербии выделяется собственной структурной и институциональной спецификой (фактическое отсутствие внешнего стимулирования, ориентация на венгерское сообщество и регионалистских акторов, определенные ориентиры институциональной конфи-

гурации автономии). **Выводы:** исследуемые сценарии институционального реформирования являются механизмами управления политико-территориальной гетерогенностью в Румынии, Словакии и Сербии и способствуют нивелированию угроз территориальной целостности.

Ключевые слова: венгерские сообщества, институциональные реформы, территориальная целостность, политико-территориальная гетерогенность, автономия, регионализм

Благодарности: исследование выполнено в Пермском федеральном исследовательском центре Уральского отделения РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00530 «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства», https://rscf.ru/project/23-18-00530/.

Для цитирования: *Грабевник М. В.* Сценарии институционального реформирования в отношении венгерских территориальных сообществ: сравнительный анализ Румынии, Словакии и Сербии // Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 295–320. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-295-320.

Original article

INSTITUTIONAL REFORMS SCENARIOS FOR HUNGARIAN TERRITORIAL COMMUNITIES: A COMPARATIVE ANALYSIS OF ROMANIA, SLOVAKIA AND SERBIA

Mikhail V. Grabevnik[1]

[1] Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the RAS, Perm, Russia, mikhailgrabevnik@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3321-7519

Abstract. Introduction: Romania, Slovakia and Serbia are nation states in which significant Hungarian ethnic territorial communities are settled. The communities are regularly articulating regionalist demands for granting/expansion of autonomy and minority rights. Thus, the states are faced with the challenge of managing such political-territorial heterogeneity, which is an important research topic. The subject of this article is the institutional management of political-territorial heterogeneity in relation to Hungarian ethnic minorities by the national center in Romania, Serbia and Slovakia. The research focuses on institutional reforms for the management of political-territorial heterogeneity in Romania, Slovakia and Serbia, concerning the Hungarian ethnic community as a territorial community. **Objectives:** to determine the scenarios of institutional reform as a mechanism for managing political-territorial heterogeneity in relation to Hungarian communities used by the national governments of Romania, Serbia and Slovakia in the period 1990–2020s. **Methods:** comparative small-N analysis, comparative-oriented case study. **Results:** cases of institutional reforms as a mechanism for managing political-territorial heterogeneity regarding the Hungarian territorial communities demonstrate different scenarios: the national governments of Romania and Slovakia demonstrate similar scenarios (European integration as a significant incentive, limited pragmatic decentralization, territorial reconfiguration to limit the structural power of the Hungarian community, similar institutional formats of subnational units autonomies); Serbia stands out for its own structural and institutional specifics (virtual absence of external incentives, orientation towards the Hungarian community and regionalist actors, a clear vision of the institutional configuration of the autonomy). **Conclusions:** the studied scenarios of institutional reform are mechanisms for managing political-territorial heterogeneity in Romania, Slovakia and Serbia and contribute to the elimination of threats to territorial integrity.

Keywords: Hungarian communities, institutional reforms, territorial integrity, political-territorial heterogeneity, autonomy, regionalism

Acknowledgements: the study was supported by the Russian Science Foundation grant, project no. 23-18-00530 "Why do inefficient institutions borrow? Management of political and territorial heterogeneity and ensuring territorial integrity state" at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, https://rscf.ru/project/23-18-00530/.

For citation: Grabevnik, M. V. (2024), "Institutional reforms scenarios for Hungarian territorial communities: Comparative analysis of Romania, Slovakia and Serbia", *Ars Administrandi*, vol. 17, no. 2, pp. 295–320, https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-295–320.

ВВЕДЕНИЕ

Среди национальных государств Центральной и Восточной Европы Венгрия в прошлом веке потеряла наибольшую площадь исторической территории, что привело к формированию крупных территориальных сообществ венгерских этнических меньшинств в соседних политиях – Румынии, Сербии и Словакии (Snyder, 2022, p. 316–317). Относительно высокий уровень политико-территориальной гетерогенности в этих государствах актуализирует вопросы обеспечения и защиты прав этнических меньшинств, эффективной политической коммуникации с регионалистскими политическими силами и общественно-политическими организациями, а также функционирования институциональной системы управления территориальным разнообразием в целом. И хотя уровень конфликтности в отношениях национальных правительств и венгерских этнических сообществ в первой четверти XXI века незначителен на фоне остальных балканских и восточно-европейских государств (Sambanis et al., 2017), задача управления политико-территориальной гетерогенностью в Румынии, Словакии и Сербии составляет важный исследовательский сюжет.

Предметом настоящей статьи выступает институциональное управление политико-территориальной гетерогенностью в отношении венгерских территориальных сообществ со стороны национального центра в Румынии, Сербии и Словакии. В исследовательском фокусе – институциональные реформы в этих государствах, касающиеся венгерского сообщества как территориальной общности. Исследовательская оптика предполагает рассмотрение институциональных реформ в качестве одного из механизмов подобного территориального управления, учитывая иные механизмы (подавление, кооптацию элит, игнорирование и др.) как значимые контекстуальные. Ключевым **исследовательским вопросом** в настоящей работе выступает следующий: какие сценарии институционального реформирования как механизма управления политико-территориальной гетерогенностью в отношении венгерских сообществ используют национальные правительства Румынии, Сербии и Словакии начиная с 1990-х годов?

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема регулирования и управления политико-территориальным разнообразием, снижения потенциала сепаратизма и регионализма приобретает дополнительную актуальность в контексте трансформации устойчивых национальных государств и конструирования новых территориальных политий. Поскольку в современном мире доминируют комплексные и сложносоставные государства, обеспечение территориальной целостности и противодействие центробежным тенденциям является одной из приоритетных их задач. Научная значимость изучения институционального управления политико-территориальной гетерогенностью определяется прежде всего отсутствием консенсуса в академической дискуссии относительно эффективных институциональных механизмов и конфигураций такого управления.

Отмеченное в настоящей статье предметное поле – управление политико-территориальной гетерогенностью и политико-территориальными конфликтами – насыщено исследованиями российских и зарубежных авторов, рассматривающих проблему с вариативных ракурсов. Наиболее важный блок исследовательской литературы посвящен проблемам сепаратизма и регионализма в современном мире. Сепаратистские и регионалистские движения в качественной и сравнительной логиках проанализированы в трудах Н. В. Борисовой, И. М. Бусыгиной, Е. Ю. Мелешкиной, П. В. Осколкова, П. В. Панова, И. Л. Прохоренко, К. А. Сулимова, А. И. Тэвдой-Бурмули, Р. Ф. Туровского, С. М. Хенкина и др. Среди зарубежных исследователей в данной области, безусловно, необходимо назвать К. Дешавьера, М. Китинга, Э. Маззетти. Отдельным направлением является изучение регионалистских партий, особенно в пространстве современной Европы. Здесь стоит отметить вклад зарубежных авторов Д. Бранкати, Л. Де Винтера, Э. Маззетти, Э. Хэпберн, А. Шекеля, А. Элиаса, а среди российских – М. В. Грабевника, М. В. Исобчук, П. В. Осколкова, П. В. Панова, К. А. Сулимова. Значительный пласт академической литературы также посвящен политизации этничности и этническому фактору в политико-территориальных конфликтах. Большинство территориальных конфликтов тесным образом соприкасается с этнической составляющей, а наиболее острые конфликты возникают там, где на территориальную идентичность накладывается этническая. Подобным сюжетам этнополитической и политико-территориальной конфликтности посвящены исследования В. А. Ачкасова, Д. Горовица, Т. Гура, В. В. Лапкина, В. И. Пантина, И. С. Семененко, В. А. Тишкова и др.

Между тем, учитывая высокую значимость этнического фактора, в том числе и в случае венгерских территориальных сообществ, автор настоящего исследования обращает свой взгляд строго на институциональные механизмы управления политико-территориальными рисками. Институциональным моделям и механизмам управления политико-территориальной гетерогенностью в современных политиях посвящен ряд исследований (в частности, А. Лейпхарта, Л.-Э. Седермана), которые указывают на определенную взаимосвязь феноменов: институциональная политика децентрализации и расширения автономии субнациональных единиц снижает угрозы и риски политико-территориальной целостности и вероятность (и интенсивность) политико-территориальных конфликтов. Представленное в этой ста-

тье исследование продолжает разработку данного предметного поля и являет собой попытку дополнить мозаичную картину конфигураций и моделей институционального управления политико-территориальной гетерогенностью в современных государствах.

В соответствии с теоретическими основаниями необходимо зафиксировать **исследовательский дизайн**. Для управления политико-территориальным разнообразием и снижения этнополитической конфликтности в границах государства национальными правительствами используются вариативные стратегии и инструменты: вооруженный конфликт, игнорирование регионалистских требований, сегрегация сообществ и их изоляция, кооптация регионалистских и этнических элит в правительственные и парламентские структуры, соглашения и договоры различного характера, референдумы и плебисциты. Наиболее распространенный сегодня политико-административный инструмент в данной области – институциональные реформы, которые государства проводят, чтобы снизить или полностью нивелировать риски регионализации, сепаратизма и сецессии, а также возникновения или эскалации центр-региональных конфликтов (Панов, 2023, с. 90). Такие институциональные реформы могут выражаться в уступках регионам со стороны центральной власти и предоставлении им некоторой степени региональной автономии, но также и во введении вполне значительных институциональных ограничений, отнимающих у регионов институциональные возможности и преференции или снижающих их объем. Таким образом, можно утверждать, что институциональные реформы как инструменты управления политико-территориальной гетерогенностью могут характеризоваться вариативным репертуаром. **Исследовательская идея** заключается в том, чтобы проследить динамику и обозначить сценарии институциональных реформ по управлению политико-территориальной гетерогенностью в отношении венгерских сообществ со стороны национальных правительств Румынии, Словакии и Сербии.

Ключевым аналитическим **методом** выступил сравнительно-ориентированный анализ нескольких случаев (small-N). Исследование построено в качественной логике. В основе отбора – стратегия максимального сходства: в странах Восточной Европы были отобраны кейсы венгерских меньшинств, которые (1) являются крупнейшими в структурном плане меньшинствами, (2) обладают единым kin-state, (3) обладают похожей историей (феномен венгерского империализма и идея «Великой Венгрии»), (4) имеют единые этнические и лингвистические характеристики. До недавнего времени значительное венгерское меньшинство наблюдалось на востоке Украины, однако оно исключено из аналитического рассмотрения ввиду резкого снижения его численности по причине интенсификации миграции в Венгрию и отсутствия значимых институциональных реформ в отношении этнических венгров. Для выполнения задачи были изучены институциональные реформы в Румынии, Словакии и Сербии, касающиеся непосредственно венгерских территориальных сообществ, проживающих в национальных границах. На основе поиска в официальных информационных системах национальных законодательств были отобраны 16 нормативных правовых актов национального уровня, институционально закрепляющих политико-административное положение венгерского сообщества (четыре реформы – Румыния, восемь – Словакия,

четыре – Сербия). **Хронологические рамки** ограничены и обусловлены периодом независимости представленных национальных государств: 1990–2024 годы для Румынии, 1993–2024 годы для Словакии, 1992–2024 годы для Сербии.

Институциональные реформы проанализированы в сравнительно-ориентированной логике по следующим параметрам: содержание реформы, инициатор реформы, характер реформы по отношению к венгерскому сообществу, адресат реформы, степень имплементации реформы. Результаты сравнения представлены в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Параметры сравнения институциональных реформ / Parameters of institutional reforms comparison

Параметр сравнения	Вопрос параметра	Кодировка параметра	Характеристика
Содержание реформы	Каково содержание реформы?	Территориальная реформа	Изменение территориальной организации
		Реформа органов власти	Изменение системы органов региональной и муниципальной власти
		Политико-административная реформа	Изменение полномочий и компетенций в центр-региональном измерении
		Политико-культурная реформа	Изменение полномочий в области культуры, языка, идентичности
Инициатор реформы	Кто является инициатором реформы?	Проактивная реформа	Национальное правительство
		Реактивная реформа	Этнотерриториальное сообщество
Характер реформы	На что ориентирована реформа – на уступки или ограничения?	Уступки	Уступки требованиям этнотерриториального сообщества
		Ограничения	Ограничения в отношении этнотерриториального сообщества
Адресат реформы	Кто является адресатом реформы?	Универсальная реформа	Все этнотерриториальные сообщества
		Специальная реформа	Конкретное венгерское сообщество
Степень имплементации реформы	Реализована ли реформа в полной мере?	Полная имплементация	Реформа реализована и имплементирована в полной мере
		Частичная имплементация	Реформа реализована и имплементирована частично либо отменена

Источник: составлено автором.

Сравнительные параметры сформулированы исходя из теоретических посылок институционалистов А. Лейпхарта и Л.-Э. Седермана, а также на основе базы данных Self-Determination Movements (Sambanis et al., 2017) и позволяют оценить не только содержание институциональных реформ, но и конфигурации стратегий акторов в центр-региональном взаимодействии: проактивная реформа или реактивная, уступки в отношении территориального сообщества или ограничения, универсальная реформа или ориентированная на конкретный регион. Большое значение в управлении политико-территориальной гетерогенностью также имеет последовательность/логика институциональных реформ в кросс-темпоральной перспективе – именно в этом ключе употребляется концепт сценариев институциональных реформ.

Основными источниками в рамках настоящего исследования выступили нормативно-правовые акты Румынии[1], Словакии[2] и Сербии[3], затрагивающие конфигурации центр-региональных взаимодействий и распределение полномочий, административно-территориальное деление в отношении субнациональных единиц. В целях фиксации степени автономии субнациональных территорий и уровня интенсивности этнополитической конфликтности в государствах были использованы дополнительные источники – материалы баз данных Regional Authority Index (Shair-Rosenfield et al., 2021), Self-Determination Movements (Sambanis et al., 2017) и Conflict Barometer[4]. Для фиксации регионалистских требований политико-партийных акторов, представляющих венгерские сообщества, использовались материалы базы данных программы политических партий Manifesto Project (Lehmann et al., 2023).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Динамика институциональных реформ

Республика Румыния. Первой крупной институциональной реформой в Румынии в отношении управления политико-территориальной гетерогенностью стал закон о региональном развитии 1998 года[5]. В Румынии установили новый административно-территориальный уровень – регионы экономического развития (regiuni de dezvoltare), каждый из которых состоит из четырех-шести субнациональных единиц – жудетов и реализует функционал посредством консультативного совета регионального развития, состоя-

[1] *Portal* Legislativ. Ministerul Justiției. Romania [Online]. URL: https://legislatie.just.ro (Accessed Jul. 17, 2024).

[2] *Slov-Lex*. Pravny a informačny portal [Online]. URL: https://www.slov-lex.sk/ (Accessed Jul. 17, 2024).

[3] *Paragraph*. Pravna i Ekonomska Izdania za uspesno i zakonito poslivanje [Online]. URL: https://www.paragraf.rs/ (Accessed Jul. 17, 2024); *Правно-информациони* систем Републике Србије [Online]. URL: https://pravno-informacioni-sistem.rs/ (Accessed Jul. 17, 2024).

[4] *Conflict* Barometer 2023 [Online] // Heidelberg Institute for International Conflict Research. URL: https://hiik.de/conflict-barometer/current-version/ (Accessed Jul. 16, 2024).

[5] *Lege* nr. 151 din 15 iulie 1998 privind dezvoltarea regionala în România [Online] // Portal Legislativ... URL: https://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocumentAfis/15220 (Accessed Jul. 17, 2024).

щего из представителей локальных властных органов, президентов и национальных префектов жудетов. Компетенции таких регионов носят скорее деконцентрированный (нежели децентрализованный) характер, поскольку право принятия окончательных решений зафиксировано за исполнительным органом национального уровня – Национальным советом развития. Агентства регионального развития, присутствующие во всех восьми экономических регионах, фактически встроены в вертикаль исполнительной власти национального уровня и финансируются централизованно (Dragoman, 2011, p. 653). Институционализация регионов явилась, по сути, проактивным шагом со стороны румынского правительства для подготовки государства к европейской интеграции: такие регионы были необходимы для участия в структурных программах Европейского союза и сбора региональной статистики по поручению европейских институтов (Dobre, 2008, p. 592). По мнению экспертов, политическая элита Румынии в целом расценила подобную реформу как уступку со стороны национального центра регионам и как часть более общих политических и социально-экономических реформ в направлении европейской интеграции, укрепления демократического режима и повышения благосостояния граждан (Dragoman and Gheorghita, 2016, p. 283). Однако в структурном плане территориальная реформа повлекла разделение венгерского сообщества между разными административно-территориальными единицами, что ослабило его позиции.

Продолжением поступательного институционального реформирования на пути к европейской интеграции стал закон о государственном управлении 2001 года[6]. Закон предусматривает установление языковых прав в сфере государственного управления для меньшинств, которые составляют не менее одной пятой населения субнациональной единицы, муниципальной территории или населенного пункта, и предполагает предоставление государственных услуг, издание и публикацию копий государственных документов на языке меньшинства. Муниципальные администрации жудетов, в соответствии с законом, обязаны обеспечивать установку знаков с названиями населенных пунктов и государственных учреждений в них, а также общественно значимых объявлений на двух языках там, где языковое меньшинство составляет не менее 20 %. Уже в 2003 году были дополнительно внесены поправки в Конституцию Румынии[7], которые зафиксировали право на использование языков меньшинств в государственных судебных органах на всех административных уровнях, а также на официальное представительство меньшинств в национальном парламенте как минимум одним депутатом. Утверждение языковых прав для меньшинств в рамках государственного управления явилось непосредственным выполнением требований для вступления в Европейский союз (Dragoman and Gheorghita, 2016, p. 279) и следствием необходимости соблюдения стандартов и рекомендаций, устанавливаемых Европейской комис-

[6] *Lege* nr. 215 din 23 aprilie 2001 administrației publice locale [Online] // Portal Legislativ… URL: http://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocumentAfis/79638 (Accessed Jul. 17, 2024).

[7] *Lege* nr. 429 din 23 octombrie 2003 de revizuire a Constituției României [Online] // Ibidem. URL: https://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocumentAfis/47259 (Accessed Jul. 17, 2024).

сией за демократию через право (Венецианской комиссией Совета Европы)[8] и Европейской хартией региональных языков или языков меньшинств[9].

В таком контексте в 2000-е годы в Румынии получил развитие венгерский регионализм, главным агентом которого выступает партия «Демократический союз венгров Румынии». Регионалисты лоббируют высокую степень автономии для венгерского сообщества и артикулируют требование создания отдельного автономного региона (энтитета) для этнических венгров на территории бывшей Трансильвании – Секлерленда. В 2004 году депутаты-регионалисты представили в румынский парламент статут такого автономного региона, который, однако, был заблокирован общенациональными партийными силами. В ответ на это Демократический союз венгров Румынии подготовил проект институционализации нового региона экономического развития посредством объединения жудетов Харгита, Ковасна и Муреш, где доминирующее положение занимают этнические венгры. Несмотря на все усилия, процесс децентрализации для венгерского сообщества не нашел отклика у национального правительства Румынии (Bakk and Szasz, 2010, p. 25–28).

В ответ на радикальные регионалистские требования в середине 2000-х и первой половине 2010-х годов в Румынии было предпринято несколько попыток децентрализации и передачи политико-административных компетенций на субнациональный уровень (фактически на уровень муниципалитетов-жудетов). В 2004 году принят рамочный закон о децентрализации[10], направленный на предоставление большей свободы и автономии судьям муниципального уровня (в том числе в отношении права использования языков национальных меньшинств в судопроизводстве), а также автономии муниципальным советам (решения которых, тем не менее, остаются подконтрольными национальным префектам регионов). В 2013 году был принят закон о децентрализации, предполагавший делегирование жудетам компетенций в сфере сельского хозяйства, окружающей среды и природопользования, здравоохранения, высшего образования, транспортной политики, культурной и молодежной политики. Необходимо отметить, что имплементация актов о децентрализации в Румынии либо фрагментирована (как в случае с законом 2004 года), либо полностью прекращена (как в случае с законом 2013 года). В 2014-м Конституционный суд Румынии отменил закон о децентрализации, поскольку счел невозможным предоставление автономии субнациональным территориям по причине нарушения конституционного унитарного характера румынской политии (Mihailescu, 2017, p. 88–89).

[8] CDL-AD (2003)004-e. Opinion on the draft Revision of the Constitution of Romania (Unfinish ed texts by the Committee for the Revision of the Constitution) (Venice, March 14–15, 2003) [Online] // Council of Europe official website. Venice Commission. URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD(2003)004-e (Accessed Jul. 18, 2024).

[9] *European* Charter for Regional or Minority Languages [Online] // Council of Europe official website. https://www.coe.int/en/web/european-charter-regional-or-minority-languages (Accessed Jul. 18, 2024).

[10] *Lege* nr. 67 din 25 martie 2004 pentru alegerea autorităților administrației publice locale [Online] // Portal Legislativ… URL: https://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocumentAfis/50779 (Accessed Jul. 17, 2024).

Последней крупной реформой, напрямую затронувшей интересы венгерских региональных сообществ Румынии, стал закон 2015 года об изменениях в избирательной системе[11]. Нормативный акт ввел пропорциональную электоральную систему взамен мажоритарной системы относительного большинства, использовавшейся на выборах 2008 и 2012 годов. Проведение электоральной реформы, как считается, способствовало более справедливой репрезентации этнических меньшинств в жудетах Румынии и более справедливому формированию локальных органов власти и явилось уступкой требованиям венгерских регионалистов, в первую очередь Демократического союза венгров в Румынии и Венгерской народной партии Трансильвании (Mihailescu, 2017, p. 88). Экспертами также отмечается, что на изменение избирательной системы в Румынии повлияла неоднократная публикация рекомендаций и отчетов Венецианской комиссии – в частности, в 2009 и 2014 годах (Raducanu, 2013, p. 48–50).

На протяжении последних десятилетий существенных изменений в институциональном балансе центр-региональных отношений венгерского сообщества и национального центра республики не наблюдается. Между тем в публичной и политической повестке современной Румынии регулярно артикулируются требования венгерских регионалистских сил о создании автономного региона и нивелировании института префекта, который фактически ограничивает политико-административную свободу на местах (Грабевник, 2022, с. 35). Институциональные реформы периода евроинтеграции также подвергаются критике и переосмыслению как фасадные и неэффективные. Показательная иллюстрация указанного тренда – актуализация дискуссий вокруг языковой реформы 2001 года[12].

Республика Словакия. Институциональные реформы в управлении политико-территориальной гетерогенностью в Словакии проходили прежде всего в 1990–2000-е годы. В динамике институциональных изменений выделяются несколько периодов, связанных с идеологической ориентацией разных национальных правительств, особенно в отношении этнического венгерского меньшинства и его статуса в национальных границах.

С 1993 по 1998 год национальное правительство Словакии, формируемое доминирующей политической силой «Народная партия – Движение за демократическую Словакию», и президент Словакии В. Мечьяр открыто продвигали националистическую повестку и настаивали на институциональной дискриминации венгерского сообщества. Подобные политические ориентации нашли выражение в реформах середины 1990-х годов. В 1995 году был принят закон о государственном языке, ограничивающий изучение венгерского языка в образовательных учреждениях на территории Словакии[13]. Имплементация

[11] *Lege* nr. 115 din 19 mai 2015 pentru alegerea autorităților administrației publice locale [Online] // Portal Legislativ… URL: https://legislatie.just.ro/Public/DetaliiDocument/168136 (Accessed Jul. 17, 2024).

[12] *Huszka B.* Romania's 'Hungarian problem': A minority caught between integration and self-segregation [Online] // EUROPP – European Politics and Policy. 2021. 24 Nov. URL: https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2021/11/24/romanias-hungarian-problem-a-minority-caught-between-integration-and-self-segregation/ (Accessed Jul. 15, 2024).

[13] *270 Zakon* novembra 1995 o štátnom jazyku Slovenskej republiky [Online] // Slov-Lex… URL: https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/1995/270/vyhlasene_znenie.html (Accessed Jul. 17, 2024).

закона сопровождалась квотированием по этническому признаку в культурных и образовательных институциях и продвижением политики «словакизации» общего образования (Баринов и Пантин, 2016, с. 22–23).

Административно-территориальное деление Словакии тоже подверглось трансформации. С 1993 года было установлено 38 окресов (регионов), которые представляли субнациональный административный уровень и в полномочия которых входил контроль за здравоохранением и образованием, окружающей средой и экологической политикой, а также пожарной безопасностью территорий. В рамках реформ 1996 года было создано 8 новых краев-регионов (kraje) и 79 новых окресов (okres)[14], а на региональный уровень переданы компетенции национальных агентств[15]. При этом национальное правительство фактически обладало правом вето на региональное законодательство, что подчеркивало ограниченный формат такой политико-административной децентрализации. Что же касается территориальной реформы, то ее критики отмечают, что подобное административное деление Словакии – это случай откровенной институциональной махинации, в результате которой во всех восьми регионах этнические венгры ныне находятся в меньшинстве (Баринов и Пантин, 2016, с. 25)[16].

Централистские и националистические тенденции в управлении политико-территориальной гетерогенностью в этот период привели к актуализации регионалистских настроений со стороны венгерского сообщества. В 1996 году Партия венгерской коалиции Словакии выступила с требованием о создании повята (региона) Комарно с венгерским большинством (одноименная территориальная единица существовала до 1918 года). Предлагаемая административно-территориальная единица должна была охватить бóльшую частью южной Словакии (практически в границах полигона расселения этнических венгров) (Harris, 2007, p. 50). Во второй половине 1990-х годов появились обособленные регионалистские политические партии, представлявшие интересы венгерского сообщества, в связи с введением ограничений на электоральные коалиции (в которые ранее венгерские представители чаще всего включались) и электорального барьера (Everett and Redzic, 2021, p. 166). Волна венгерского регионализма в Словакии 1990-х годов нашла продолжение в коалиционных правительственных взаимодействиях Партии венгерской коалиции на национальном и региональном уровнях (в частности, в Нитранском крае) уже в 2000-е годы.

В период с 1998 по 2001 год, после создания центристского демократического коалиционного правительства во главе с партией «Словац-

[14] *221 Zakon* júla 1996 o územnom a správnom usporiadaní Slovenskej republiky [Online] // Slov-Lex… URL: https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/1996/221/19991231.html (Accessed Jul. 17, 2024).

[15] *222 Zakon* júla 1996 o organizácii miestnej štátnej správy a o zmene a doplnení niektorých zákonov [Online] // Ibidem. URL: https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/1996/222/20000101.html (Accessed Jul. 17, 2024).

[16] Подобные институциональные изменения (территориальная реконфигурация и институт национального контроля над региональным законодательством) наблюдаются и в Румынии, где они парадоксальным образом воспринимаются как уступки и шаги на пути к децентрализации венгерского сообщества.

кий демократический и христианский союз – Демократическая партия», в институциональном реформировании наблюдаются обратные тенденции, что связано прежде всего с интенциями Словакии к европейской интеграции. Вместо институциональной дискриминации венгерского сообщества проводится серия реформ, нацеленных на удовлетворение требований защиты национальных меньшинств и политико-территориальной децентрализации. В 1999 году принимается новый закон о языках меньшинств, предусматривающий право муниципальных территорий, не менее 15 % населения которых говорит на языке меньшинства, использовать данный язык в официальных коммуникациях с органами государственной власти[17].

В 2001 году национальный парламент Словакии одобрил план децентрализации, в рамках которой предполагалось отменить введенное в 1990-е годы право вето на региональное законодательство, а также установить 20 субнациональных регионов с политико-административными уступками венгерскому сообществу (этот план лоббировался, в частности, венгерскими регионалистами – Партией венгерской коалиции) (Marasova and Horehajova, 2017, p. 446). Новая конфигурация регионального деления не была установлена по результатам правительственных и парламентских дебатов, но идея децентрализации нашла институциональное выражение в пакете реформ 2001 года[18]. Несмотря на то, что количество краев (субнациональных единиц) и их границы не изменились, институциональные реформы коснулись распределения полномочий и компетенций (Klimovsky, 2010, p. 237). Были установлены региональные советы (региональные легислатуры), избираемые на прямых выборах населением, а также институт краевых председателей, назначаемых и контролируемых национальным правительством Словакии. Подобная дуальная политическая система управления регионами (назначаемая центральным правительством администрация и выборные органы законодательной власти регионов) балансировалась посредством зависимости продуцируемого регионального законодательства от одобрения национального правительства (и проверки на предмет соответствия национальным интересам Словакии и интересам проживающих на ее территории этнических и лингвистических меньшинств). В зону компетенции исключительно регионов вошло региональное социально-экономическое развитие и межрегиональное сотрудничество. При этом регионы обрели право совместной компетенции в таких областях, как образование и здравоохранение, библиотеки и театры, культурная и спортивная политика, социальное обеспечение, транспортное и дорожное управление. В рамках имплемен-

[17] *184 Zakon* júla 1999 o používaní jazykov národnostných menšín [Online] // Slov-Lex… URL: https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/1999/184/vyhlasene_znenie.html (Accessed Jul. 17, 2024).

[18] *302 Zakon* júla 2001 o samospráve vyšších územných celkov [Online] // Slov-Lex… URL: https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/2001/302/ 20040101.html (Accessed Jul. 17, 2024); *303 Zakon* júla 2001 o voľbách do orgánov samosprávnych krajov a o doplnení Občianskeho súdneho poriadku [Online] // Ibidem. URL: https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/2001/303/vyhlasene_znenie.html (Accessed Jul. 17, 2024); *416 Zakon* septembra 2001o prechode niektorých pôsobností z orgánov štátnej správy na obce a na vyššie územné celky [Online] // Ibidem. URL: https://www.slov-lex.sk/pravne-predpisy/SK/ZZ/2001/416/ (Accessed Jul. 17, 2024).

тации данного пакета реформ децентрализации в Словакии края получили небольшие полномочия в финансовой сфере: в 2005 году у них появилось право устанавливать ставку налога на регистрацию транспорта[19]. В 2015 году, однако, данное право было нивелировано, а взамен национальное правительство повысило долю сборов от подоходного налога, передаваемую в региональные бюджеты, – с 23,5 до 30 % (Mihalik et al., 2019, p. 100).

После вступления Словакии в Европейский союз была инициирована новая реформа в отношении государственного языка, имевшая ограничительный характер в отношении языков меньшинств. Закон 2009 года вводил формальные ограничения на использование языков меньшинств в государственном управлении[20]. Так, в муниципальных территориях, где менее 20 % населения говорит на языке меньшинства, вводилось обязательное требование использования словацкого языка в качестве единственного государственного. Правило распространялось не только на сферу предоставления государственных услуг (как было в 1995 году), но и на сферы торговли, здравоохранения, религиозного просвещения. Новый закон о языке вызвал активные протесты со стороны венгерского сообщества (наиболее значимыми стали манифестации около 10 тыс. этнических венгров на стадионе «Дунайска Стреда»)[21] и спровоцировал внутриполитические дискуссии и предметные международные переговоры, в первую очередь с Венгрией. Правительство, пришедшее к власти после национальных парламентских выборов 2010 года, отменило закон 2009 года, имплементацию которого сегодня можно считать несостоявшейся. После подобной резонансной реформы, послужившей катализатором роста напряженности между словацким национальным правительством и территориальными сообществами венгров в первой половине 2010-х годов, в Словакии более не наблюдалось крупных институциональных преобразований, касающихся вопросов управления политико-территориальной гетерогенностью.

Республика Сербия. Случай управления политико-территориальной гетерогенностью посредством институционального реформирования в Республике Сербия существенно отличается от румынского и словацкого случаев, и причин тому несколько. Во-первых, Республика Сербия характеризуется целым рядом структурно насыщенных этнополитических и территориальных конфликтов (Косово, Метохия, Воеводина, Черногория, Прешево и др.), в которые вовлечены несколько этнических и лингвистических сообществ (а не только этнические венгры, как в Словакии и Румынии). Во-вторых, более значимыми конфликтами, угрожающими территориальной целост-

[19] *Černěnko T., Ferčíková V.* Slovak Republic // Regionalisation trends in European countries 2007–2015 / Ed. by F. Merloni. Strasbourg: Congress of Local and Regional Authorities of the Council of Europe, 2016. P. 177–178.

[20] *318 Zakon* ktorým sa mení a dopĺňa zákon Národnej rady Slovenskej republiky č. 270/1995 Z. z. o štátnom jazyku Slovenskej republiky v znení neskorších predpisov a o zmene a doplnení niektorých zákonov [Online] // Economicke Pravne Informacie. URL: https://www.epi.sk/zz/2009-318 (Accessed Jul. 17, 2024).

[21] *Венгры* Словакии протестуют против закона о языке [Электронный ресурс] // BBC News Русская служба. 2009. 1 сент. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2009/09/090830_slovakia_protests (дата обращения: 19.07.2024).

ности Сербии, стали Косово и Черногория, тогда как венгерская (условно) Воеводина, напротив, являет собой относительно устойчивый случай центр-регионального взаимодействия. В-третьих, вызовы управления венгерским сообществом в границах сербского государства – это наследство асимметричной политико-административной системы Социалистической Федеративной Республики Югославия, где Воеводина обладала автономным территориальным статусом. На рубеже 1980–90-х годов регион потерял политико-административную автономию, что зафиксировала Конституция 1990 года, а в 1991-м сербский язык законодательно стал единственным официальным государственным языком, что ограничило уже культурную автономию этнических венгров (Борисова, 2024, с. 122).

На фоне потери автономии в 1990-е годы проявились регионалистские тенденции со стороны этнических венгров Воеводины. Возникшие регионалистские партии – Альянс воеводинских венгров, Гражданский союз венгров и др. – начали открыто проводить параллели между Воеводиной и Косово, лоббировать интересы венгерского сообщества по возвращению автономного статуса региону, декламировать требования языковых и культурных прав для этнического меньшинства. В 1995 году регионалистские группы во главе с Альянсом воеводинских венгров опубликовали Манифест Воеводины[22], цель которого заключалась в юридическом обосновании права на самоопределение и закреплении прав политико-административной и культурной территориальной автономии.

Утверждение сербской национальной государственности и институциональные ограничения в отношении венгерского меньшинства в период 1990-х сменились уступками со стороны национального центра Сербии в отношении региона Воеводины. В 2002 году был принят закон, согласно которому Воеводина восстановила автономный статус в ряде зон компетенции, в том числе в экономических и культурных вопросах[23]. В частности, статус венгерского языка как официального (Petsinis, 2008, p. 272–273). В том же году был принят закон о национальных меньшинствах, утвердивший институт советов этнических меньшинств Сербии, ключевой функционал которого составили вопросы защиты прав этнических и лингвистических сообществ, вопросы образовательной и культурной политики[24]. Кроме того, национальные меньшинства получили право использовать собственный язык в пределах локальных и муниципальных территорий, где их доля среди проживающего населения была не менее 15 % (практика использования родного языка включала и организацию образования на нем) (Борисова, 2020, с. 45). В 2006 году новая Конституция Республики Сербия зафиксировала автономный статус Воеводины и укрепила компетенции региона в части экономической

[22] *Manifesto* for Autonomous Vojvodina. 1995. 18 Nov. [Online] // Alternative Information Network. URL: https://aimpress.forumcivique.org/article/51118-003-trae-beo/ (Accessed Jul. 17, 2024).

[23] *Zakon* o utvrdivanju nadleznosti Autonomne pokrajine Vojvodine br. 6/2002 [Online] // Paragraph. Pravna i Ekonomska Izdania za uspesno i zakonito poslivanje. URL: https://pravno-informacioni-sistem.rs/eli/rep/sgrs/skupstina/zakon/2009/99/1/reg (Accessed Jul. 17, 2024).

[24] *Zakon* o zaštiti prava i sloboda nacionalnih manjina br. 11/2002 [Online] // Ibidem. URL: https://www.paragraf.rs/propisi/zakon_o_zastiti_prava_i_sloboda_nacionalnih_manjina.html (Accessed Jul. 17, 2024).

ответственности. Указанные институциональные реформы, расширившие политико-административную автономию Воеводины, являются реактивными в отношении требований венгерского регионалистского сообщества и в ряде случаев (за исключением языковых вопросов) специализированными, то есть ориентированным именно на регион проживания этнических венгров.

В 2009 году Народная Скупщина Республики Сербии принимает новый закон о национальных и этнических меньшинствах, расширяя компетенцию советов этнических меньшинств[25]. На основании закона в ноябре того же года сербский парламент ратифицирует устав автономного края Воеводина, который был разработан еще в 2008-м[26]. Конституционный документ Воеводины вступил в силу с 2010 года и установил высокую степень автономии региона, близкой по содержанию к автономии 1980–90-х годов: пространственное планирование и территориальное развитие, сельское хозяйство, животноводство и рыбный промысел, управление водными и лесными ресурсами, туризм и гостиничный сектор, экология и охрана окружающей среды, здравоохранение, образовательная и культурная политика, социальная защита и социальное обеспечение, промышленность и энергетика.

После восстановления автономного статуса Воеводины также можно зафиксировать отдельные регионалистские всплески со стороны этнических венгров. Следует, однако, отметить, что подобные всплески случаются эпизодически и не носят системного характера. Новая итерация требований сепаратизма и ирредентизма в контексте идеи «Великой Венгрии» проявилась на рубеже 2000–2010-х годов[27]. В противовес этому сербские националисты первой половины 2010-х годов активно выступали против продолжающейся децентрализации в Республике Сербия. На сегодняшний день реформа 2009 года, зафиксировавшая институциональный статус-кво, является последней крупной реформой в отношении управления политико-территориальной гетерогенностью, затрагивающей интересы венгерского сообщества (Tolvaisis, 2012, p. 63).

Сценарии институциональных изменений

Во всех рассматриваемых случаях очевидна сходная динамика управления в отношении венгерских меньшинств и территорий, на которых они проживают: в 1990-е годы наблюдается устойчивый тренд на ограничение компетенций и автономии регионов с венгерским меньшинством и политики протекционизма со стороны национального центра, а затем, в 2000-е, обратный тренд на институциональное закрепление прав этнических меньшинств и предоставление политико-административных преференций территориям венгерских (в ряде случае не только венгерских) меньшинств. Уже в 2010–20-е

[25] *Zakon* o zaštiti prava i sloboda nacionalnih manjina br. 72/2009 [Online] // Paragraph. Pravna i Ekonomska… URL: https://www.paragraf.rs/propisi/zakon_o_zastiti_prava_i_sloboda_nacionalnih_manjina.html (Accessed Jul. 17, 2024).

[26] *Zakon* o utvrdivanju nadleznosti Autonomne pokrajine Vojvodine br. 99/2009 [Online] // Ibidem. URL: https://www.paragraf.rs/propisi/zakon_o_utvrdjivanju_nadleznosti_autonomne_pokrajine_vojvodine.html (Accessed Jul. 17, 2024).

[27] *World* directory of minorities and indigenous peoples – Serbia: Hungarians [Online] // UN Refugee Agency. 2008. URL: http://www.refworld.org/docid/49749cb2c.html (Accessed Jul. 17, 2024).

годы становится устойчивой ситуация, когда национальные правительства рассматриваемых государств не проводят значимых институциональных реформ в отношении венгерских территориальных сообществ, а попытки введения ограничений, как в случае Словакии, оказываются безуспешными. Вместе с тем этот «общий» институциональный путь в управлении венгерскими территориальными сообществами Румыния, Словакия и Сербия проходят в разных условиях и контекстах. Используя качественную сравнительную логику, обозначенную в начале статьи, можно определить вариативность сценариев институциональных изменений. Формальные результаты зафиксированы в таблице 2.

В случае Румынии наблюдается строгая и поступательная логика институционального реформирования в направлении расширения прав и компетенций этнотерриториальных сообществ. Национальные правительства Румынии, вне зависимости от политико-идеологической принадлежности, склонны проводить универсальные реформы, ориентированные на все сообщества и административно-территориальные единицы, не рассматривая отдельно венгерские территориальные сообщества. Вводимые институциональные изменения по большей части имплементируются полностью, за исключением кейсов непоследовательной децентрализации 2004 и 2013 годов. Регионы Румынии не получили широкой степени автономии, поскольку за национальным центром остается право итогового решения в отношении регионального законодательства, а к имплементации закона о языковой политике остаются вопросы[28]. Качественные региональные реформы регулярно обсуждаются в Румынии, но очень немногие обсуждения действительно доходят до решений – в связи с опасениями националистически ориентированных сил, что усиление региональной власти может активизировать регионализм и привести к сепаратизму или ирредентизму (Profiroiu et al., 2017, p. 366, 383). Прагматичная логика такой частичной децентрализации закономерна: вводимые институциональные изменения были обусловлены прежде всего требованиями европейской интеграции, что свидетельствует о наличии в данном случае признаков мягкого принудительного институционального изоморфизма (в логике институционального изомофорфизма П. Димаджио и У. Пауэлла) (DiMaggio and Powell, 1983).

Институциональное реформирование в отношении политико-территориальной гетерогенности в Словакии было не столь равномерно и размеренно, как в румынском случае. В 1990-е годы наблюдаются проактивные реформы, инициированные национальным правительством и направленные на ограничение автономии и компетенций венгерских сообществ: административно-территориальная реконфигурация, ограничения прав языковых меньшинств, ограничения в культурной и образовательной сферах. После смены правящей коалиции в Словакии возникает тренд, сходный с румынским: требования европейской интеграции ориентируют национальные правительства проводить обратные реформы, предоставляя венгерским меньшинствам культурные, языковые и политико-административные права.

[28] *Венгры* Словакии протестуют против закона о языке...

Таблица 2/ Table 2

Институциональные реформы в Румынии, Словакии и Сербии / Institutional reforms in Romania, Slovakia and Serbia

Наименование реформы	Содержание реформы	Инициатор реформы	Характер реформы	Адресат реформы	Степень имплементации реформы
Румыния					
Lege nr. 151 privind dezvoltarea regionala în România, 1998	Территориальная реформа; реформа органов власти	Проактивная	Уступки	Универсальная	Полная
Lege nr. 215 administrației publice locale, 2001	Политико-культурная реформа; реформа органов власти	Реактивная	Уступки	Универсальная	Полная
Lege nr. 67 pentru alegerea autorităților administrației publice locale, 2004	Реформа органов власти	Проактивная	Уступки	Универсальная	Частичная
Lege nr. 115 pentru alegerea autorităților administrației publice locale, 2015	Реформа органов власти	Проактивная	Уступки	Универсальная	Полная
Словакия					
270 Zakon o štátnom jazyku Slovenskej republiky, 1995	Политико-культурная реформа	Проактивная	Ограничения	Универсальная	Полная
221 Zakon o územnom a správnom usporiadaní Slovenskej republiky, 1996	Территориальная реформа; реформа органов власти	Проактивная	Ограничения	Универсальная	Полная
222 Zakon o organizácii miestnej štátnej správy a o zmene a doplnení niektorých zákonov, 1996	Территориальная реформа; реформа органов власти	Проактивная	Ограничения	Универсальная	Полная

Наименование реформы	Содержание реформы	Инициатор реформы	Характер реформы	Адресат реформы	Степень имплементации реформы
184 Zakono používaní jazykov národnostných menšín, 1999	Политико-культурная реформа; реформа органов власти	Реактивная	Уступки	Универсальная	Полная
302 Zakon o samospráve vyšších územných celkov (zákon o samosprávnych krajoch), 2001	Реформа органов власти; политико-административная реформа	Реактивная	Уступки	Универсальная	Полная
303 Zakon o voľbách do orgánov samosprávnych krajova o doplnení Občianskeho súdneho poriadku, 2001	Реформа органов власти; политико-административная реформа	Реактивная	Уступки	Универсальная	Полная
416 Zakon o prechode niektorých pôsobností z orgánov štátnej správy na obce a na vyššie územné celky, 2001	Реформа органов власти; политико-административная реформа	Реактивная	Уступки	Универсальная	Полная
318 Zakon, ktorým sa mení a dopĺňa zákon Národnej rady Slovenskej republiky č. 270/1995 Z. z. o štátnom jazyku Slovenskej republiky v znení neskorších predpisov a o zmene a doplnení niektorých zákonов, 2009	Политико-культурная реформа	Проактивная	Ограничения	Универсальная	Частичная
Сербия					
Zakon o utvrdivanju nadleznosti Autonomne pokrajine Vojvodine br. 6/2002, 2002	Территориальная реформа; политико-административная реформа	Реактивная	Уступки	Специальная	Полная
Zakon o zaštiti prava i sloboda nacionalnih manjina br. 11/2002, 2002	Политико-культурная реформа	Реактивная	Уступки	Универсальная	Полная

Наименование реформы	Содержание реформы	Инициатор реформы	Характер реформы	Адресат реформы	Степень имплементации реформы
Zakon o zaštiti prava i sloboda nacionalnih manjina br. 72/2009, 2009	Политико-культурная реформа	Проактивная	Уступки	Универсальная	Полная
Zakon o utvrdivanju nadleznosti Autonomne pokrajine Vojvodine br. 99/2009, 2009	Территориальная реформа; политико-административная реформа	Реактивная	Уступки, ограничения	Специальная	Полная

Источник: составлено автором на основе качественного анализа нормативных правовых документов Румынии, Словакии и Сербии.

На рубеже веков организуются уже реактивные реформы, соответствующие стандартам Европейского союза и Совета Европы, что свидетельствует о наличии мягкого принудительного изоморфизма со стороны внешних акторов, а также требованиям венгерских регионалистских сил, в том числе политических партий. Несмотря на то, что формально реформы были универсальными, фактически по структурным параметрам, например по доле меньшинства в составе населения, они были ориентированы на венгерские территориальные сообщества. В 2010-е годы попытки изменить институциональный статус-кво в Словакии в отношении венгерских сообществ остаются безуспешными из-за парламентских дебатов, общественно-политических протестов, фрагментированной имплементации отдельных законов.

Случай Сербии выделяется как количеством институциональных изменений, так и отсутствием прямых признаков влияния на такие изменения внешних акторов (и, соответственно, институционального изоморфизма). Ввиду специфики политико-территориальной гетерогенности в республике и асимметричности ее административно-территориальной модели, среди институциональных реформ наблюдаются как универсальные, так и специальные, ориентированные конкретно на регион Воеводины. Реформы являются преимущественно реактивными: национальный центр отзывается на требования регионалистских партийных сил Воеводины восстановить политико-административную автономию югославских времен. Вводимые институциональные изменения имплементируются полностью. Несмотря на то, что дискуссии по дальнейшей децентрализации как в Сербии в целом, так и в Воеводине в частности продолжаются в 2010–20-е годы, сербское национальное правительство, так же как словацкое и румынское, предпочитает сохранять институциональный статус-кво, а также использовать иные средства управления политико-территориальной гетерогенностью помимо институциональных реформ.

Важно также отметить, что многие из рассмотренных реформ второй половины 1990–2000-х годов в качестве результата имеют расширение региональной автономии, притом в весьма похожей конфигурации. Так, регионы Румынии и Словакии, согласно индексу Regional Authority Index, в ходе реформ расширили свои полномочия самоуправления (self-rule) до 8 из 12 баллов. Институциональные конфигурации самоуправления регионов Румынии и Словакии практически идентичны, различаясь лишь степенью автономии в фискальной и бюджетной политике (Shair-Rosenfield et al., 2021). Сербская Воеводина по итогам реформирования тоже соответствует уровню автономии в 8 из 12 баллов (без автономии в бюджетной и фискальной политике, но с большей политической репрезентацией и более широким спектром региональных компетенций по сравнению со словацкими и румынскими регионами), а кроме того, приобретает степень автономии в совместном управлении (shared-rule) – 4,5 балла (Shair-Rosenfield et al., 2021).

Таким образом, можно утверждать, что кейсы институционального реформирования в отношении венгерского сообщества Румынии и Словакии похожи (если оставить за скобками период словацкого национализма первой половины 1990-х годов): универсальный характер институциональных реформ,

процесс европейской интеграции как ключевой стимул реформ, сходство институциональных конфигураций региональных автономий, прагматичное сохранение институционального статус-кво и отказ от дальнейшей децентрализации после вступления в Евросоюз. В данном контексте выделяется случай институционального реформирования в Сербии: «стартовые» структурные, статусные и исторические условия как факторы реформирования; отсутствие внешних стимулов к реформированию и ориентация на диалог с регионом расселения венгерского сообщества; наличие институционального ориентира реформирования – конфигурация автономии Воеводины 1980-х годов.

Насколько такие сценарии институционального реформирования в отношении венгерских сообществ в Румынии, Словакии и Сербии действительно значимы в рамках политики сохранения и укрепления территориальной целостности? Эффективность таких институциональных реформ как механизмов управления политико-территориальной гетерогенностью может быть операционализирована через измерение ее индикаторов: уровня интенсивности этнополитического и/или центр-регионального конфликта (если он имеет место быть) и степени угрозы целостности государства, которую несут регионалистские требования и заявления (например, манифест о независимости, заявление/проведение референдума и другие эпизоды). Анализируя подобные индикаторы в отношении исследуемых кейсов Румынии, Словакии и Сербии, необходимо отметить отсутствие значимой негативной динамики – налицо устойчивое отсутствие конфликтности согласно индексам Self-Determination Movements (Sambanis et al., 2018) и Conflict Barometer[29]. Качественный анализ также позволяет утверждать, что значимых угроз территориальной целостности в послереформенный период не наблюдается.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный качественный сравнительный анализ показал следующие результаты. Случаи институционального реформирования как механизма управления политико-территориальной гетерогенностью в отношении венгерского территориального сообщества в Румынии, Словакии и Сербии демонстрируют различные сценарии. Национальное правительство Словакии в вопросе институционального реформирования во многом идет по стопам Румынии: европейская интеграция как значимый стимул, ограниченная прагматичная децентрализация, территориальная реконфигурация для ограничения структурной силы венгерского сообщества, сходные институциональные форматы субнациональных единиц в государствах. Случай Сербии выделяется как по структурным и статусным условиям (асимметричное административно-территориальное устройство, наличие более приоритетных для центрального правительства угроз территориальной целостности и др.), так и по сценарию институционального реформирования (фактическое отсутствие внешнего стимулирования, ориентация на венгерское сообщество и регионалистских акторов, четкое ви́дение институциональной кон-

[29] *Conflict* Barometer...

фигурации автономии). Вне зависимости от сценария институциональных изменений в Румынии, Словакии и Сербии в исследуемый хронологический период, особенно в 2000–2010-е годы, не наблюдается существенного нарастания уровня конфликтности, что свидетельствует об отсутствии значимых угроз территориальной целостности. Снижению конфликтогенного потенциала и угроз политико-территориальной целостности также способствуют структурные (например, демографический кризис и миграционный отток этнических венгров из регионов проживания) и агентские (например, идеологическая ориентация национального правительства) факторы.

Вместе с тем было бы ошибочно считать, что реформы – это единственный механизм сохранения политико-территориальной целостности в представленных государствах. Столь же важным механизмом являются межэлитные взаимодействия и кооптация регионалистских партийных сил, представляющих интересы венгерского регионального сообщества, в правительственные структуры на региональном и национальном уровне. Венгерские регионалистские партии активно включаются в правительственные коалиции, а идеологическая принадлежность общенационального коалиционного партийного партнера часто не имеет для них принципиального значения. Кооптация как механизм снижения этнополитической напряженности и рисков политико-территориальной целостности государства часто наблюдается в Румынии (Грабевник, 2022) и Словакии (Everett and Redzic, 2021), что свидетельствует о наличии дополнительного сходства этих кейсов. Вариации институциональных (и не только) механизмов управления политико-территориальной гетерогенностью в современных сложносоставных политиях – широкое предметное поле для дальнейших научных изысканий.

Список источников

Баринов И. И., Пантин В. И. Политика по отношению к национальным меньшинствам в Словакии и Румынии на рубеже XX–XXI вв. // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17, № 4. С. 19–30. EDN: YMTOIG.

Борисова Н. В. Судьба «неэтнического регионализма» и языковые требования в регионалистской повестке: Воеводина и Истрия в сравнительной перспективе // Вестник Пермского университета. Политология. 2020. Т. 14, № 1. С. 40–53. https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-40-53. EDN: IIYSLZ.

Борисова Н. В. Этнополитические конфликты в Сербии и Черногории: (без)успешные решения в логике институционального изоморфизма // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 7. С. 118–129. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-7-118-129. EDN: SGANLY.

Грабевник М. В. Электоральный регионализм: случай Демократического союза венгров Румынии // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16, № 1. С. 31–39. https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-1-31-39. EDN: SABSIL.

Панов П. В. Политико-территориальная гетерогенность, конфликты и институциональные решения: состояние и перспективы развития баз данных для количественных исследований // Вестник Пермского университета.

Политология. 2023. Т. 17, № 3. С. 85–95. https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-3-85-95. EDN: IWFYQU.

Bakk M., Szasz A. Conflict and convergence: Regionalisation plans and autonomy movements in Romania // European and Regional Studies. 2010. Vol. 1, № 1. P. 19–32.

DiMaggio P. J., Powell W. W. The iron cage revisted: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // American Sociological Review. 1983. Vol. 48, № 2. P. 147–160. https://doi.org/10.2307/2095101.

Dobre A. M. Designing and justifying regional reforms: Lessons from Romania // Policy & Politics. 2008. Vol. 36, № 4. P. 587–600. https://doi.org/10.1332/147084408X349783.

Dobre A. M. Europeanization and new patterns of multi-level governance in Romania // Southeast European and Black Sea Studies. 2010. Vol. 10, № 1. P. 59–70. https://doi.org/10.1080/14683851003606838.

Dragoman D. Regional inequalities, decentralisation and the performance of local governments in post-communist Romania // Local Government Studies. 2011. Vol. 37, № 6. P. 647–669.

Dragoman D., Gheorghita B. Regional design, local autonomy, and ethnic struggle: Romania's syncopated regionalisation // Europe-Asia Studies. 2016. Vol. 68, № 2. P. 270–290. https://doi.org/10.1080/09668136.2015.1136594.

Everett J., Redzic E. Seeking representation: The development of Hungarian minority parties in Serbia and Slovakia // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2021. № 2. P. 163–182. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-163-182.

Harris E. Moving politics beyond the state: The Hungarian minority in Slovakia // Perspectives: Review of International Affairs. 2007. № 28. P. 43–62.

Klimovsky D. Territorial consolidation and inter-communal cooperation at the local level in the Slovak Republic // Territorial consolidation reforms in Europe / Ed. by P. Swianienicz. Budapest: OSI/LGI, 2010. P. 237–253.

Lehmann P., Franzmann S., Burst T. et al. The Manifesto data collection. Manifesto Project. (MRG/CMP/MARPOR). Version 2023a. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB) / Göttingen: Institut für Demokratieforschung (IfDem), 2023. https://doi.org/10.25522/manifesto.mpds.2023a.

Marasova J., Horehajova M. Decentralization as an essential element of public administration reform in Slovakia // The Palgrave handbook of decentralisation in Europe / Ed. by J. Ruano, M. Profiroiu. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 443–475. https://doi.org/10.1007/978-3-319-32437-1_17.

Mihailescu G. Romania // Report on the state of regionalism in Europe / Ed. by M. Mori. Brussels: Assembly of European Regions, 2017. P. 88–89.

Mihalik J., Horvath P., Svikruha M. Give me liberty or give me money: The fiscal decentralization and autonomy of regional governance in Slovakia // European Journal of Government and Economics. 2019. Vol. 8, № 1. P. 96–109. https://doi.org/10.17979/ejge.2019.8.1.4573.

Petsinis V. Serbs and ethnic Hungarians in Vojvodina: Ethnic conflict placed within a framework beyond groupism // Sociológia – Slovak Sociological Review. 2008. Vol. 40, № 3. P. 258–277.

Profiroiu C. M., Profiroiu A. G., Szabo S. R. The decentralization process in Romania // The Palgrave handbook of decentralisation in Europe / Ed. by J. Ruano, M. Profiroiu. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 353–387. https://doi.org/10.1007/978-3-319-32437-1_17.

Raducanu A. Europe of or with regions: Regionalism in Romania // Journal of Public Administration, Finance and Law. 2013. Vol. 3, № 3. P. 47–58.

Sambanis N., Germann M., Schadel A. SDM: A new data set on self-determination movements with an application to the reputational theory of conflict // Journal of Conflict Resolution. 2017. Vol. 62, № 3. P. 656–686. https://doi.org/10.1177/0022002717735364.

Shair-Rosenfield S., Schakel A. H., Niedzwiecki S. et al. Language difference and regional authority // Regional & Federal Studies. 2021. Vol. 31, № 1. P. 73–97. https://doi.org/10.1080/13597566.2020.1831476.

Snyder T. Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin. New York: Basic Books, 2022. 592 p.

Tolvaisis L. Hungarian cultural autonomy in Vojvodina from the 1974 Socialist Constitution to the 2009 Statute of Autonomy: Path dependence dynamics against the reversal of minority policies // Nationalities Papers. 2012. Vol. 40, № 1. P. 63–83. https://doi.org/10.1080/00905992.2011.633074.

Информация об авторе

М. В. Грабевник – кандидат политических наук, научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов Института гуманитарных исследований Уральского отделения Российской академии наук – филиала ФГБУН Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а

SPIN-код (РИНЦ): 2434-3560

AuthorID (РИНЦ): 1022774

Web of Science ResearcherID: G-5572-2018

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 06.08.2024; одобрена после рецензирования 27.10.2024; принята к публикации 27.10.2024.

References

Barinov, I. I. and Pantin, V. I. (2016), "National minority policies in Slovakia and Romania at the Turn of the 21th century", *Human. Community. Management*, vol. 17, no. 4, pp. 19–30, EDN: YMTOIG.

Borisova, N. V. (2020), "The fate of 'non-ethnic regionalism' and language claims of the regionalist agenda: Vojvodina and Istria in a comparative perspective", *Bulletin of Perm University. Political Science*, vol. 14, no. 1, pp. 40–53, https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-40-53, EDN: IIYSLZ.

Borisova, N. V. (2024), "Ethnopolitical conflicts in Serbia and Montenegro: (Un)successful solutions through the logic of institutional isomorphism", *World*

Economy and International Relations, vol. 68, no. 7, pp. 118–129, https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-7-118-129, EDN: SGANLY.

Grabevnik, M. V. (2022), "Electoral regionalism: Case of Democratic union of Hungarians in Romania", *Bulletin of Perm University. Political Science*, vol. 16, no. 1, pp. 31–39, https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-1-31-39, EDN: SABSIL.

Panov, P. V. (2023), "Political-territorial heterogeneity, conflicts and institutional solutions: The state and prospects for the development of databases for quantitative research", *Bulletin of Perm University. Political Science*, vol. 17, no. 3, pp. 85–95, https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-3-85-95, EDN: IWFYQU.

Bakk, M. and Szasz, A. (2010), "Conflict and convergence: Regionalisation plans and autonomy movements in Romania", *European and Regional Studies,* vol. 1, no. 1, pp. 19–32.

DiMaggio, P. J. and Powell, W. W. (1983), "The iron cage revisted: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields", *American Sociological Review*, vol. 48, no. 2, pp. 147–160, https://doi.org/10.2307/2095101.

Dobre, A. M. (2008), "Designing and justifying regional reforms: Lessons from Romania", *Policy & Politics*, vol. 36, no. 4, pp. 587–600, https://doi.org/10.1332/147084408X349783.

Dobre, A. M. (2010), "Europeanization and new patterns of multi-level governance in Romania", *Southeast European and Black Sea Studies*, vol. 10, no. 1, pp. 59–70, https://doi.org/10.1080/14683851003606838.

Dragoman, D. (2011), "Regional inequalities, decentralisation and the performance of local governments in post-communist Romania", *Local Government Studies*, vol. 37, no. 6, pp. 647–669.

Dragoman, D. and Gheorghita, B. (2016), "Regional design, local autonomy, and ethnic struggle: Romania's syncopated regionalisation", *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no. 2, pp. 270–290, https://doi.org/10.1080/09668136.2015.1136594.

Everett, J. and Redzic, E. (2021), "Seeking representation: The development of Hungarian minority parties in Serbia and Slovakia", *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*, no. 2, pp. 163–182, https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-163-182.

Harris, E. (2007), "Moving politics beyond the state: The Hungarian Minority in Slovakia", *Perspectives: Review of International Affairs*, no. 28, pp. 43–62.

Klimovsky, D. (2010), "Territorial consolidation and inter-communal cooperation at the local level in the Slovak Republic", in Swianienicz, P. (ed.), *Territorial consolidation reforms in Europe,* OSI/LGI, Budapest, Hungary, pp. 237–253.

Lehmann, P., Franzmann, S., Burst, T. et al. (2023), *The Manifesto data collection. Manifesto Project (MRG/CMP/MARPOR). Version 2023a*, Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB), Berlin, Institut für Demokratieforschung (IfDem), Göttingen, Germany, https://doi.org/10.25522/manifesto.mpds.2023a.

Marasova, J. and Horehajova, M. (2017), "Decentralization as an essential element of public administration reform in Slovakia", in Ruano, J. and Profiroiu, M. (eds.), *The Palgrave handbook of decentralisation in Europe,* Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 443–475, https://doi.org/10.1007/978-3-319-32437-1_17.

Mihailescu, G. (2017), "Romania", in Mori, M. (ed.), *Report on the state of regionalism in Europe*, Assembly of European Regions, Brussels, Belgium, pp. 88–89.

Mihalik, J., Horvath, P. and Svikruha, M. (2019), "Give me liberty or give me money: The fiscal decentralization and autonomy of regional governance in Slovakia", *European Journal of Government and Economics*, vol. 8, no. 1, pp. 96–109, https://doi.org/10.17979/ejge.2019.8.1.4573.

Petsinis, V. (2008), "Serbs and ethnic Hungarians in Vojvodina: Ethnic conflict placed within a framework beyond groupism", *Sociológia – Slovak Sociological Review*, vol. 40, no. 3, pp. 258–277.

Profiroiu, C. M., Profiroiu, A. G. and Szabo, S. R. (2017), "The decentralization process in Romania", in Ruano, J. and Profiroiu, M. (eds.), *The Palgrave handbook of decentralisation in Europe,* Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 353–387, https://doi.org/10.1007/978-3-319-32437-1_14.

Raducanu, A. (2013), "Europe of or with regions: Regionalism in Romania", *Journal of Public Administration, Finance and Law*, vol. 3, no. 3, pp. 47–58.

Sambanis, N., Germann, M. and Schadel, A. (2017), "SDM: A new data set on self-determination movements with an application to the reputational theory of conflict", *Journal of Conflict Resolution*, vol. 62, no. 3, pp. 656–686, https://doi.org/10.1177/0022002717735364.

Shair-Rosenfield, S., Schakel, A. H., Niedzwiecki, S. et al. (2021), "Language difference and regional authority", *Regional & Federal Studies*, vol. 31, no. 1, pp. 73–97, https://doi.org/10.1080/13597566.2020.1831476.

Snyder, T. (2022), *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin*. Basic Books, New York, NY, US.

Tolvaisis, L. (2012), "Hungarian cultural autonomy in Vojvodina from the 1974 Socialist Constitution to the 2009 Statute of Autonomy: Path dependence dynamics against the reversal of minority policies", *Nationalities Papers*, vol. 40, no. 1, pp. 63–83, https://doi.org/10.1080/00905992.2011.633074.

Information about the author

M. V. Grabevnik – Candidate of Political Sciences, Research Fellow of the Department for Research of Political Institutions and Processes, Institute of Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 13a Lenin Str., Perm, 614990, Russia

SPIN code (RCSI): 2434-3560

AuthorID (RCSI): 1022774

Web of Science ResearcherID: G-5572-2018

The author declares no conflicts of interest.

The article was submitted on 06.08.2024; approved after reviewing 27.10.2024; accepted for publication 27.10.2024.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 321–354.
Ars Administrandi. 2025. Vol. 17, no. 2, pp. 321–354.

Эта работа © 2025 Лекторовой Ю. Ю., Прудникова А. Ю., Колкутиной В. П., Слюсарь Н. Н. распространяется под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

This work © 2025 by Lektorova, Ju. Iu., Prudnikov, A. Iu., Kolkutina, V. P. and Sliusar, N. N. is licensed under Creative Commons Attribution 4.0 International. To view a copy of this license, visit https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Научная статья
УДК 323:[502.1:622.3](470)
https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-321-354

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В НЕФТЕДОБЫВАЮЩИХ РЕГИОНАХ СИБИРИ И УРАЛА: ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Юлия Юрьевна Лекторова[1]✉, Андрей Юрьевич Прудников[2], Вера Павловна Колкутина[3], Наталья Николаевна Слюсарь[4]

[1, 3, 4] Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

[2] Евразийский технологический университет, Алматы, Республика Казахстан, prudnikow@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8199-1736

[1] Lektorova2015@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-6869-1923

[3] vera_kolkutina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1885-371X

[4] nnslusar@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-0123-6907

Аннотация. Введение: одним из актуальных направлений изучения экологической политики в нефтедобывающих регионах России является анализ практики взаимодействия основных стейкхолдеров – власти, бизнеса и общества – по вопросам, связанным с защитой окружающей среды. **Цель:** реконструкция механизмов экологической политики в отношении вопросов защиты окружающей среды и поддержания экологического благополучия в нефтедобывающих регионах Сибири и Урала. **Методы:** кабинетное исследование, социологический (анкетный) опрос и мониторинг средств массовой информации на базе системы медиаметрии «Медиалогия». **Результаты:** анализ практики надзорных органов выявил рост количества проверок и возбужденных уголовных дел в отношении нефтегазовых компаний, а также обозначил основной источник нарушений, связанный с освоением и разработкой нефтяных месторождений. На законодательном уровне экологическая обстановка в стране признана неблагоприятной, обозначен общий курс снижения нагрузки на окружающую среду. По результатам социологического исследования экологическая идентичность населения нефтедобывающих регионов характеризуется следующими параметрами: 73 % респондентов видят потенциальный риск, но оценивают экологическую ситуацию как удовлетворительную. Соседство с крупным углеводородным бизнесом, по мнению населения, является дополнительным ресурсом развития территории, а меры, принимаемые нефтяными компаниями для поддержания экологического благополучия, считаются достаточными. Медиадискурс по запросу «нефтяные месторождения» преимущественно нейтральный, и проблема экологического неблагополучия или экологических конфликтов не является в нем ярко выраженной. **Выводы:** эффективность политики защиты окружающей среды определяется стратегией поиска компромисса всеми субъектами природопользования и согласованием целей административно-контрольных мер, законодательно-правовых практик и общественных инструментов.

Ключевые слова: общественное восприятие, разливы нефти, экологическая справедливость, экологическая идентичность, экологические конфликты, экологический медиадискурс, социальные последствия разливов нефти, медиаосвещение инцидентов

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта № FSNM-2020-0024 «Разработка научных основ экологически чистых и природоподобных технологий и рационального природопользования в области добычи и переработки углеводородного сырья».

Для цитирования: *Лекторова Ю. Ю., Прудников А. Ю., Колкутина В. П., Слюсарь Н. Н.* Экологическая политика в нефтедобывающих регионах Сибири и Урала: имплементация механизмов защиты окружающей среды // Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 321–354. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-321-354.

Original article

ENVIRONMENTAL POLICY IN OIL-PRODUCING REGIONS OF SIBERIA AND THE URALS: IMPLEMENTATION OF ENVIRONMENTAL PROTECTION MECHANISMS

Julia Iu. Lektorova[1]✉, Andrei Iu. Prudnikov[2], Vera P. Kolkutina[3], Natalia N. Sliusar[4]

[1, 3, 4] Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

[2] Eurasian Technological University, Almaty, Republic of Kazakhstan, prudnikow@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-8199-1736

[1] Lektorova2015@yandex.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-6869-1923

[3] vera_kolkutina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1885-371X

[4] nnslusar@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-0123-6907

Abstract. Introduction: one of the current study areas in environmental policy of the oil-producing Russian regions is the analysis of the interaction practice between the main stakeholders – government, business and society – on issues related to environmental protection. **Objectives:** to reconstruct the environmental policy mechanisms in relation to environmental protection and maintaining environmental well-being in the oil-producing regions of Siberia and the Urals. **Methods:** desk research, sociological (questionnaire) survey and media monitoring based on the "Medialogy" mediametrics system. **Results:** the review of supervisory practices revealed an increase in inspections and criminal cases against oil and gas companies, as well as a major source of violations related to the development and exploitation of oil fields. The adverse environmental situation in the country has been recognized at the legislative level, and a general course of action to reduce the burden on the environment has been outlined. According to the results of sociological studies, the ecological identity of the population in oil-producing regions is characterized by the following parameters: 73 % of respondents recognize the potential risk but assess the environmental situation as satisfactory. The proximity to the large hydrocarbon business, according to the population, is an additional resource for the territory development, and the measures taken by oil companies to maintain environmental well-being are sufficient. The media discourse found through «oil fields» search query is predominantly neutral, and environmental problems or environmental conflicts issues are not specifically pronounced in it. **Conclusions:** the effectiveness of environmental protection policy is determined by a strategy of compromise between all actors in the field of natural resources management and by the coordination of administrative and control measures objectives, legislative and legal practices and public instruments.

Keywords: public perception, oil spills, environmental justice, environmental identity, environmental conflicts, ecological media discourse, social consequences of oil spills, media coverage of incidents

Acknowledgements: the study was carried out with financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project no. FSNM-2020-0024 "Development of scientific foundations for environmentally friendly and nature-like technologies and rational use of natural resources in the field of extraction and processing of hydrocarbon raw materials".

For citation: Lektorova, Ju. Iu., Prudnikov, A. Iu., Kolkutina, V. P. and Sliusar, N. N. (2025), "Environmental policy in oil-producing regions of Siberia and the Urals: Implementation of environmental protection mechanisms", *Ars Administrandi*, vol. 17, no. 2, pp. 321–354, https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-321-354.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день проблематика экологии, экологической политики, экологической справедливости и урегулирования экологических конфликтов является приоритетной для большинства политических акторов не только в значительной части стран Глобального Севера, но и в странах, не принадлежащих к числу наиболее экономически благополучных. Политический дискурс в самых разных частях света преимущественно содержит идеи и принципы, провозглашающие в качестве первоочередных задачи по улучшению качества жизни и сохранению ресурсного потенциала планеты. Дискуссия возникает в большей степени не вокруг своевременности и уместности самой постановки вопроса, а в контексте определения приоритетов, целей и ответственных, а также поиска механизмов реализации (инструментов) защиты окружающей среды.

За последние два десятилетия экологическая политика стала одним из ключевых вопросов на уровне и горизонтальных, и вертикальных коммуникаций общества. В этой связи все чаще речь заходит о необходимости выделения в самостоятельные категории социальных наук таких феноменов, как экологическая политика, экологическая идентичность, экологическое сознание, экологический активизм и экологическая справедливость. Примерами этих явлений служат повсеместно расширяющиеся программы перехода к зеленой экономике, инициативы по поиску оптимальных решений для раздельного сбора твердых коммунальных отходов в домохозяйствах, созданию альтернативных источников энергии, сохранению вымирающих видов животных и т. д., в которые правящие круги вкупе с бизнес-группами пытаются вовлекать те или иные группы населения. Одновременно крупные промышленные предприятия заинтересованы в позиционировании себя как субъектов, соблюдающих принципы и стандарты ESG[1], и как спонсоров экологического волонтерского туризма. В высшей школе открываются отдельные направления подготовки, ориентированные на изучение экологической политики в публичном управлении. Экологические вопросы включаются

[1] ESG – аббр. от Environmental, Social, Governance.

в перечень тем, подлежащих обсуждению на разных уровнях принятия политических решений, и оказываются в информационной повестке большого числа акторов.

Вместе с тем экологическая политика во многих странах, включая Россию, не только сохраняет конструктивный и объединительный потенциал для тех, кто задействован в формировании и реализации программ защиты окружающей среды, но и таит в себе значимый конфликтогенный потенциал. Красноречивым подтверждением подобных тенденций в России служат такие значимые политические кризисы с выраженной экологической составляющей, как острое противостояние властей и общественности по поводу проекта строительства мусорного полигона на станции Шиес на границе Архангельской области и Республики Коми, активное противоборство местных сообществ Башкортостана по проекту промышленной разработки стерлитамакских шиханов, протесты в Московской области, связанные с кризисом системы утилизации отходов.

Как показывает международный опыт, причинами для возникновения напряженности или полноценных конфликтов на почве охраны окружающей среды могут служить самые разные отрасли хозяйственной деятельности, в том числе разработка и добыча нефти в непосредственной близости от мест проживания населения. Особенно остро данная проблема стоит сегодня в одной из стран-лидеров по нефтедобыче в мире – Нигерии, где противостояние между нефтедобывающими компаниями и местными сообществами нередко оборачивается вооруженными столкновениями и саботажем на промышленных объектах.

Вместе с тем в России нефтяная отрасль и нефтедобыча часто воспринимаются как один из основных источников экономической стабильности и благополучия территорий, в которых такая деятельность осуществляется непосредственно. При этом остается недооцененным фактор общественного недовольства, которое может демонстрировать местное население, неизбежно оказывающееся не только бенефициаром от соседства с местами добычи нефти (получая бонусы в виде относительно высокооплачиваемых рабочих мест или более или менее развитой социальной инфраструктуры, возводимой за счет поступления налоговых отчислений со стороны нефтедобывающих компаний), но и в группе риска, определяемой степенью загрязнения территории промышленными предприятиями. Следует отметить, что конфликты на почве несогласия населения с действиями нефтяных компаний в России пока не принимали характера массовых, острых и претендующих на включение в федеральную политическую и медиаповестку, однако на их периодическое возникновение и относительную распространенность указывают имеющиеся специальные публикации[2] и исследования (Тулаева и Тысячнюк, 2017) по данной проблематике.

[2] *Зуев Я.* Жители Коми выступили против варварского освоения тундры нефтяниками [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2015. 27 февр. URL: https://rg.ru/ 2015/02/27/reg-szfo/neft.html?ysclid=lxpzkge56x702912424 (дата обращения: 19.06.2024); *Истомин К.* В ХМАО был конфликт из-за священных мест: общественник Юрий Вэлла с топором бросался на машины ЛУКОЙЛа: беседа с экспертом по народам Севера К. Истоминым / записала Л. Саримова [Электронный ресурс] // Реальное время. 2017. 11 апр. URL: https://realnoevremya.ru/articles/61481-etnolog-o-konflikte-neftyanikov-i-gazovikov-s-narodami-severa (дата обращения: 19.06.2024); *Цепляев Е.* Коми-ижемцы борются с нефтяным гигантом за свое выживание [Электронный ресурс] // Миртесен. 2015. 25 янв. URL: https://glavnienovosti1.mirtesen.ru/blog/43447447485/Komi-izhemtsyi-boryutsya-s-neftyanyim-gigantom-za-svoe-vyizhivan (дата обращения: 19.06.2024).

Экология и экологическая политика входят в перечень вопросов, обсуждаемых широкой общественностью, поскольку воздействие окружающей среды (состояние воды и воздуха, например) на качество жизни испытывает каждый человек. Перечень актуальных для общества тем задает рамку публичной повестки дня – perceived community agenda (McCombs and Shaw, 1972). Дискуссия на экологические темы сопровождается формированием отношения к обсуждаемым вопросам и ценностных подходов. Таким образом, складываются условия для конструирования экологической идентичности, в основе которой лежит осознание единства общества с окружающей средой. Ощущение синергии с природой порождает в индивиде или обществе желание защитить мир вокруг, сохранив ресурсы для дальнейшей жизнедеятельности, стимулирует природоохранную деятельность и экологический активизм. Лишенный законодательной субъектности в отношении экологической политики гражданин (группа граждан) посредством общественной повестки становится актором (акторами) политики экологической идентичности, выражая свое одобрение или неодобрение решениям властей по экологическим вопросам.

Доказанное теоретиками воздействие СМИ на формирование общественного мнения и управленческого курса политического истеблишмента дает основания рассмотреть нефтегазовый медиадискурс как еще один общественный механизм, который может быть использован для защиты окружающей среды. В условиях декларируемого целым рядом стран неизбежного перехода к зеленой экономике, ее декарбонизации, необходимости сокращения добычи и потребления нефти медиадискурс, конструируемый в том числе российскими нефтегазовыми компаниями, представляет исследовательскую ценность. Создаваемые нарративы медиаполя выступают факторами формирования общественного мнения и инструментами имиджирования промышленного углеводородного бизнеса. Нефтегазовый медиадискурс расставляет информационные акценты в вопросах защиты окружающей среды, создавая рамку проблемного поля и возможных способов реагирования. Резонансные информационные поводы в СМИ оказываются на контроле в уполномоченных органах власти, влекут за собой принятие необходимых нормативно-правых документов, то есть трансформируются в политическую (институциональную) повестку.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Общей теоретической и методологической базой для настоящей работы послужили отечественные и зарубежные фундаментальные и прикладные исследования в области принятия политического решения (Дегтярев, 2002; Смаль, 2006), экологической политики (Яницкий, 2002), анализа воздействия СМИ на общественное сознание и формирование повестки дня (McCombs and Shaw, 1972; Bostrom et al., 2015; Odoemelam et al., 2021; Odoemelam and Hasan, 2021). Исследования в области экологической идентичности (Башмаков, 2018; Сорокоумова и Чердымова, 2021; Хайнацкая, 2022; El-Shahat, 2023; Sierra-Barón et al., 2023; Ozougwu et al., 2023; Sherry, 2022; Ilevbare et al.,

2018) легли в основу изучения социальных эффектов в регионах экологического риска.

При разработке дизайна исследования методологическими ориентирами выступили прикладные работы зарубежных авторов, изучающих кейсы стран, где проблематика социально-политических эффектов соседства локаций массового проживания населения и мест интенсивной нефтедобычи имеет особую актуальность. Среди таковых работ использовались прежде всего те, в фокусе внимания которых проблематика соблюдения экологической справедливости в районах нефтедобычи (Mckenzie et al., 2016; Adonteng-Kissi et al., 2021), особенности медиаосвещения проблем разливов нефти в местах проживания населения (Bostrom et al., 2015; Ireri et al., 2019; Odoemelam et al., 2021), социальное восприятие аварий на месторождениях (Oghenetega et al., 2020) и осведомленность о них, а также оценка воздействия разливов нефти на местные сообщества (Albert et al., 2018; De Freitas et al., 2022; Crayton and Naher, 2022; Proville et al., 2022; Ritchie et al., 2018; Ezeh et al., 2024, Colten et al., 2012), характер реагирования корпораций на социальные проблемы, связанные с издержками добычи нефти в районах проживания людей (Mbalisi and Okorie, 2020; Walker et al., 2021), и экологические конфликты в контексте нефтедобычи (Ozougwu et al., 2023; Lama, 2023).

Реконструкция механизмов экологической политики в отношении вопросов защиты окружающей среды и поддержания экологического благополучия включает анализ институциональных рамок, правового поля, надзорных практик уполномоченных органов и общественных реакций (рис. 1).

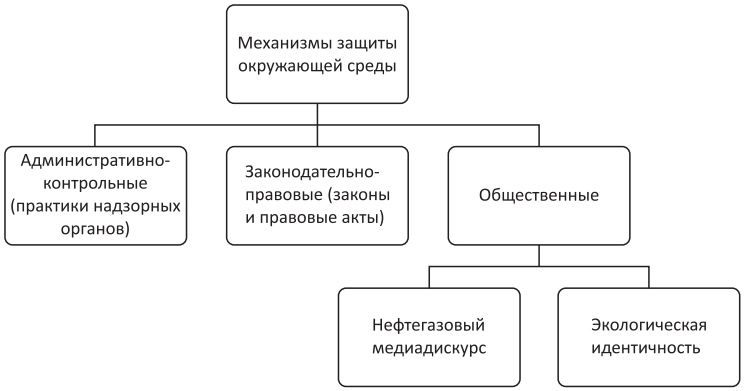

Рис. 1. Механизмы защиты окружающей среды в экологической политике нефтедобывающих регионов / Fig. 1. Mechanisms of environmental protection in the environmental policy of oil producing regions

Источник: составлено авторами.

Методом изучения административно-контрольных и законодательно-правовых механизмов (инструментов) защиты окружающей среды является кабинетное исследование; материал исследования – региональные нормативные и правовые акты в области экологии, результаты мониторинга экологической обстановки.

Поскольку одним из значимых условий реализации экологической политики и защиты окружающей среды являются общественные механизмы, то в основу данного исследования легли как методы, позволяющие изучать экологическую идентичность через восприятие местными сообществами проблематики экологических рисков, связанных с нефтедобычей, так и методы оценки нефтегазового медиадискурса.

Методом изучения экологической идентичности стал социологический опрос: анкетный опрос (анкета на самозаполнение и анкета на заполнение интервьюером) и социологический опрос в таргетированной рекламе. В соответствии с методикой исследования респондентам предлагалось ответить на вопросы, связанные с оценкой экологической обстановки и экологических рисков, вызванных территориальной близостью проживания с нефтяными месторождениями, с осведомленностью респондентов об участии нефтяных компаний в развитии территорий и оценкой способов решения проблем устранения экологических последствий от нефтедобычи.

Для обоснования выборки использовался квотный отбор (выборка с предварительно заданным значением: жители разных территорий). Среди видов выборки применялись разовая, одноступенчатая (квотный отбор из генеральной совокупности). Совокупная выборка исследования составила 934 респондента. Генеральная совокупность – 4 116 346 человек[3]. Доверительная вероятность (надежность исследования) составила 95 %. Временной интервал социологического опроса: октябрь 2021 – декабрь 2021 года, апрель – май 2024 года.

Возрастной портрет респондентов распределился между группой молодых людей в возрасте до 18 лет (17,6 %) и группами респондентов, достигших возраста совершеннолетия (от 19 до 24 лет – 26 %, от 25 до 44 – 40,4 %, от 45 лет – 16 %). Гендерный состав респондентов характеризуется соотношением мужчин и женщин в пропорции, близкой 1:1 (52,8 % ответов мужчин и 47,2 % ответов женщин).

Социологический опрос проводился в разных городах Российской Федерации, граничащих с крупнейшими нефтяными месторождениями:

1) на территориях в черте 40-километровой зоны разрабатываемого Ханты-Мансийского месторождения (г. Ханты-Мансийск);

2) на территориях, относящихся к 40-километровой зоне разрабатываемых Самотлорского и Мегионского нефтяных месторождений (гг. Нижневартовск, Мегион, Излучинск, Сургут);

3) на территориях вблизи разрабатываемого Когалымского нефтяного месторождения (г. Когалым);

4) на территориях, наиболее приближенных к разрабатываемому Уренгойскому нефтегазоконденсатному месторождению (гг. Н. Уренгой и Салехард, пос. Пангоды);

5) на территориях в черте 40-километровой зоны разрабатываемого Оренбургского нефтегазоконденсатного месторождения (г. Оренбург).

[3] Численность жителей Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Оренбургской области по данным Росстата по состоянию на 1 января 2024 года.

География участников социологического исследования составила: 13 % респондентов (121 ответ) – жители Ямало-Ненецкого автономного округа (преимущественно жители г. Новый Уренгой, а также г. Салехард и пос. Пангоды); 45 % респондентов (424 ответа) проживают на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (преимущественно жители гг. Сургут и Нижневартовск, а также гг. Ханты-Мансийск, Мегион, Излучинск и Когалым); 42 % опрошенных (389 ответов) – жители, указавшие в качестве места постоянного проживания Оренбургскую область (преимущественно жители г. Оренбурга).

С целью анализа экологической идентичности населения нефтедобывающих регионов были сформулированы следующие гипотезы, характеризующие способы согласования интересов основных стейкхолдеров экологической политики по вопросам защиты окружающей среды и поддержания экологического благополучия:

1. Население территорий, прилегающих к местам разработки нефтяных/нефтегазовых месторождений, оценивает экологическую обстановку как неудовлетворительную и осознает потенциальные экологические риски. Доминирующим способом отстаивания собственных интересов и защиты окружающей среды является общественный протест против власти и бизнеса, которые представляются источником угрозы.

2. Население территорий, прилегающих к местам разработки нефтяных/нефтегазовых месторождений, оценивает экологическую обстановку как неудовлетворительную и осознает потенциальные экологические риски. Коллективное решение вопроса защиты окружающей среды уступает место индивидуальному поиску экологически более благополучного места для переезда. Диалога общества с властью и бизнесом не происходит.

3. Население территорий, прилегающих к местам разработки нефтяных/нефтегазовых месторождений, оценивает экологическую обстановку как удовлетворительную, при этом осознает потенциальные экологические риски. Основным механизмом защиты окружающей среды видится усиление государственных контрольных практик и надзорных функций.

4. Население территорий, прилегающих к местам разработки нефтяных/нефтегазовых месторождений, оценивает экологическую обстановку как удовлетворительную и считает, что жизни и здоровью угрозы нет. Население удовлетворено мерами экологической безопасности, принимаемыми бизнесом и властью.

5. Население территорий, прилегающих к местам разработки нефтяных/нефтегазовых месторождений, оценивает экологическую обстановку как удовлетворительную и воспринимает соседство с углеводородным бизнесом как фактор экономической стабильности и развития территории.

Методом изучения нефтегазового медиадискурса выбран мониторинг средств массовой информации, выполненный с помощью аналитической программы, разработанной компанией «Медиалогия»[4]. Нефтегазовый медиадискурс проанализирован как совокупность трех медиарейтингов:

[4] *Медиалогия* [Электронный ресурс]: офиц. сайт компании. URL: https://www.mlg.ru/ (дата обращения: 19.06.2024).

1) медиарейтинг нефтегазовых месторождений;

2) медиарейтинг нефтегазовых компаний;

3) медиарейтинг нефтегазовых инцидентов (аварий).

С точки зрения методики анализа нефтегазового медиадискурса медиарейтинг реконструирован с помощью таких параметров медийного поля, как:

1) количество сообщений;

2) тональность сообщений;

3) медиаиндекс сообщений;

4) СМИ по регионам;

5) СМИ по уровням;

6) информационные поводы;

7) смысловые координаты медиарейтинга (частотность лексических единиц сообщений);

8) типы нарративов нефтегазового медиадискурса.

Первый мониторинг выполнен по запросу «нефтяные месторождения». Категории анализируемых СМИ: газеты, журналы, Интернет, информагентства, радио, телевидение. Временной период – с 5 сентября 2017 года по 5 октября 2021-го. Общее количество проанализированных сообщений – 162 637 единиц.

Второй мониторинг СМИ выполнен по запросу «нефтяные компании». Он позволил выявить медиарейтинг и МедиаИндекс[5] нефтяных компаний, осуществляющих обслуживание нефтяных месторождений. Категории анализируемых СМИ и временной период те же, что и при проведении первого мониторинга. Общее количество изученных сообщений – 188 032 единицы.

Специальные запросы в рамках мониторинга были сформированы исходя из принципа «нефтяное месторождение – крупнейшие добывающие компании, осуществляющие его разработку». Выборка объектов мониторинга включала:

1) Ханты-Мансийское месторождение: ООО «Газпромнефть-Хантос», ООО «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь», ПАО «Сургутнефтегаз»;

2) Оренбургское нефтегазоконденсатное месторождение: ООО «Газпром добыча Оренбург»;

3) Самотлорское нефтяное месторождение: АО «Самотлорнефтегаз»;

4) Мегионское нефтяное месторождение: ПАО «Славнефть-Мегионнефтегаз»;

5) Уренгойское нефтегазоконденсатное месторождение: ООО «Газпром добыча Уренгой».

Третий мониторинг СМИ выполнен по запросу «разлив нефти» с 2013 по 2023 год и позволил реконструировать в информационном поле тему нефтегазовых инцидентов (аварий). Общее количество сообщений – 161 545 единиц.

Важным параметром оценки нефтегазового медиадискурса является анализ ключевых информационных поводов, освещенных в СМИ[6].

[5] Показатель МедиаИндекса – это метрика, разработанная компанией «Медиалогия», которая позволяет оценить тональность сообщения, заметность его расположения в издании и влиятельность самого издания. Метрика компании специально разработана для анализа эффективности PR и SMM.

[6] Информационный повод – это одно или несколько событий, которые являются причиной информационного обсуждения обществом, формирования мнений и взглядов. При анализе

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для анализа имплементации административно-контрольных и законодательно-правовых механизмов защиты окружающей среды в качестве модельной определена территория Западной Сибири, где добывается до 65 % всей нефти в стране, разрабатываются наиболее крупные в России месторождения, присутствуют крупнейшие нефтедобывающие компании и наиболее остро стоит вопрос экологического ущерба, наносимого в результате нефтедобычи поблизости от мест проживания людей. Выбор Ханты-Мансийского автономного округа – Югры объясняется также тем, что на территории данного региона располагается крупнейшее месторождение в России (вблизи озера Самотлор) и доля добычи углеводородов составляет 42 % от всех российских показателей[7].

По данным ежегодного доклада об экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе, «общая протяженность сети трубопроводов на территории … составляет 117,2 тыс. км (в том числе магистральные трубопроводы – 16,4 тыс. км)»[8]. В 2022 году компании подали сведения о 2 777 инцидентах, связанных с добычей углеводородного сырья, в том числе на нефтепроводах (1 241 авария), водоводах (1 498) и газопроводах (35). По сравнению с предыдущим годом количество аварийных отказов возросло в 2,2 раза: в 2021 году зарегистрирован 1 231 аварийный отказ. Среди основных причин аварий признана коррозия трубопровода – 2 495 случаев (93 %). Максимальной аварийностью отличаются Нижневартовский (73 %) и Нефтеюганский (18 %) районы. Как следует из данных доклада, 72 % аварийных отказов происходит на предприятии АО «Самотлорнефтегаз»[9].

Административно-контрольные механизмы (инструменты) реализации экологической политики (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры)

С учетом природной и ресурсной специфики Ханты-Мансийского автономного округа в регионе институционализированы практики и механизмы надзора и контроля в отношении нефтегазовых компаний, предусматривающие участие как федеральных, так и региональных органов власти, среди которых:

информационного повода необходимо учитывать количество сообщений (включая перепечатки), охват из открытых источников (аудитория издания) и заметность сообщения (кумулятивный параметр, который учитывает «рекламный эквивалент» публикации в зависимости от номера полосы, объема сообщения, тиража, посещаемости).

[7] *Доля* Югры в общероссийской добыче нефти составила 42 % [Электронный ресурс] // Офиц. сайт ГТРК «Югория». 2023. 23 марта. URL: https://www.ugoria.tv/news/2023/03/23/44389 (дата обращения: 20.06.2024).

[8] *Доклад* об экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономной округе – Югре в 2022 году. С. 121 [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Службы по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов живот. мира и лес. отношений Ханты-Мансийс. авт. окр. – Югры (Природнадзор Югры). URL: https://prirodnadzor.admhmao.ru/doklady-i-otchyety/doklad-ob-ekologicheskoy-situatsii-v-khanty-mansiyskom-avtonomnom-okruge-yugre/8998458/2022-god-/ (дата обращения: 20.06.2024).

[9] Там же. С. 153.

– Северо-Уральское межрегиональное управление Росприроднадзора[10] – территориальный орган Федеральной службы по надзору в сфере природопользования. Данный орган осуществляет отдельные функции Росприроднадзора на территории Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, а также на территории Красноярского края. Управление подчиняется центральному аппарату Росприроднадзора, который подотчетен Минприроды России. Управление выстраивает взаимодействие с полномочными представителями Президента Российской Федерации в федеральных округах, органами государственной власти и местного самоуправления. Главная задача управления – осуществление контроля за результативностью и качеством работы уполномоченных региональных органов исполнительной власти в части переданных им полномочий в сфере экологической политики;

– Служба по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (Природнадзор Югры[11]). Она осуществляет государственный надзор в отношении объектов животного мира и среды их обитания, а также реализует охотничий, лесной, геологический надзор. Орган подотчетен правительству региона, наделен правом внесения губернатору государственных программ в области охраны окружающей среды и осуществления экологической экспертизы;

– Управление Росреестра по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре[12];

– Отдел государственного контроля, надзора, охраны водных биологических ресурсов и среды их обитания по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре[13];

– Координационный совет в области охраны окружающей среды в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре[14];

---

[10] *Об утверждении* Положения о Северо-Уральском межрегиональном управлении Федеральной службы по надзору в сфере природопользования [Электронный ресурс]: приказ Федер. службы по надзору в сфере природопользования от 27.08.2019 № 489. URL: https://base.garant.ru/73022858/ (дата обращения: 19.06.20024).

[11] *Служба* по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений Ханты-Мансийского автономного округа – Югра [Электронный ресурс]: офиц. сайт. URL: https://prirodnadzor.admhmao.ru/ (дата обращения: 19.06.2024).

[12] *Управление* Росреестра по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре [Электронный ресурс]: офиц. сайт Федер. службы гос. регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). URL: https://rosreestr.gov.ru/about/struct/territorialnye-organy/upravlenie-rosreestra-po-khanty-mansiyskomu-avtonomnomu-okrugu-yugre/ (дата обращения: 19.06.2024).

[13] *Отдел* государственного контроля, надзора, охраны водных биологических ресурсов и среды их обитания по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре [Электронный ресурс]: офиц. сайт Нижнеоб. территор. упр. Федер. агентства по рыболовству. URL: https://rosreestr.gov.ru/about/struct/territorialnye-organy/upravlenie-rosreestra-po-khanty-mansiyskomu-avtonomnomu-okrugu-yugre/ (дата обращения: 19.06.2024).

[14] *О Координационном* совете в области охраны окружающей среды в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (вместе с Положением о Координационном совете в области охраны окружающей среды в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре) [Электронный ресурс]: Постановление губернатора Ханты-Мансийс. авт. окр. – Югры от 07.07.2009 № 101. URL: https://base.garant.ru/18927377/ (дата обращения: 19.06.2024).

Таблица / Table

Государственный экологический надзор / State environmental supervision

	Количество проверок			Количество предписаний об устранении правонарушений			Количество возбужденных уголовных дел			Количество рассмотренных административных дел			Сумма предъявленных (наложенных) административных штрафов (тыс. руб.)		
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Северо-Уральское межрегиональное управление Росприроднадзора	241	387	544	65	143	25	0	0	867	688	789	422	45 567	67 072	34 236
Природнадзор Югры	31	117	23	45	113	19	-	-	-	-	-	-	6 321	13 072	2 239

Источник: составлено авторами по данным доклада об экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2022 году[15].

[15] *Доклад* об экологической ситуации… С. 162–165.

– Межведомственная комиссия по противодействию незаконным рубкам лесных насаждений и незаконному обороту древесины на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры[16].

Так, наблюдается следующая динамика реализации государственных надзорных действий в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (табл.).

Анализ сводных данных из таблицы иллюстрирует рост количества проверок и возбужденных уголовных дел со стороны надзорных органов. Статистика рассмотренных административных дел в 2022 году снижается по сравнению с предыдущими годами, сумма наложенных административных штрафов остается ничтожно малой по сравнению с доходами нефтегазовых компаний. При этом территориальным органом Росприроднадзора в 2022 году возбуждено 867 уголовных дел в части нарушения экологической безопасности региона. Изучение экологической обстановки в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре выявило источник основных нарушений природоохранного законодательства – освоение нефтяных месторождений и добыча углеводородного сырья.

Реализацией надзорных практик в регионе занимается Ханты-Мансийская межрайонная природоохранная прокуратура[17], которая в 2022 году выявила 1 077 нарушений закона, вынесла 163 представления, по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной ответственности было привлечено 126 должностных лиц, к административной ответственности по постановлениям прокуратуры – 111 лиц, объявлено 42 предостережения о недопустимости нарушений закона, в суд заявлено 108 исков, вынесено 23 протеста[18].

Постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры утверждены Требования к разработке планов по предупреждению и ликвидации разливов нефти, нефтепродуктов, газового конденсата и подтоварной воды[19]. В 2022 году нефтяные компании предоставили в Природнадзор Югры 101 отчет об исполнении указанных требований[20].

При этом в округе в отношении нефтегазовых компаний действует система налоговых льгот[21] (налог на имущество в части основных фондов природо-

---

[16] *О межведомственной* комиссии по противодействию незаконным рубкам лесных насаждений и незаконному обороту древесины на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (вместе с Положением о межведомственной комиссии по противодействию незаконным рубкам лесных насаждений и незаконному обороту древесины на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) [Электронный ресурс]: Постановление губернатора Ханты-Мансийс. авт. окр. – Югры от 13.04.2013 № 51. URL: base.garant.ru/19019139/ (дата обращения: 19.06.2024).

[17] *Об организации* прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере [Электронный ресурс]: приказ Генер. прокуратуры Рос. Федерации от 15.04.2021 № 198. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400558868/ (дата обращения: 20.06.2024).

[18] *Доклад* об экологической ситуации... С. 178.

[19] *О Требованиях* к разработке планов по предупреждению и ликвидации разливов нефти, нефтепродуктов, газового конденсата, подтоварной воды на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Ханты-Мансийс. авт. окр. – Югры от 14.01.2011 № 5-п. URL: https://base.garant.ru/18929996/ (дата обращения: 19.06.2024).

[20] *Доклад* об экологической ситуации... С. 224.

[21] Там же. С. 223.

охранного назначения; налог на прибыль организаций, которые занимаются обработкой и утилизацией отходов; налог на прибыль для операторов по обращению с твердыми коммунальными отходами) при внедрении передовых технологий и инновационных мер по охране окружающей среды, что делает модернизацию производства для углеводородного бизнеса выгодной.

Таким образом, анализ административно-контрольных механизмов защиты окружающей среды на примере крупнейшего региона по добыче углеводородов выявил практики и тенденции надзорных органов: увеличение числа проверок и применение налоговых льгот для предприятий, внедряющих инновационные способы защиты окружающей среды.

Законодательно-правовые механизмы (инструменты) реализации экологической политики (на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры)

Нормативное правовое поле в области экологической политики – это комплекс федеральных и региональных законов, имеющих стратегическое значение для развития страны.

На национальном уровне стратегия экологической политики задекларирована в Экологической доктрине Российской Федерации[22], Основах государственной политики в области экологического развития[23] и национальном проекте «Экология»[24]. Все документы фиксируют неблагоприятную экологическую обстановку, угрозу высокого загрязнения воздуха в городах, ухудшение состояния почвы и рост отходов, не подлежащих вторичной переработке. В качестве мер реагирования на существующие проблемы предлагается внедрять практику экологической экспертизы, аудита и единой системы мониторинга, оптимизировать процедуру распределения ответственности за нарушения в сфере природопользования, вводить запрет на захоронение не прошедших сортировку отходов, стимулировать компании, которые реализуют ответственную экологическую политику, инкорпорировать вопросы охраны окружающей среды в образовательные стандарты.

Отдельное направление в стратегии экологической политики было сформулировано в 2021 году и связано с принятием Федерального закона «Об ограничении выбросов парниковых газов»[25]. На законодательном уровне была установлена обязанность компаний предоставлять углеродную отчетность, что позволило создать информационную основу для управления выбросами парниковых газов. Параллельно документ закрепил право предприятий

[22] *Об экологической* доктрине Российской Федерации [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 31.08.2002 № 1225-р. URL: https://base.garant.ru/2158906/ (дата обращения: 19.06.2024).

[23] *Основы* государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года [Электронный ресурс]: утв. Президентом Рос. Федерации от 20.04.2021. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/ doc/70069264/ (дата обращения: 19.06.2024).

[24] *Паспорт* национального проекта «Национальный проект “Экология”» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402605395/ (дата обращения: 19.06.2024).

[25] *Об ограничении* выбросов парниковых газов [Электронный ресурс]: Федер. закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/401420454/ (дата обращения: 21.06.2024).

на модернизацию производственного комплекса путем реализации климатических проектов по снижению углеродного следа.

На региональном уровне, на примере Ханты-Мансийского автономного округа, прослеживается курс политического истеблишмента на имплементацию федеральной экологической доктрины. Власти округа приняли Стратегию социально-экономического развития до 2036 года с целевыми ориентирами до 2050 года[26], концепции экологической безопасности[27] и обращения с отходами[28]. Другая группа региональных нормативных правовых актов регулирует аспекты недропользования и охраны окружающей среды, отдельные вопросы в области водных и лесных отношений, охотничьих ресурсов и охраны животного мира.

Особое внимание региональные власти уделяют формированию экологического сознания населения, ответственного поведения всех заинтересованных субъектов природопользования через серию образовательно-просветительских проектов. Данное направление имеет институциональное основание: создана межведомственная комиссия по экологическому образованию, просвещению и формированию экологической культуры[29]. На территории округа получило распространение экологическое движение. Так, в 2022 году Международная экологическая акция «Спасти и сохранить»[30] прошла под девизом «Стабильный климат – здоровая планета» и включила 7 064 эколого-просветительских и природоохранных мероприятия, собрав 590 414 участников[31]. Для развития экологического движения в том же году

---

[26] *О Стратегии* социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2036 года с целевыми ориентирами до 2050 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Ханты-Мансийс. авт. окр. – Югры от 03.11.2022 № 679-рп. URL: https://base.garant.ru/405606575/ (дата обращения: 21.06.2024).

[27] *О Концепции* экологической безопасности Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на период до 2020 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Ханты-Мансийс. авт. окр. – Югры от 10.04.2007 № 110-рп. URL: https://base.garant.ru/19020062/ (дата обращения: 21.06.2024).

[28] *О Концепции* обращения с отходами производства и потребления в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Ханты-Мансийс. авт. окр. – Югры от 03.06.2011 № 191-п. URL: https://base.garant.ru/18930672/ (дата обращения: 21.06.2024).

[29] *О межведомственной* комиссии по экологическому образованию, просвещению и формированию экологической культуры в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (вместе с Положением о межведомственной комиссии по экологическому образованию, просвещению и формированию экологической культуры в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре) [Электронный ресурс]: Постановление губернатора Ханты-Мансийс. авт. окр. – Югры от 02.09.2002 № 157. URL: https://base.garant.ru/18912152/ (дата обращения: 21.06.2024).

[30] *О Международной* экологической акции «Спасти и сохранить» в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (вместе с Положением о Международной экологической акции «Спасти и сохранить» в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре) [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Ханты-Мансийс. авт. окр. – Югры от 29.11.2007 № 298-п. URL: https://base.garant.ru/18923392/ (дата обращения: 19.06.2024).

[31] *Итоги* XIX Международной экологической акции «Спасти и сохранить». С. 19–20 [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Службы по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов живот. мира и лес. отношений Ханты-Мансийс. авт. окр. – Югра. 2022. URL: https://prirodnadzor.admhmao.ru/formirovanie-ekologicheskoy-kultury/mezhdunarodnaya-ekologicheskaya-aktsiya-spasti-i-sokhranit/arkhiv/xix-mezhdunarodnaya-ekologicheskaya-aktsiya-spasti-i-sokhranit-2022-god/itogi-aktsii/7911229/otchet/ (дата обращения: 21.06.2024).

в ХМАО была проведена имитационно-ролевая игра «Глобальный вопрос», объединившая 216 участников из Черногории, Чехии, Беларуси, Армении и России под эгидой регионального молодежного общественного экологического движения «Третья планета от Солнца»[32].

Исследование применения законодательно-правовых механизмов защиты окружающей среды на примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры выявило курс на продолжение и закрепление федеральной политики: внедрение углеродной отчетности, стимулирование промышленных компаний, использующих инновационные меры защиты окружающей среды, а также развитие экологического движения.

Общественные механизмы (инструменты) реализации экологической политики: экологическая идентичность населения и нефтегазовый медиадискурс

Социальная ткань жизни общества всегда сложнее институциональных рамок и теоретических моделей. С целью получения наиболее релевантного общественного мнения и реконструирования экологической идентичности населения на территориях, расположенных вблизи нефтяных месторождений, география социологического исследования охватила регионы от Урала до Сибири.

Экологическая идентичность населения

Для чистоты социологического исследования была выявлена аффилированность респондентов со сферой нефтегазодобычи. По данным опроса (вопрос из анкеты «*Имеете ли Вы отношение к отрасли нефте- и газодобычи?*»), большинство респондентов не имеет прямого отношения к этой сфере. Среди работающих в данной отрасли – 17 % респондентов; 52 % респондентов имеют к ней опосредованное отношение (работают их родственники и друзья).

Важным параметром замера общественной экологической идентичности является отношение населения к территориальной близости нефтяного месторождения к месту их проживания (вопрос из анкеты «*Ваше отношение к тому факту, что город, в котором Вы проживаете, находится рядом с нефтяным месторождением?*»). Большинство респондентов (79 %) высказывают либо нейтральное, либо позитивное отношение к факту присутствия рядом с местом их проживания нефтяного бизнеса, ведущего деятельность по разработке близлежащего нефтяного месторождения. Скорее негативное или резко негативное отношение к этой деятельности высказывают не более 21 % опрошенных.

Отвечая на вопрос из анкеты «*Как Вы оцениваете экологическую ситуацию в своем городе?*», респонденты признают экологическую обстановку как при-

[32] *Итоги* игры «Глобальный вопрос» [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Службы по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды… URL: https://prirodnadzor.admhmao.ru/formirovanie-ekologicheskoy-kultury/konkursy-meropriyatiya/meropriyatiya/arkhiv/setevaya-imitatsionno-rolevaya-igra-globalnyy-vopros/arkhiv/2022/8080841/itogi-igry-globalnyy-vopros/ (дата обращения: 21.06.2024).

годную для проживания: благополучной называют ее 18 % участников опроса, удовлетворительной – 53 %. Треть респондентов считают экологическую ситуацию неудовлетворительной (20 %) и катастрофической (9 %).

В рамках исследования респондентам было предложено ответить на вопрос: «*Согласны ли Вы с утверждением: город рядом с нефтяным месторождением всегда будет в зоне экологического риска и должен быть готов к экологической катастрофе в любое время?*». Потенциал риска признают 73 % респондентов, для 27 % опрошенных риска не существует. Можно предположить, что риск ощущает та часть населения, которая осведомлена об авариях на месторождениях (вопрос из анкеты «*В последние годы приходилось ли Вам слышать об авариях или чрезвычайных ситуациях, которые происходили поблизости от Вашего города при добыче или транспортировке нефти или газа?*»). Результаты опроса показали: 53,8 % респондентов слышали про инциденты; 18 % не слышали, но уверены, что инциденты были, однако не предавались огласке; треть опрошенных (28,2 %) не слышали и полагают, что аварии не происходят.

Несмотря на осознание риска и осведомленность про инциденты, жители опрашиваемых территорий уверены, что предприятия принимают необходимые меры для экологической безопасности на месторождениях. На вопрос из анкеты «*Оцените организацию экологической защиты и безопасности нефтедобычи на месторождениях вблизи Вашего города (населенного пункта)*» 27 % респондентов считают, что экологическая защита и безопасность организованы на высоком уровне, 61 % – на удовлетворительном. Низкий уровень называют 9 % населения, еще 3 % опрошенных понимают, что возможны непредвиденные ситуации.

В ходе исследования респондентам было предложено ответить на вопрос: «*Согласны ли Вы с утверждением, что нефтяная компания, ведущая добычу рядом с Вашим городом, принимает достаточные и необходимые меры по поддержанию экологического благополучия места Вашего проживания*?». Так, 70,4 % согласны с утверждением (учитывались ответы респондентов «да» и «скорее да»); 30,6 % испытывают обеспокоенность.

Экологическая идентичность населения анализируемых регионов характеризуется низким уровнем осведомленности о работе конкретных компаний. На вопрос из анкеты «*Знаете ли Вы, какие компании разрабатывают нефтяные месторождения поблизости от Вашего города? Если да, то назовите их/ее*» 37 % не смогли назвать ни одной компании, а 63 % опрошенных попытались, но выразили сомнение.

Одновременно в подавляющем большинстве случаев респонденты склонны отмечать позитивные эффекты присутствия в их городе или населенном пункте нефтяной компании (название которой преимущественно затрудняются назвать), ведущей добычу на близлежащем месторождении (вопрос из анкеты «*Какие инфраструктурные и социальные возможности дает Вашему городу нефтяная компания, ведущая рядом разработку нефтегазового месторождения?*»):

– компания строит множество детских площадок (41 %);

– благодаря компании город выглядит заметно лучше многих других городов: ремонтируются дороги, развивается инфраструктура (38 %);

– компания содержит и строит спортивные объекты: стадионы, спортплощадки, велодорожки и т. д. (34 %);

– компания постоянно организует городские праздники, фестивали – жизнь в городе становится нескучной (28 %);

– компания инвестирует в экологическое благополучие города: при ее участии создаются и реконструируются парки, скверы и т. д. (25 %).

Только 10 % респондентов не видят преимуществ от проживания рядом с месторождениями; 7 % опрошенных признают негативные последствия (компании «*разрушают экологию*», «*ничего хорошего для простых жителей города не делается*», «*может быть, только торговые центры*», «*никаких поощрений, кроме загрязнения*», «*ничего не знаю про это*»).

В системе экологических ценностей населения нефтедобывающих регионов добыча и переработка нефти не является основным источником загрязнения окружающей среды. На вопрос из анкеты «*Что, по Вашему мнению, представляет наибольшую экологическую опасность для окружающей среды Вашего города (присвойте максимальный балл наиболее опасному фактору, минимальный – наименее опасному)*» мнения респондентов разделились. Наиболее опасными для экологии жители считают твердые бытовые отходы (29 %), вырубку лесов (22 %) и промышленность (18 %). Урон окружающей среде от добычи нефти (10 %) сопоставим, по мнению респондентов, с негативным воздействием от использования автотранспорта (13 %).

Детализация негативного влияния деятельности нефтегазовых компаний (вопрос из анкеты «*Какой вред наносится городам, находящимся поблизости от нефтяных или нефтегазовых месторождений? Выберите один или несколько вариантов ответов. Если подходящих среди них не нашлось, то напишите свой вариант в строке ответа «другое»*) разделила респондентов на тех, кто не признает явного вреда (46 %), и сторонников неблагоприятного воздействия (54 %). В качестве негативного влияния участники опроса назвали ухудшение экологической обстановки в целом, изменение качества воздуха, снижение качества питьевой воды.

Соглашаясь с негативным воздействием, которое оказывает нефтегазовый бизнес на окружающую среду, жители не демонстрируют эмиграционных настроений. На вопрос из анкеты «*Планируете ли Вы переехать из города, расположенного поблизости от мест разработки нефтегазовых месторождений?*» «чемоданные настроения» разделяют 26 % респондентов (ответ из опроса «*мечтаю переехать*»), не рассматривают возможность переезда 26 % и не видят опасности в территориальной близости проживания с местами нефте- и газодобычи 36 % опрошенных.

В контексте поиска механизмов защиты окружающей среды, по мнению респондентов, необходимо конкретизировать административно-контрольные инструменты:

1) ужесточить ответственность нефтяников за аварии на месторождениях при активизации работы правоохранительных органов;

2) правоохранителям повысить активность в борьбе с незаконной нефтедобычей;

3) строить водо- и воздухоочистительные станции в городах, испытывающих негативное влияние нефтедобычи;

4) нефтяникам чаще обновлять технологическое оборудование и более жестко следить за соблюдением регламентов;

5) нефтедобывающим компаниям тщательнее следить за экологической ситуацией вблизи мест добычи и трубопроводов;

6) нефтяникам чаще осуществлять инициативы по экологической компенсации своей работы.

В ходе исследования подтверждение получила третья гипотеза, ставшая актуальной для территорий Урала и Сибири: население территорий, прилегающих к местам разработки нефтяных/нефтегазовых месторождений, признает экологическую обстановку удовлетворительной и при этом осознает потенциальные экологические риски. Основным механизмом защиты окружающей среды должно стать, по мнению респондентов, усиление государственных контрольных практик и надзорных функций. Нефтегазовый бизнес воспринимается как фактор экономической стабильности территории и благополучия населения. В целом жители регионов удовлетворены мерами по обеспечению экологической безопасности, принимаемыми бизнесом и властью.

Нефтегазовый медиадискурс

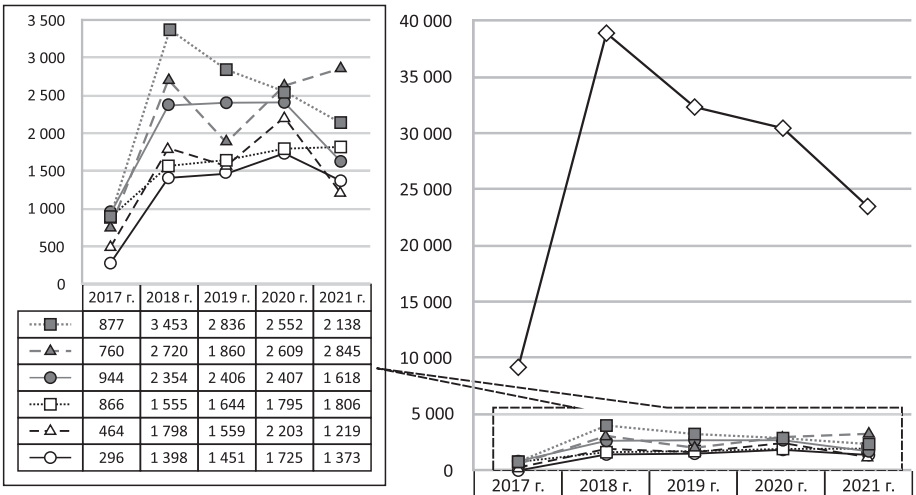
1. Медиарейтинг нефтегазовых месторождений составлен с помощью мониторинга СМИ по запросу «нефтяные месторождения» за период с 2017 по 2021 год. Повышенное внимание СМИ к данному вопросу зафиксировано в 2019 году и составило 50 107 сообщений.

Данные мониторинга СМИ отражают географию распространения проблематики «нефтяные месторождения» преимущественно в столичном регионе – Москве (83 891 сообщение). Вторая крупная территориальная группа – Санкт-Петербург (6 394 сообщения) и Ханты-Мансийский автономный округ (6 389). Одновременно данная проблематика получила освещение в СМИ Республики Татарстан (2 518 сообщений), Свердловской (2 055), Московской (1 517) и Тюменской (1 494) областях, а также Республики Башкортостан (1 464), Новосибирской области (1 455) и Республики Коми (1 359).

Освещаемая в СМИ проблематика «нефтяные месторождения» транслировалась в контексте определенной системы смысловых координат. Так, наиболее частотные лексические единицы, сопровождавшие данную проблематику, имеют нейтральную коннотацию: «месторождение» (41 570 сообщений), «нефтяной» (31 789), «нефть» (30 815), «добыча» (11 589), «скважина» (8 013). При этом в смысловом поле значимое место занимают лексические единицы, отражающие геополитический аспект проблематики: Сирия упоминается в 21 445 сообщениях, США – в 21 445. Тем самым можно предположить, что нефтегазовый медиадискурс по запросу «нефтяные месторождения» преимущественно нейтральный и не имеет ярко выраженной проблемы экологического неблагополучия или экологических конфликтов.

2. Медиарейтинг нефтегазовых компаний составлен с помощью мониторинга СМИ по запросу «нефтяные компании» за период с 2017 по 2021 год.

В медиарейтинге нефтегазовых компаний определен лидер по количеству новостных упоминаний – компания «Сургутнефтегаз» (134 321 сообщение). Далее по частотности – ООО «ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь» (11 856 единиц), ООО «Газпром добыча Оренбург» (10 794), ООО «Газпром добыча Уренгой» (9 729), АО «Самотлорнефтегаз» (7 666), ООО «Газпромнефть-Хантос» (7 423), ПАО «Славнефть-Мегионнефтегаз» (6 243) (рис. 2).

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
«Сургутнефтегаз»	9 139	38 795	32 363	30 696	23 328
«ЛУКОЙЛ-Западная Сибирь»	877	3 453	2 836	2 552	2 138
«Газпром добыча Оренбург»	760	2 720	1 860	2 609	2 845
«Газпром добыча Уренгой»	944	2 354	2 406	2 407	1 618
«Самотлорнефтегаз»	866	1 555	1 644	1 795	1 806
«Газпромнефть -Хантос»	464	1 798	1 559	2 203	1 219
«Славнефть-Мегионнефтегаз»	296	1 398	1 451	1 725	1 373

Рис. 2. Количество упоминаний проблематики «нефтяные компании» в СМИ / Fig. 2. Number of references to "oil companies" issue in media

Источник: рис. 2–5 составлены авторами по данным компании «Медиалогия».

Количество негативных публикаций о каждой из указанных компаний не превышает 7 % в структуре сообщений о них, количество нейтральных упоминаний при этом составляет примерно 66–85 %. Среди выделенных для изучения компаний есть лидеры по количеству позитивных упоминаний (рис. 3): «Славнефть-Мегионнефтегаз» (33 % позитивных упоминаний), «Самотлорнефтегаз» (27 %) и «Газпромнефть-Хантос» (23 %).

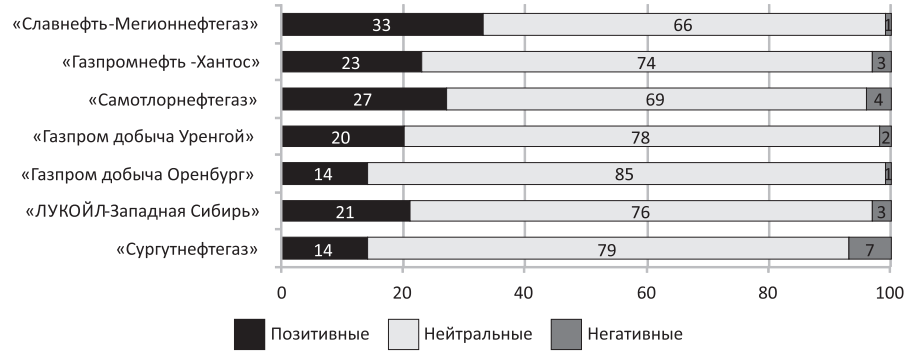

Рис. 3. Тональность сообщений в СМИ, % / Fig. 3. Media message tonality, %

3. Медиарейтинг нефтегазовых инцидентов. Нельзя сказать, что тема экологических инцидентов, связанных с добычей углеводородов, остается незамеченной СМИ. Так, за десятилетний период (2013–2023 годы) в связи с разливами нефти в российских СМИ вышло 161 545 сообщений. Благодаря медиаметрии можно увидеть, что за последние годы количество такого рода публикаций росло, и особенно существенно (свыше 50 тыс. сообщений, почти треть от десятилетнего суммарного объема) с 2020 по 2021 год (рис. 4). Однако тенденция эта была связана не столько с разливами черного золота во время добычи, сколько с инцидентами, вызванными нарушениями в хранении нефтепродуктов (в мае 2020 года произошла резонансная авария на ТЭЦ-3 Норильска, в результате которой разлилось более 20 тыс. тонн дизельного топлива).

В то же время контекст, который сформировался в российском медиадискурсе с 2013 по 2023 год, позволяет оценить, какие регионы страны наиболее часто попадали в сводки новостей и сообщений, связанных с разливами нефти. Среди них Арктика, Новороссийск, Норильск, Каспийское море и Республика Коми.

Сходная ситуация прослеживается при изучении рейтинга «Хронология крупнейших случаев разлива нефти и нефтепродуктов в России»[33], составлявшегося ТАСС с 1994 по 2020 год. В нем рассматриваемые в исследовании регионы не числятся. И прежде всего потому, что среди крупнейших катастроф чаще всего закономерно фигурируют инциденты, вызванные прорывами магистральных нефтепроводов при транспортировке уже добытого черного золота до центров логистики и переработки. В этой связи следует отметить, что интересующие нас аварии на месторождениях и экологические конфликты, которые разворачиваются вокруг деятельности компаний непосредственно на месторождениях, не получают столь пристального внимания со стороны СМИ, в отличие от разливов нефти во время ее транспортировки (последняя нередко может осуществляться и по территории регионов, где нефтедобыча как таковая либо не ведется, либо ведется в очень скромных масштабах).

Тем не менее в контексте упоминания проблематики «разливы нефти»[34] в облаке тэгов появляются крупные нефтяные компании, работающие в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком автономных округах, Оренбургской области и оказавшиеся в эпицентре событий, вызванных экологическими происшествиями. В медиаполе связанных с ними сообщений значатся слова-маркеры «авария», «лесной», «загрязнение», «ущерб», «почва», «река», указывающие, каким природным объектам чаще всего наносится урон в результате разливов нефти.

---

[33] *Хронология* крупнейших случаев разлива нефти и нефтепродуктов в России [Электронный ресурс] // ТАСС. 2020. 3 июня. URL: https://tass.ru/info/8641491 (дата обращения: 15.06.2024).

[34] Из выборки были исключены сообщения с такими высокочастотными для российской медиаповестки по данной проблематике ключевыми словами-маркерами, которые указывают либо на учения по предотвращению разливов нефти (минус-слово «учение»), либо на разливы нефти в регионах, не являющихся предметом данного исследования. Среди последних слова, указывающие на морские акватории («морской», «море», «танкер», «каспийский», «судно»), либо названия регионов и рек, в районе которых в этих субъектах Российской Федерации осуществляется активная добыча нефти («Коми», «Печора», «Колва», «Уса»).

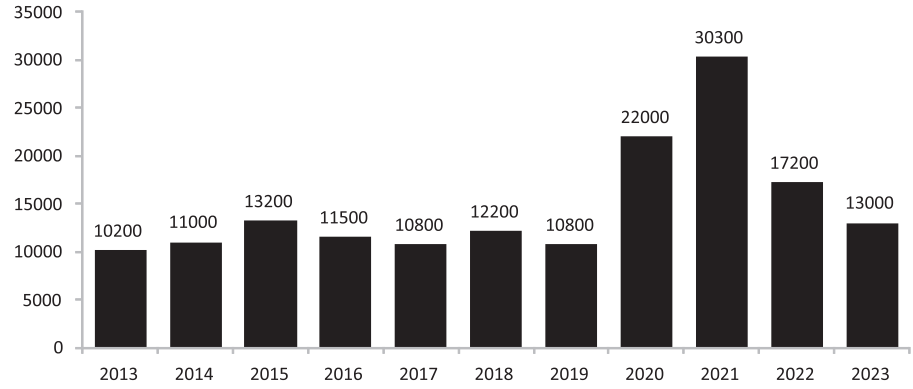

Рис. 4. Динамика количества сообщений по проблематике «разлив нефти» в разрезе всей России в период с 2013 по 2023 гг. / Fig. 4. The number of messages dynamics on "oil spill" issue across Russia, 2013–2023

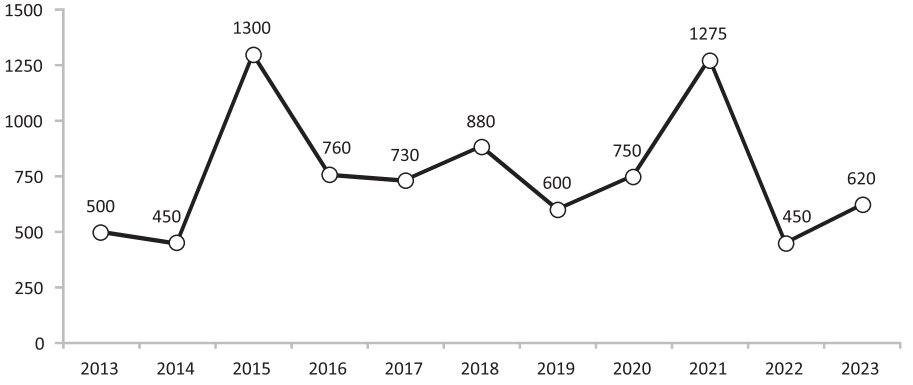

Рис. 5. Динамика количества сообщений по проблематике «разлив нефти» в Ханты-Мансийском автономном округе в период с 2013 по 2023 гг. / Fig. 5. The number of messages dynamics on "oil spill" issue in Khanty-Mansy Autonomous Area, 2013–2023

С точки зрения внутрирегиональной медийной повестки проблема разливов нефти остается весьма актуальной для всех трех изучаемых территорий, но прежде всего для Ханты-Мансийского автономного округа. Как показывают данные «Медиалогии», за десятилетний период (2013–2023 годы) в регионе проблематика разливов нефти прозвучала наиболее массово – в 8280 сообщениях СМИ. И это закономерно: округ – лидер по объемам добычи нефти и среди рассматриваемых регионов, и в России в целом. При этом ежегодная динамика таких сообщений не снижается и скорее имеет тенденцию к увеличению (рис. 5).

Более того, специалисты Росприроднадзора[35]относят Ханты-Мансийский автономный округ к числу наиболее экологически неблагополучных терри-

[35] *Мелещенков И.* Росприроднадзор назвал ХМАО одним из самых грязных регионов [Электронный ресурс] // Ura.ru. 2022. 17 февр. URL: https://ura.news/news/1052533487 (дата обращения: 15.06.2024).

торий России именно из-за частых разливов нефти. По данным СМИ, агрегированным по опубликованным базам данных Росприроднадзора, в регионе с 2014 по 2020 год произошло более 18 тыс. разливов нефтепродуктов, и «фактически получается, что в Югре каждые 3 часа 20 минут прорывает какую-нибудь промышленную трубу и оттуда что-то льется»[36]. Так что если сравнить, сколько разливов происходит, с тем, сколько сообщений публикуется об этом СМИ, то разница будет кратной не в пользу медийного показателя (828 сообщений о разливах в среднем в год против 3 тыс. самих фактов разливов за аналогичный период). При этом количество сообщений СМИ включает львиную долю перепечаток и дублирование одних и тех же информационных поводов. Для сравнения, в Ямало-Ненецком автономном округе проблематика разливов нефти за период 2013–2023 годов прозвучала в 5 795 сообщениях, в Оренбургской области совокупный объем сообщений за сопоставимый период составил 3 534 единицы с последовательным ростом начиная с 2019 года.

Приведенные данные по трем регионам позволяют заключить, что проблема разливов нефти в местах ее добычи существует и представлена в СМИ; причем острота этой проблемы не только не снижается, а, напротив, имеет тенденцию к росту. Динамика роста может быть связана в первую очередь с увеличением количества инцидентов. Более того, судя по высказываниям первых лиц Росприроднадзора, ситуация с разливами нефти обусловлена дальнейшим старением и без того изношенных промысловых трубопроводов на месторождениях, и в этой связи возникает объективная потребность модернизации инфраструктуры[37].

Стоит отметить, что совокупный объем сообщений СМИ об инцидентах, связанных с разливами нефти и конфликтами вокруг добывающей деятельности нефтяников в трех рассматриваемых регионах, можно разделить на несколько типов, которые характеризуют особые региональные нарративы нефтегазового медиадискурса:

1) судебные решения и административные штрафы в адрес нефтедобывающих компаний за разливы нефти (все регионы)[38];

2) устранение последствий и рекультивация земель нефтяными компаниями после допущенного разлива нефти (все регионы)[39];

3) разлив нефти в лесном массиве и тундре (наиболее характерно для Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов)[40];

---

[36] *«ХМАО,* кажется, регион номер один в мире по ущербу природе от нефтяников» [Электронный ресурс] // Аргументы недели. 2021. 27 апр. URL: https://argumenti.ru/society/nature/2021/04/719840 (дата обращения: 15.06.2024).

[37] *Глава* Росприроднадзора – РБК: «Убивать бизнес нет никакого смысла» [Электронный ресурс] // РБК. 2022. 17 февр. URL: https://www.rbc.ru/interview/business/17/02/2022/620bd3ae9a79479deea0bfe3 (дата обращения: 15.06.2024).

[38] *Кондрашин Н.* «Самотлорнефтегаз» отказывается платить Росприроднадзору за разлив нефти в ХМАО [Электронный ресурс] // Правда УРФО. 2023. 2 нояб. URL: https://pravdaurfo.ru/novost/445469-samotlorneftegaz-otkazyvaetsya-platit-rosprirodnadzoru-za-razliv-nefti-v-hmao/ (дата обращения: 15.06.2024).

[39] *На реке* Обь в Югре произошел разлив нефтепродуктов с последующим пожаром [Электронный ресурс] // ТАСС. 2021. 6 марта. URL: https://tass.ru/ural-news/10850989 (дата обращения: 15.06.2024).

[40] *Шанина В.* Предприятия Роснефти вылили нефть на 400 квадратных метров тайги в ХМАО [Электронный ресурс] // Афиша DAILY. 2021. 25 марта. URL: https://daily.afisha.ru/

4) разлив нефти на сельскохозяйственных землях (Оренбургская область)[41];

5) разлив нефти в речных акваториях (все регионы);

6) конфликты нефтяников с охотниками и рыболовами из-за перекрытия нефтяниками доступа к лесным зонам, расположенным близ нефтяных месторождений (Ханты-Мансийский автономный округ)[42];

7) конфликты нефтяников с представителями коренных народов, убежденных, что нефтедобывающая деятельность (включая разливы нефти) уничтожает окружающую среду, пригодную для традиционных промыслов и продолжения традиционного кочевого образа жизни (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа)[43].

Дополнительный ручной анализ медиаповестки, проведенный авторами за период с 2013 по 2023 год, позволил выделить следующие особенности имплементации механизмов защиты окружающей среды, зафиксировав практики взаимодействия ключевых субъектов экологической политики на страницах СМИ:

1. В большинстве случаев крупные нефтедобывающие компании стремятся оспаривать штрафы и санкции, наложенные на них за допущенные разливы нефти вблизи мест ее добычи, и чаще всего фигурируют в сообщениях СМИ как злостные нарушители законодательства, не стремящиеся к предупреждению подобных инцидентов в будущем и к справедливой компенсации уже нанесенного ущерба в пользу природоохранной деятельности.

2. В некоторых случаях ряд нефтедобывающих компаний совместно или отдельно от МЧС проводят учения по алгоритмам предотвращения и устранения разливов нефти в местах ее добычи, хранения и транспортировки.

3. Основная масса инцидентов, связанных с разливами нефти, происходит в относительно отдаленных от больших населенных пунктов, случаи крупных аварий такого рода единичны (Нефтеюганск)[44].

4. Инциденты, связанные с разливами нефти и авариями на месторождениях, попадают в поле зрения Росприроднадзора и природоохранных прокуратур, оказывающих давление на нефтяников и отчитывающихся о мониторинге такого рода правонарушений и принимаемых мерах, в том числе санкционного и судебно-претензионного характера.

5. Отсутствует заметная активность местных (не международных) экологических организаций, представленных в трех указанных регионах, по освеще-

news/48655-predpriyatiya-rosnefti-vylili-neft-na-400-kvadratnyh-metrov-taygi-v-hanty-mansiyske/ (дата обращения: 15.06.2024).

[41] *Площадь* разлива нефти под Оренбургом составила чуть более 200 кв. м [Электронный ресурс] // ТАСС. 2021. 6 февр. URL: https://tass.ru/proisshestviya/10641451 (дата обращения: 15.06.2024).

[42] *В ХМАО* продолжается конфликт рыбаков и охотников с нефтяниками [Электронный ресурс] // Информагентство «Девон». 2023. 19 дек. URL: https://iadevon.ru/news/society/v_hmao_prodolzhaetsya_konflikt_ ribakov_i_ohotnikov_s_neftyanikami-15374/ (дата обращения: 19.06.2024).

[43] *Меньшиков А.* Конфликты нефтяников с коренными хантами получили мировой резонанс [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2015. 19 нояб. URL: https://rg.ru/2015/11/19/reg-urfo/ugodia.html (дата обращения: 19.06.2024).

[44] *Под Нефтеюганском* произошел крупный разлив нефти [Электронный ресурс] // РБК. 2015. 29 июня. URL: https://www.rbc.ru/society/29/06/2015/559131c99a7947453f430141 (дата обращения: 19.06.2024).

нию аварий на нефтяных месторождениях и оказанию воздействия на нефтедобывающие компании в свете данной проблематики.

Нефтегазовый медиадискурс в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком автономных округах и Оренбургской области выявил следующие особенности информационного поля:

1. Медиарейтинг нефтегазовых инцидентов демонстрирует тенденцию роста сообщений о разливах нефти в отечественных СМИ.

2. Инциденты с разливами нефти и авариями на месторождениях в изучаемых регионах относительно часто попадали в сводки международных экологических организаций.

3. Среди имеющихся публикаций СМИ относительно экологических аспектов нефтяных месторождений отсутствует жанр независимых журналистских расследований, позволяющий профессиональным медиа самостоятельно получать, анализировать информацию и осуществлять мониторинг развития событий по затронутой проблематике.

4. СМИ преимущественно освещают тематику по следам заявлений и информационных сообщений официальных лиц органов и ведомств надзорного характера и с позиции, формулируемой представителями нефтяных компаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование экологической политики в контексте взаимодействия основных стейкхолдеров – власти, бизнеса, общества – позволило реконструировать административно-контрольные, законодательно-правовые и общественные механизмы защиты окружающей среды и поддержания экологического благополучия. Административно-контрольные механизмы интегрированы в действующие институциональные рамки и применяемые надзорные практики в отношении нефтяных компаний. На примере крупнейшего нефтедобывающего региона России – Ханты-Мансийского автономного округа – зафиксированы рост количества проверок и возбужденных уголовных дел со стороны надзорных органов в отношении нефтяных компаний. При этом прослеживается практика распределения налоговых льгот для производств, внедряющих инновационные механизмы защиты окружающей среды. Законодательно-правовые механизмы задекларированы на всех уровнях управления. Региональное нормотворчество вслед за федеральным закрепляет положения о процедуре экологической экспертизы, единой системе экологического мониторинга и углеродной отчетности. Помимо усложнения правовой отчетности, органы власти выводят вопросы экологии на уровень публичной дискуссии и неотъемлемой части образовательного процесса в стране. Общественные механизмы защиты окружающей среды, включающие как реконструкцию экологической идентичности населения, так и мониторинг нефтегазового медиадискурса, были апробированы на данных нефтедобывающих регионов Урала и Сибири.

Конкретизируя экологическую идентичность населения Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого автономного округов и Оренбургской обла-

сти, важно отметить, что для большинства жителей факт территориального соседства с нефтяными предприятиями не является условием, ухудшающим уровень и качество их жизни. Напротив, в деятельности нефтяников они видят значимый ресурс для развития своих территорий и оценивают их деятельность как приносящую больше пользы, чем вреда.

Очевидно, что, по мнению безусловного большинства респондентов, производственная деятельность по добыче нефти и газа является не главным и не основным, но вполне значимым фактором, ухудшающим экологическое благополучие в местах проживания населения «нефтяных» территорий. Респонденты отмечают, что нефтедобыча ухудшает экологическую обстановку в целом, нанося урон качеству питьевой воды и воздуха, а в итоге здоровью местного населения. Потенциально возможный риск проживания по соседству с нефтегазовыми месторождениями признают 73 % опрошенных.

Судя по всему, большинство респондентов признаю́т потенциально возможным риск и осведомлены об авариях на месторождениях. Тем не менее они сохраняют общественное спокойствие и удовлетворены мерами экологической безопасности, принимаемыми компаниями на территориях их проживания и на производстве в местах добычи и транспортировки нефтегазовых ресурсов.

Вместе с тем респонденты разделяют беспокойство по поводу вероятного экологического урона, который может быть нанесен близлежащим населенным пунктам в результате аварий и экологических бедствий, что возможны на месторождениях. Потенциал этой тревожности на сегодня, очевидно, не слишком высок, не приводит к доминированию «чемоданных настроений» и не является фактором протестных намерений. Однако не учитывать данный потенциал нельзя, поскольку он вносит свою лепту в настроения людей относительно долгосрочных планов на жизнь и вынуждает треть местного населения задумываться о смене места жительства.

Категория экологической идентичности, как и любой другой идентичности – национальной, политической, государственной и т. д., отличается динамическим характером. Предлагаемая методика оценки экологической идентичности, в основе которой лежит социологическая метрика, позволяет зафиксировать состояние идентичности в конкретный момент времени. Ценность представляют лонгитюдные исследования, с помощью которых можно проанализировать сменяемость системы ценностей и поведенческих паттернов населения, а также многофакторный анализ, позволяющий определить условия трансформации экологической идентичности.

По данным мониторинга СМИ, нефтегазовый медиадискурс (по запросу «нефтяные месторождения») имеет преимущественно нейтральную тональность, и проблема экологического неблагополучия или экологических конфликтов не является в нем ярко выраженной. В медиарейтинге нефтегазовых компаний доля негативных сообщений не превышает 7 %. Выявлен лидер по числу упоминаний – компания «Сургутнефтегаз»; обозначены лидеры по частотности позитивных сообщений – компании «Славнефть-Мегионнефтегаз», «Самотлорнефтегаз» и «Газпромнефть-Хантос».

Вместе с тем в последнее время набирает силу освещение проблематики экологических инцидентов со стороны государственных надзорных органов.

Имеющиеся публикации СМИ относительно аварий на месторождениях и их последствий в большей степени фокусируют внимание на возможных человеческих жертвах, экономическом ущербе и санкциях со стороны надзорных органов и ведомств и в меньшей степени – на проблематике экологического ущерба, оценки его последствий и мониторинга принимаемых мер по ликвидации загрязнений и их распространения в природной среде.

При этом уровень общественного восприятия существующих экологических рисков и осведомленности о них указывает на определенную заинтересованность большинства проживающих в районах нефтедобычи людей во владении исчерпывающей информацией. Однако этот запрос удовлетворяется лишь отчасти; напротив, фиксируется весьма низкая вовлеченность СМИ и медиа в освещение данной проблематики с последующим привлечением к ней внимания властей и общественности.

Нефтегазовый медиадискурс в российских средствах массовой информации сложно назвать самостоятельным общественным механизмом (инструментом) защиты окружающей среды. Скорее, на площадках СМИ отношения выясняют нефтегазовый бизнес и надзорные органы. Надзорные институты через СМИ транслируют вариативность способов защиты окружающей среды – от введения штрафных санкций для некоторых игроков углеводородного бизнеса до анонсирования льгот и преференций тем компаниям, которые будут внедрять экологические производственные решения. Таким образом, относительно общественных механизмов защиты окружающей среды медиадискурс оказывается неартикулированным, но чувствительным инструментом. Причем уровень этой чувствительности и конфликтогенности по вопросам природоохранной деятельности может возрастать в непрогнозируемом ключе с учетом отсутствия публичности обсуждения повестки при сохранении актуальности и остроты самой проблемы. Эффективность политики защиты окружающей среды определяется стратегией поиска компромисса всеми субъектами природопользования и согласованием целей административно-контрольных мер, законодательно-правовых практик и общественных инструментов.

Список источников

Башмаков И. С. Экологическая идентичность и этапы ее формирования // Политика развития, государство и мировой порядок: материалы VIII Всерос. конгр. политологов / Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 58–59. EDN: YYBHGX.

Дегтярев А. А. Теория принятия политических решений в структуре социальных и управленческих дисциплин // Полис. Политические исследования. 2002. № 2. С. 113–125. https://doi.org/10.17976/jpps/2002.02.10. EDN: ESCVAR.

Смаль С. В. Теория и практика принятия политических решений в социальной сфере // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. Т. 4, № 22. С. 115–123. EDN: KZPEMD.

Сорокоумова Е. А., Чердымова Е. И. Развитие структурных компонентов экологического сознания для формирования гражданской идентичности лич-

ности // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26, № 1. С. 102–112. https://doi.org/10.17759/pse.2021260107. EDN: QQYPIF.

Тулаева С. А, Тысячнюк М. С. Между нефтью и оленями. О распределении благ между нефтяниками и коренными народами в Российской Арктике и Субарктике // Экономическая социология. 2017. Т. 18, № 3. С. 70–96. https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-3-70-96. EDN: ZBOGZD.

Хайнацкая Т. И. Экологическая идентичность как ресурс кризисного регулирования // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16, № 2. С. 14–26. https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-2-14-26. EDN: MBTQRX.

Яницкий М. С. Экологическая политика как сетевой процесс // Полис. Политические исследования. 2002. № 2. С. 44–57. https://doi.org/10.17976/jpps/2002.02.05. EDN: ESCUYT.

Adonteng-Kissi O., Oke B. R., Meribe N. C. et al. Environmental impact of oil and gas exploration on livelihoods in Nigeria's Eastern Obolo: Exploring the people's rights to fair compensation // Forum for Development Studies. 2021. Vol. 48, № 3. P. 539–570. https://doi.org/10.1080/08039410.2021.1947364

Albert O. N., Amaratunga D., Haigh R. P. Evaluation of the impacts of oil spill disaster on communities and its influence on restiveness in Niger Delta, Nigeria // Procedia Engineering. 2018. Vol. 212. P. 1054–1061. https://doi.org/10.1016/j.proeng.2018.01.136.

Bostrom A., Joslyn S., Pavia R. et al. Methods for communicating the complexity and uncertainty of oil spill response actions and tradeoffs // Human and Ecological Risk Assessment: An International Journal. 2015. Vol. 21, № 3. P. 631–645. https://doi.org/10.1080/10807039.2014.947867.

Colten C., Hay J., Giancarlo A. Community resilience and oil spills in coastal Louisiana // Ecology and Society. 2012. Vol. 17, № 3. Art. № 5. https://doi.org/10.5751/ES-05047-170305.

Crayton M-J., Naher N. Beyond oil spill cleanup, abandoned infrastructures affect the environment too – A case study of the lived experiences of the Niger Delta people // Public Works Management & Policy. 2022. Vol. 28, № 1. P. 70–88. https://doi.org/10.1177/1087724X221128824.

De Freitas M. S. F., Martins A. B. Do. O., Fernandes G. A. S. et al. Mysterious oil spill in Brazil (2019–2020): What lessons can we learn from previous events? // Rio Oil and Gas Expo and Conference. 2022. Vol. 22, № 2022. P. 90–91. https://doi.org/10.48072/2525-7579.rog.2022.090. EDN: VPZMVD.

El-Shahat S. Sustaining of environmental identity in North Egypt by facing the challenges on Burullus Lake // Nile Journal of Architecture and Civil Engineering. 2023. Vol. 2, № 1. P. 58–66. https://doi.org/10.21608/njace.2023.279891.

Ezeh C. C., Onyema V. O., Obi C. J. et al. A systematic review of the impacts of oil spillage on residents of oil-producing communities in Nigeria // Environmental Science and Pollution Research. 2024. Vol. 31. P. 34761–34786. https://doi.org/10.1007/s11356-024-33468-7.

Ilevbare F. M., Idemudia E. S., Atiola S. Environmental identity, health locus of control, and quality of life in oil-producing community // Environmental Quality Management. 2018. Vol. 28, № 1. P. 123–129. https://doi.org/10.1002/tqem.21580.

Ireri K., Chege N., Kibarabara J. et al. Frame analysis: Newspaper coverage of Kenya's oil exploration in the post-2012 discovery era // African Journalism Studies. 2019. Vol. 40, № 2. P. 34–50. https://doi.org/10.1080/23743670.2019.1635035.

Lama K. Oil politics and the environmental crisis in Galeano's Open Veins of Latin America: Five centuries of the pillage of a continent // Tribhuvan Journal. 2023. Vol. 1, № 1. P. 58–67. https://doi.org/10.3126/tribj.v1i1.53498.

Mbalisi O. F., Okorie C. U. Implementation of corporate social responsibility by oil companies in the Niger Delta region of Nigeria: Myth or reality // African Research Review. 2020. Vol. 14, № 2. P. 119–132. https://doi.org/10.4314/afrrev.v14i1.11.

McCombs M. E., Shaw D. L. The agenda-setting function of mass media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36, № 2. P. 176–187. https://doi.org/10.1086/267990.

McKenzie L. M., Allshouse W. B., Burke T. et al. Population size, growth, and environmental justice near oil and gas wells in Colorado // Environmental Science and Technology. 2016. Vol. 50, № 21. P. 11471–11480. https://doi.org/10.1021/acs.est.6b04391.

Odoemelam C. E., Hasan N. N. N. Awareness of oil pollution: dominant news frames used in reporting the menace among selected newspapers in the Niger-Delta region of Nigeria // Interdisciplinary Environmental Review. 2021. Vol. 21, № 2. Art. № 127. https://doi.org/10.1504/IER.2021.117800.

Odoemelam C. E., Hasan N. N. N., Hussein A. The effects of framing on oil pollution as covered by print media: A case study of Nigerian newspapers // Romanian Journal of Communication and Public Relations. 2021. Vol. 23, № 1. P. 7–22. https://doi.org/10.21018/rjcpr.2021.1.313.

Oghenetega O. B., Ojengbede O. A., Ana G. REE Perception determinants of women and healthcare providers on the effects of oil pollution on maternal and newborn outcomes in the Niger Delta, Nigeria // International Journal of Women's Health. 2020. Vol. 12. P. 197–205. https://doi.org/10.2147/IJWH.S235536.

Ozougwu P. E., Madu C. N., Chukwuorji J. C. et al. Environmental identities and attitude towards crude oil pipeline vandalism in Niger Delta oil-producing communities // Sustainability. 2023. Vol. 15, № 6. Art. № 5610. https://doi.org/10.3390/su15065610.

Proville J., Roberts K. A., Peltz A. et al. The demographic characteristics of populations living near oil and gas wells in the USA // Population and Environment. 2022. Vol. 44. P. 1–14. https://doi.org/10.1007/s11111-022-00403-2.

Ritchie L. A., Gill D. A., Long M. A. Mitigating litigating: An examination of psychosocial impacts of compensation processes associated with the 2010 BP Deepwater Horizon oil spill // Risk Analysis. 2018. Vol. 38, № 8. P. 1656–1671. https://doi.org/10.1111/risa.12969.

Sherry J. Environmental identities // Sherry J. Selfie: Poetry, social change & ecological connection. New York: Palgrave Macmillan, 2022. P. 217–226. https://doi.org/10.1007/978-981-19-4870-1_15.

Sierra-Barón W., Olivos-Jara P., Gómez-Acosta A. et al. Environmental identity, connectedness with nature, and well-being as predictors of pro-environmental behavior, and their comparison between inhabitants of rural and urban areas // Sustainability. 2023. Vol. 15, № 5. Art. № 4525. https://doi.org/10.3390/su15054525.

Walker A. H., McKinnon LCDR R., Ritchie L. et al. Oil spill preparedness and response: Building the capacity to protect public welfare and support community resilience // International Oil Spill Conference Proceedings. 2021. Vol. 2021, № 1. Art. № 689381. https://doi.org/10.7901/2169-3358-2021.1.689381.

Информация об авторах

Ю. Ю. Лекторова – кандидат политических наук, доцент кафедры иностранных языков и связей с общественностью ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», 614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр-т, 29

SPIN-код (РИНЦ): 4048-3516

AuthorID (РИНЦ): 830146

Web of Science ResearcherID: AID-6310-2022

А. Ю. Прудников – кандидат политических наук, приглашенный ученый ТОО «Евразийский технологический университет», 050012, Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Толе би, 109б

SPIN-код (РИНЦ): 4335-8946

AuthorID (РИНЦ): 874782

Web of Science ResearcherID: B-1202-2019

Scopus Author ID: 57223293252

В. П. Колкутина – кандидат философских наук, магистр-исследователь кафедры «Охрана окружающей среды» ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», 614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр-т, 29

SPIN-код (РИНЦ):8369-5373

AuthorID (РИНЦ):610944

Web of Science ResearcherID: JQJ-4376-2023

Н. Н. Слюсарь – доктор технических наук, доцент, профессор кафедры «Охрана окружающей среды» ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», 614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский пр-т, 29

SPIN-код (РИНЦ): 6624-9670

AuthorID (РИНЦ): 438180

Web of Science ResearcherID: AAI-2114-2021

Scopus Author ID: 56018223300

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 18.11.2024.

References

Bashmakov, I. S. (2018), "Environmental identity and stages of its formation", in Gaman-Golutvina, O. V., Smorgunov, L. V. and Timofeeva, L. N. (eds.), *Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoy poryadok: materialy VIII Vserossiiskogo kongressa politologov* [Development policy, state and world order: Proceedings of the 8th Russian Congress of Political Scientists], Aspect Press, Moscow, Russia, pp. 58–59, EDN: YYBHGX.

Degtyarev, A. A. (2002), "Theory of political decision making in the structure of social and policy disciplines", *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 113–125, https://doi.org/10.17976/jpps/2002.02.10, EDN: ESCVAR.

Smal, S. V. (2006), "Theory and practice of political decision-making in the social sphere", *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, vol. 4, no. 22, pp. 115–123, EDN: KZPEMD.

Sorokoumova, E. A. and Cherdymova, E. I. (2021), "Developing structural components of ecological consciousness to promote civic identity formation", *Psychological Science and Education*, vol. 26, no. 1, pp. 102–112, https://doi.org/10.17759/pse.2021260107, EDN: QQYPIF.

Tulaeva, S. and Tysiachniouk, M. (2017), "Between oil and deer. Benefit sharing arrangements between oil companies and indigenous people in Russian Arctic and Subarctic regions", *Journal of Economic Sociology*, vol. 18, no. 3, pp. 70–96. https://doi.org/10.17323/1726-3247-2017-3-70-96, EDN: ZBOGZD.

Khaynatskaya, T. I. (2022), "Environmental identity as a tool for crisis management", *Bulletin of Perm University. Political Science*, vol. 16, no. 2, pp. 14–26, https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-2-14-26, EDN: MBTQRX.

Yanitsky, M. S. (2002), "Ecological politics as a network process", *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 44–57, https://doi.org/10.17976/jpps/2002.02.05, EDN: ESCUYT.

Adonteng-Kissi, O., Oke, B. R., Meribe, N. C. et al. (2021), "Environmental impact of oil and gas exploration on livelihoods in Nigeria's Eastern Obolo: Exploring the people's rights to fair compensation", *Forum for Development Studies*, vol. 48, no. 3, pp. 539–570, https://doi.org/10.1080/08039410.2021.1947364.

Albert, O. N., Amaratunga, D. and Haigh, R. P. (2018), "Evaluation of the impacts of oil spill disaster on communities and its influence on restiveness in Niger Delta Nigeria", *Procedia Engineering*, vol. 212, pp. 1054–1061, https://doi.org/10.1016/j.proeng.2018.01.136.

Bostrom, A., Joslyn, S., Pavia, R. et al. (2015), "Methods for communicating the complexity and uncertainty of oil spill response actions and tradeoffs", *Human and Ecological Risk Assessment: An International Journal*, vol. 21, no. 3, pp. 631–645, https://doi.org/10.1080/10807039.2014.947867.

Colten, C., Hay, J. and Giancarlo, A. (2012), "Community resilience and oil spills in coastal Louisiana", *Ecology and Society*, vol. 17, no. 3, art. no. 5, https://doi.org/10.5751/ES-05047-170305.

Crayton, M-J. and Naher, N. (2022), "Beyond oil spill cleanup, abandoned infrastructures affect the environment too – A case study of the lived experiences of the Niger Delta people", *Public Works Management & Policy*, vol. 28, no. 1, pp. 70–88, https://doi.org/10.1177/1087724X221128824.

De Freitas, M. S. F., Martins, A. B. Do. O., Fernandes, G. A. S. et al. (2022), "Mysterious oil spill in Brazil (2019–2020): What lessons can we learn from previous events?", *Rio Oil and Gas Expo and Conference*, vol. 22, no. 2022, pp. 90–91, https://doi.org/10.48072/2525-7579.rog.2022.090, EDN: VPZMVD.

El-Shahat, S. (2023), "Sustaining of environmental identity in North Egypt by facing the challenges on Burullus Lake", *Nile Journal of Architecture and Civil Engineering*, vol. 2, no. 1, pp. 58–66, https://doi.org/10.21608/njace.2023.279891.

Ezeh, C. C., Onyema, V. O., Obi, C. J. et al. (2024), "A systematic review of the impacts of oil spillage on residents of oil-producing communities in Nigeria", *Environmental Science and Pollution Research*, vol. 31, pp. 34761–34786, https://doi.org/10.1007/s11356-024-33468-7.

Ilevbare, F. M., Idemudia, E. S. and Atiola, S. (2018), "Environmental identity, health locus of control, and quality of life in oil-producing community", *Environmental Quality Management*, vol. 28, no. 1, pp. 123–129, https://doi.org/10.1002/tqem.21580.

Ireri, K., Chege, N., Kibarabara, J. et al. (2019), "Frame analysis: Newspaper coverage of Kenya's oil exploration in the post-2012 discovery era", *African Journalism Studies*, vol. 40, no. 2, pp. 34–50, https://doi.org/10.1080/23743670.2019.1635035.

Lama, K. (2023), "Oil politics and the environmental crisis in Galeano's Open Veins of Latin America: Five centuries of the pillage of a continent", *Tribhuvan Journal*, vol. 1, no. 1, pp. 58–67, https://doi.org/10.3126/tribj.v1i1.53498.

Mbalisi, O. F. and Okorie, C. U. (2020), "Implementation of corporate social responsibility by oil companies in the Niger Delta region of Nigeria: Myth or reality", *African Research Review*, vol. 14, no 2, pp. 119–132, https://doi.org/10.4314/afrrev.v14i1.11.

McCombs, M. E. and Shaw, D. L. (1972), "The agenda-setting function of mass media", *Public Opinion Quarterly*, vol. 36, no. 2, pp. 176–187, https://doi.org/10.1086/267990.

McKenzie, L. M., Allshouse, W. B., Burke, T. et al. (2016), "Population size, growth, and environmental justice near oil and gas wells in Colorado", *Environmental Science and Technology*, vol. 50, no. 21, pp. 11471–11480, https://doi.org/10.1021/acs.est.6b04391.

Odoemelam, C. E. and Hasan, N. N. N. (2021), "Awareness of oil pollution: Dominant news frames used in reporting the menace among selected newspapers in the Niger-Delta region of Nigeria", *Interdisciplinary Environmental Review*, vol. 21, no. 2, art. no. 127, https://doi.org/10.1504/IER.2021.117800.

Odoemelam, C. E., Hasan, N. N. N. and Hussein, A. (2021), "The effects of framing on oil pollution as covered by print media: A case study of Nigerian newspapers", *Romanian Journal of Communication and Public Relations*, vol. 23, no. 1, pp. 7–22, https://doi.org/10.21018/rjcpr.2021.1.313.

Oghenetega, O. B., Ojengbede, O. A. and Ana G. REE (2020), "Perception determinants of women and healthcare providers on the effects of oil pollution on maternal and newborn outcomes in the Niger Delta, Nigeria", *International Journal of Women's Health*, vol. 12, pp. 197–205, https://doi.org/10.2147/IJWH.S235536.

Ozougwu, P. E., Madu, C. N., Chukwuorji, J. C. et al. (2023), "Environmental identities and attitude towards crude oil pipeline vandalism in Niger Delta oil-

producing communities", *Sustainability*, vol. 15, no. 6, art. no. 5610, https://doi.org/10.3390/su15065610.

Proville, J., Roberts, K. A., Peltz, A. et al. (2022), "The demographic characteristics of populations living near oil and gas wells in the USA", *Population and Environment*, vol. 44, pp. 1–14, https://doi.org/10.1007/s11111-022-00403-2.

Ritchie, L. A., Gill, D. A. and Long, M. A. (2018), "Mitigating litigating: An examination of psychosocial impacts of compensation processes associated with the 2010 BP Deepwater Horizon oil spill", *Risk Analysis*, vol. 38, no. 8, pp. 1656–1671, https://doi.org/10.1111/risa.12969.

Sherry, J. (2022), "Environmental identities", in *Selfie: Poetry, social change & ecological connection*, Palgrave Macmillan, New York, NY, US, pp. 217–226, https://doi.org/10.1007/978-981-19-4870-1_15.

Sierra-Barón, W., Olivos-Jara, P., Gómez-Acosta, A. et al. (2023), "Environmental identity, connectedness with nature, and well-being as predictors of pro-environmental behavior, and their comparison between inhabitants of rural and urban areas", *Sustainability*, vol. 15, no. 5, art. no. 4525, https://doi.org/10.3390/su15054525.

Walker, A. H., McKinnon, LCDR R., Ritchie, L. et al. (2021), "Oil spill preparedness and response: Building the capacity to protect public welfare and support community resilience", *International Oil Spill Conference Proceedings*, vol. 2021, no. 1, art. no. 689381, https://doi.org/10.7901/2169-3358-2021.1.689381.

Information about the authors

Ju. Iu. Lektorova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Public Relations, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Ave., Perm, 614990, Russia

SPIN code (RSCI): 4048-3516

AuthorID (RSCI): 830146

Web of Science ResearcherID: AID-6310-2022

A. Iu. Prudnikov – Candidate of Political Sciences, Visiting Scientist of the Eurasian Technological University, 109b Tole Bi Str., Almaty, 050012, Republic of Kazakhstan

SPIN code (RSCI): 4335-8946

AuthorID (RSCI): 874782

Web of Science ResearcherID: B-1202-2019

Scopus Author ID: 57223293252

V. P. Kolkutina – Candidate of Philosophy, Master's Researcher of the Department of Environmental Protection, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Ave., Perm, 614990, Russia

SPIN code (RSCI): 8369-5373

AuthorID (RSCI): 610944

Web of Science ResearcherID: JQJ-4376-2023

N. N. Sliusar – Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Environmental Protection, Perm National Research Polytechnic University, 29 Komsomolsky Ave., Perm, 614990, Russia
SPIN code (RSCI): 6624-9670
AuthorID (RSCI): 438180
Web of Science ResearcherID: AAI-2114-2021
Scopus Author ID: 56018223300

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interest.

The article was submitted on 15.04.2024; approved after reviewing 18.11.2024; accepted for publication 18.11.2024.

IV

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

INTERACTION BETWEEN THE STATE AND CIVIL SOCIETY

Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 355–373.
Ars Administrandi. 2025. Vol. 17, no. 2, pp. 355–373.

Эта работа © 2025 Алмаматова А. А. распространяется под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

This work © 2025 by Almamatov, A. A. is licensed under Creative Commons Attribution 4.0 International. To view a copy of this license, visit https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Научная статья
УДК 316.334.3+316.774
https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-355-373

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Алексей Анатольевич Алмаматов[1]
[1] Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия, almamatov.aa@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0006-7746-1552

Аннотация. Введение: информационная деятельность некоммерческих организаций (НКО) формирует доверие к ним со стороны общества, позволяет проводить кампании по сбору средств, находить волонтеров, привлекать внимание стейкхолдеров к конкретной социальной проблеме. Для успешного взаимодействия со средствами массовой информации (СМИ) НКО-ньюсмейкеры должны создавать информационные поводы, интересные целевой аудитории. Некоммерческие организации имеют право на информационную поддержку от государства, но для ее реализации НКО должны следовать правилам и требованиям, которые предъявляют СМИ и операторы социальной рекламы, действующие в условиях коммерческого рынка. **Цель:** определить барьеры, препятствующие эффективному оказанию НКО информационной поддержки со стороны государства. **Методы:** опрос социально ориентированных НКО, вторичный анализ социологических исследований, анализ нормативно-правовых документов. **Результаты:** выявлено, что НКО слабо осведомлены о возможностях информационной поддержки со стороны органов государственной власти и местного самоуправления. Для успешной работы со СМИ некоммерческим организациям не хватает медиакомпетенций, а в сфере социальной рекламы – прозрачного порядка выделения льготных площадей и эфирных «слотов». **Выводы:** для решения указанных проблем необходимо, во-первых, повышать медиакомпетенции сотрудников НКО, отвечающих за коммуникации со СМИ; во-вторых, разработать нормативный правовой акт (порядок), регулирующий механизм выделения социальной рекламы для НКО.

Ключевые слова: государственное и муниципальное управление, информационная политика, социальная политика, гражданское общество, НКО, СМИ

Для цитирования: *Алмаматов А. А.* Эффективность мер государственной информационной поддержки некоммерческих организации в регионах России // Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 355–373. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-355-373.

Original article

THE EFFICIENCY OF STATE INFORMATION SUPPORT FOR NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN REGIONS

Aleksei A. Almamatov[1]

[1] Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russia, almamatov.aa@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0006-7746-1552

Abstract. Introduction: the information activity of non-profit organizations (NPOs) is aimed at building public trust in the organization, making possible fundraising campaigns, finding volunteers and attracting the support of stakeholders to a specific social problem. To successfully interact with the media, NPO newsmakers must create newsworthy events that are interesting to the target audience. Non-profit organizations have the right to information support from the state, but to receive it, NPOs must follow the rules and requirements imposed by the media and social advertising operators acting in a commercial market. **Objectives:** to identify the problems faced by NPOs in obtaining state information support. **Methods:** a survey of socially oriented NPOs; a secondary analysis of sociological studies; an analysis of regulatory documents. **Results:** NPOs are poorly informed about the possibilities of information support from state and municipal authorities. To successfully work with the media, NPOs lack special media competencies, while in social advertising there is no transparent procedure for allocating preferential locations and broadcast "slots". **Conclusions:** to resolve these problems, it is necessary, firstly, to improve the media competencies of NPOs employees responsible for media communications. Secondly, it is recommended to develop a regulatory legal act (procedure) regulating the mechanism for allocating social advertising to NPOs.

Keywords: state and municipal administration, information policy, social policy, civil society, NPOs, mass media

For citation: Almamatov, A. A. (2025), "The efficiency of state information support for non-profit organizations in the Russian regions", *Ars Administrandi*, vol. 17, no. 2, pp. 355–373, https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-355-373.

ВВЕДЕНИЕ

Информационная деятельность для некоммерческих организаций (НКО) крайне важна: она формирует доверие к организации со стороны общества, позволяет проводить кампании по сбору средств, находить волонтеров, привлекать внимание стейкхолдеров к конкретной социальной проблеме (Waters, 2013, p. 329). Российское законодательство наделяет НКО правом на инфор-

мационную поддержку со стороны государства[1], однако этот вид поддержки существенно отличается от финансовой и имущественной, при которой материальные ресурсы передаются от органа власти (или его агента) напрямую НКО. Закономерно, что проблема организации информационной поддержки, эффективного взаимодействия социально ориентированных НКО в информационном пространстве весьма активно обсуждается на различных общественных и государственных площадках, привлекает внимание исследователей.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Тематика статьи обращает нас к известным еще с 1960-х годов исследованиям в области политико-управленческого оценивания (policy evaluation) (Wegrich and Werner, 2007, p. 54). Оно направлено на изучение уровня результатов осуществления публичной политики, которые соотносятся с содержанием определенных целей и ценностей (Wollmann, 2007, p. 376), и может быть реализовано как административный, судебный, политический и научный процесс (Knill and Tosun, 2012, p. 176). Внешнее политико-управленческое оценивание, проводимое независимыми специалистами (в отличие от внутреннего, осуществляемого самими органами государственной власти или местного самоуправления), может проводиться в рамках Федерального закона от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»[2], а эффективными субъектами такого контроля выступают общественные объединения и эксперты (Ивлева и др., 2016, с. 227–228; Сунгуров, 2006, с. 10). По итогам оценивания может быть принято решение о корректировке политического курса (в целях повышения его эффективности) или приостановке реализации (если общественная проблема решена, или, наоборот, не может быть решена выбранным способом).

В политической науке вопросы отношения государства и некоммерческих организаций зачастую рассматриваются в контексте развития гражданского участия (Putnam, 2000, p. 234; Никовская и Якимец, 2015, с. 56–58; Skokova et al., 2018, p. 562). Однако в России в 2010-е годы наблюдался рост интереса исследователей к оценке роли сектора НКО в контексте реализации государственной социальной политики (Якобсон и др., 2012, с 52–54; Тарасенко, 2012, с. 136–139), а также к оценке форм государственной поддержки некоммерческих организаций (Громова и Мерсиянова, 2016; Кулькова, 2014; Аксенов, 2020).

Согласно теории социального происхождения, государственный социальный сектор включает в себя некоммерческие организации. Реформа социальной сферы последней четверти XX века привела к тому, что государство отдало часть собственных социальных функций на «аутсорсинг» некоммерче-

[1] *О некоммерческих* организациях [Электронный ресурс]: Федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ. П. 12 ст. 31.1. URL: https://base.garant.ru/10105879/ (дата обращения: 15.06.2024).

[2] *Об основах* общественного контроля в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ. URL: https://base.garant.ru/70700452/ (дата обращения: 15.06.2024).

ским организациям (Salamon and Anheier, 1996, p. 244). Сотрудничество властей и НКО открывает возможности для более эффективного решения общественных проблем, поэтому необходимо продолжать изучать возможности для его совершенствования (Salamon and Toepler, 2015, p. 2175).

«Майские указы» 2012 года[3] зафиксировали поддержку социально ориентированных НКО как государственную задачу и часть социальной политики. Эта задача в течение всего последующего десятилетия детализировалась для федеральных и региональных органов власти в поручениях Президента и Правительства Российской Федерации[4] (Алмаматов, 2022, с. 85–86).

Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Высшей школы экономики с 2004 года проводит мониторинги состояния гражданского общества. В фокусе их внимания оказывается, в том числе, информационное взаимодействие НКО со СМИ[5]. Выделяется несколько причин возникающих в процессе такого взаимодействия барьеров. Во-первых, некоммерческий сектор зачастую рассматривается СМИ исключительно в контексте действий государства (принятие и реализация федерального закона об иностранных агентах[6], распределение грантов). Во-вторых, государство оперирует «макроисториями», а НКО – «микроисториями», что также снижает интерес федеральных СМИ к НКО[7]. Показательно, что в период пандемии Covid-19 внимание СМИ к деятельности НКО выросло, но при этом за НКО закрепилась своеобразная роль «социальных помощников государства» (Семилетова, 2021, с. 159; Новгородцева и др., 2020, с. 23; Сапонова и Задорин 2021, с. 433). В-третьих, СМИ чаще интересуются не социальной проблематикой, а скандальными и конфликтными темами.

Еще одна важная проблема – некоммерческие организации функционируют в условиях дефицита общественного доверия к своей деятельности. Поэтому необходимо «развитие системы стимулов для СМИ по освещению деятельности НКО», а также «развитие собственной информационной инфраструктуры гражданского сектора» (Мерсиянова и Беневоленский, 2016, с. 16–17).

---

[3] *О мероприятиях* по реализации государственной социальной политики [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 07.05.2012 № 597. Пп. «л» п. 1. URL: https://base.garant.ru/70170950/ (дата обращения: 13.06.2024).

[4] *Об утверждении* государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 27.12.2012 № 2553-р. URL: https://docs.cntd.ru/document/902390900 (дата обращения: 13.06.2024).

[5] См.: *Прикладные* проекты: Тематика прикладных проектов, выполненных по заказу и при поддержке органов власти и других заинтересованных сторон (выборочно) [Электронный ресурс] // Сайт Центра исслед. гражд. о-ва и некоммерч. сектора НИУ ВШЭ. URL: https://grans.hse.ru/prodject (дата обращения: 15.06.2024).

[6] *О контроле* за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием [Электронный ресурс]: Федер. закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ. URL: https://docs.cntd.ru/document/351175770 (дата обращения: 15.06.2024).

[7] *Тихонович Л.* С макроуровня НКО не видно: исследования благотворительности в зеркале СМИ [Электронный ресурс] // Сайт Агентства соц. информ. 2017. 19 июля. URL: https://asi.org.ru/news/2017/07/19/issledovanie-blagotvoritelnosti-v-zerkale-smi/ (дата обращения: 15.06.2024).

Участники исследовательской группы ЦИРКОН[8] А. В. Сапонова и И. В. Задорин отмечают, что современная российская медиасистема, находящаяся под давлением госструктур и коммерческих интересов, проявляет к НКО ситуативное и фрагментарное внимание. Только в 39 % материалов СМИ НКО представлены как самостоятельные акторы. В большинстве случаев работа НКО, зачастую действующих локально, обеспечивается партнерством с более ресурсными субъектами. В качестве основных партнеров НКО следует выделить государство (25 %), бизнес (19 %), другие, как правило более крупные, некоммерческие организации (16 %) и известных личностей (16 %). «Большинство текстов имеют информационный характер. В качестве основного информационного повода чаще всего выступают различного рода мероприятия (онлайн-акции, концерты, аукционы, флешмобы) – 56 %; информация о результатах деятельности НКО – 23 %; события, организованные НКО специально для СМИ (пресс-конференции, круглые столы и др.), и пресс-релизы – 11 %; интервью с благополучателями – 9 %; сообщения о законодательной деятельности – 6 %; репортажи с места оказания помощи – 3 %» (Сапонова и Задорин, 2021, с. 431). Таким образом, НКО должны «подстраиваться» под новостной формат освещения событий СМИ.

Обычно как альтернативу взаимодействию со СМИ принято рассматривать собственные медиаресурсы НКО. Однако исследователи приходят к выводу, что российские НКО пока недостаточно используют возможности цифровых технологий (Мерсиянова и др., 2021, с. 45–46). Несмотря на значительное проникновение цифровых технологий в ключевые процессы публичного управления, отношения между властью и обществом «остались те же самые, их восприятие друг друга – то же самое», а полноценная экосистема взаимодействия в треугольнике «граждане – НКО – государство» еще не сложилась (Соколов и Исаева, 2022, с. 705). Чтобы электронные ресурсы НКО действительно превратились из «доски объявлений» в коммуникационный инструмент, требуются более высокие медиакомпетенции сотрудников НКО[9].

С точки зрения СМИ, сфера деятельности НКО являются предметом социальной журналистики, которая занимается освещением социальных проблем. Работает целый ряд федеральных СМИ, специализирующихся на данной тематике: Агентство социальной информации, «Такие дела», «Правмир» и др. Мастер-классы и дискуссионные площадки, посвященные медиаобразованию, выстраиванию отношений между НКО и СМИ регулярно проводятся на федеральных и региональных мероприятиях «третьего сектора»[10]. Анали-

[8] *Исследовательская* группа ЦИРКОН [Электронный ресурс]. URL: https://zircon.group (дата обращения: 16.06.2024).

[9] *Ученые* указали на ошибки в медиастратегиях НКО в регионах [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2021. 6 июля. URL: https://ria.ru/20210706/yargu-1739643853.html (дата обращения: 16.06.2024).

[10] В частности, на форуме Общественной палаты Российской Федерации «Сообщество» обсуждалась тема медиаобразования. См.: *Сальникова Ю.* Почему СМИ не берут новости от общественников? Об этом рассказали в Мастерской «Медиашкола НКО: как подружить медиа и некоммерческие организации» [Электронный ресурс] // Центр соц., культур. и экол. инициатив «Ноосфера». 2022. 18 нояб. URL: https://dobro.live/publikacii/nko/pochemu-smi-ne-berut-novosti-ot-obshchestvennikov-ob-etom-rasskazali-v-masterskoj-mediashkola-nko-kak-podruzhit-media-i-nekommercheskie-organizacii (дата обращения: 11.06.2024). Другой пример – форум «НКО-Эксперт» в Приморском крае. См.: *Форум* неравнодушных: «НКО-Эксперт» объединил

зируются проблемы эффективности информационной работы НКО (Пискунова и Бондарчук, 2018, с. 93–94), социальной рекламы (Балашова и др., 2020, с. 184–187; Мартынов, 2018, с. 149–150; Гришина, 2021, с. 43) и повышения медиаграмотности общественников (Андреева, 2021, с. 10). Также стоит упомянуть, что изданы прикладные пособия и статьи для представителей НКО о том, как они могут эффективно взаимодействовать со СМИ[11].

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическое исследование, предпринятое автором, касается отношений между социально ориентированными НКО и СМИ в регионах, где первые выступают в качестве ньюсмейкера, а вторые – в качестве реципиента информации. Несмотря на то, что исследование было проведено в 2017 году (в рамках мониторинга организации «Народный фронт»[12]), вопросы взаимодействия со СМИ и поддержки со стороны государства остаются для «третьего сектора» высокоактуальными.

Государственная информационная поддержка реализуется в пяти основных видах:

1) публикации в СМИ, подконтрольных органам власти (государственные органы выступают как учредителями СМИ, так и заказчиками, разыгрывающими контракты на медиасопровождение);

2) социальная реклама (часть рекламных площадей принадлежит государственным органам;

3) размещение информации на сайтах (сайты ведомств и специальные порталы для НКО, например «Душевная Москва»[13]) и в социальных сетях государственных органов;

4) создание специальных информационных систем и баз данных[14];

5) поддержка отраслевых социальных СМИ.

больше 200 активистов Приморья, готовых менять жизнь региона к лучшему // Там же. 2022. 28 нояб. URL: https://dobro.live/publikacii/sobytiya/nko-ekspert-obedinil-bolshe-200-aktivistov-primorya (дата обращения: 11.06.2024).

[11] См., например: *Белокрыльцева А., Суворова О., Ветров А. и др.* Почему о нас не пишут, или Как НКО наладить взаимодействие со СМИ. М.: Студио-Диалог, 2012. 92 с.; *Крылова Ю. С.* PR и продвижение некоммерческого проекта. СПб.: ЦРНО, 2014. 91 с.; *Ладошкина А., Силантьева О., Симонова Ю. и др.* Рассказать об НКО: зачем, кому и как. Практ. пособие для социально ориентир. некоммер. орг. по коммуникациям / Ред. Е. Дубченко. М.: Агентство соц. информ., 2015. 70 с.

[12] Резюме этой части исследования с примерами публиковалось здесь: *ОНФ:* для развития социального сектора НКО нужно разработать эффективный и прозрачный порядок информационной поддержки [Электронный ресурс] // Информ. ресурс Общерос. нар. фронта. 2017. 21 сент. URL: https://onf.ru/news/archive/2017-09-21-onf-dlya-razvitiya-socialnogo-sektora-nko-nuzhno-razrabotat-effektivnyy-i-prozrachnyy (дата обращения: 11.06.2024).

[13] *Душевная* Москва [Электронный ресурс]. URL: https://nkocenter.ru/ (дата обращения: 13.06.2024).

[14] См. в качестве примеров: *Система* поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций [Электронный ресурс] // Офиц. сайт М-ва экон. развития Рос. Федерации. URL: http://nko.economy.gov.ru/ (дата обращения: 15.06.2024); *Единый личный* кабинет активиста Югры [Электронный ресурс] // Сайт фонда «Центр гражданских и социальных инициатив Югры». URL: https://elkanko.ru/ (дата обращения: 15.06.2024).

К дополнительным способам можно отнести внутриведомственные рассылки, информационные каналы госучреждений – от поликлиник до библиотек и центров «Моя карьера». Значимым ресурсом с точки зрения охвата аудитории может также выступать Портал государственных услуг Российской Федерации, а с точки зрения привлечения профессиональной аудитории общественного сектора и государственных служащих – портал Фонда президентских грантов.

В данном исследовании рассматриваются два инструмента информационного взаимодействия – публикации в СМИ и социальная реклама: для НКО они более важны в плане информирования о своей деятельности широкой аудитории. Однако как СМИ, так и операторы социальной рекламы являются коммерческими агентами, действующими в соответствии с определенными правилами подачи информации и моделью аудитории. С этим связано отличие государственной информационной поддержки от финансовой и имущественной, где материальные активы передаются напрямую от государства к НКО.

Размещение информации на государственных интернет-порталах, напротив, реализуется непосредственно государственными органами. Однако официальные сайты, в силу ряда причин (неинформационный стиль подачи, канцелярский язык, неудобная для читателя структура сайта, низкая квалификация сотрудников органов), довольно сложны для обычного пользователя и представляют интерес скорее для государственных служащих и самих НКО. Низкую посещаемость таких сайтов в исследуемый период отмечали и в ведомстве-регуляторе – Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: из 7 тыс. сайтов государственных органов, в 2017 году развивавшихся в России, 80 % были малопосещаемыми[15]. Поэтому этот вид информационной поддержки не рассматривался в исследовании, но он важен с точки зрения легитимации деятельности НКО в среде государственных органов и снижения транзакционных издержек при дальнейшем взаимодействии с ними.

Для достижения цели исследования была использована целенаправленная выборка, сформированная из числа НКО-партнеров двух межрегиональных организаций – Ассоциации волонтерских центров[16] и Союза добровольцев России[17]. Анкеты, разосланные по электронной почте, собирались с 8 августа по 13 сентября 2017 года. Анкеты заполнили сотрудники 203 НКО, представляющих разные виды деятельности, из 48 регионов и 86 населенных пунктов России. Ошибка выборки составляет 6,87 %[18]. Все участ-

[15] *Новое* «окно» госорганов. Правительство закроет непопулярные сайты министерств и ведомств [Электронный ресурс] // РБК. 2017. 22 дек. URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2017/12/22/5a3a6b8a9a79470d0525805b (дата обращения: 13.06.2024).

[16] *Ассоциация* волонтерских центров [Электронный ресурс]. URL: https://avc10.dobro.ru/ (дата обращения: 11.06.2024).

[17] *Союз* добровольцев России [Электронный ресурс]. URL: https://souzdobro.ru/ (дата обращения: 11.06.2024).

[18] В России, по официальным данным, в 2017 году насчитывалось 143 тыс. социально ориентированных НКО. Однако действующими из них, по экспертным оценкам, являются лишь 15–20 % организаций. См.: *Количественные* показатели развития некоммерческого сектора

ники опроса были идентифицированы и определены как действующие организации.

Большая часть респондентов – это стабильные НКО, существующие более пяти лет (130 организаций, 64 %). 94 % опрошенных организаций подтвердили, что им нужны публикации в СМИ о своей деятельности. Лишь 13 организаций (6 %) ответили, что им это не нужно, так как достаточно своих медиаресурсов (сайт, социальные сети). 154 организации (76 %) хотя бы один раз упоминались в региональных и местных СМИ, а 55 организаций (27 %) – в федеральных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Первый блок исследования – оценка взаимодействия НКО с федеральными, региональными и муниципальными СМИ.

101 некоммерческая организация (49,8 %) отметила, что о них пишут несколько раз в год; по 20 организаций (9,8 %) – один раз в год и несколько раз в месяц; 17 организаций (8,4 %) – один раз в месяц; 2 организации (1 %) – несколько раз в неделю. Остальные 43 НКО (21,2 %) не удостаиваются внимания СМИ (рис. 1).

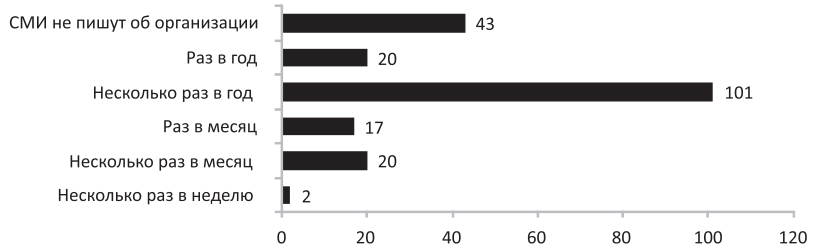

Рис. 1. Как часто СМИ пишут о вашей организации? (Один ответ, N = количество организаций) / Fig. 1. How often do the media write about your organization? (One answer, N = number of organizations)

Источник: рис. 1–6 составлены автором.

Представители НКО считают внимание СМИ к своим мероприятиям недостаточным (рис. 2), так как, по их мнению, в принципе нет специализированных журналистов, которые пишут на социальные темы (41 % опрошенных). Вторая проблема – «добрые» мероприятия не интересны журналистам (26 %)[19]. 23 % участников опроса отметили, что есть тенденция административного предписания: многие СМИ освещают деятельность тех НКО, которые близки к органам государственной власти. Также опрошенные обратили внимание, что журналисты иногда пишут о мероприятиях, но не упоминают организацию (конкретно эта проблема периодически обсуждается в сообще-

[Электронный ресурс] // Офиц. сайт Обществ. палаты Рос. Федерации. URL: https://report2017.oprf.ru/2.html (дата обращения: 14.06.2024).

[19] Некоторые прямо обвиняли журналистов в увлечении криминальными и «желтыми» сюжетами, которые лучше «приносят трафик» СМИ.

стве НКО и служит причиной обид на журналистов[20]). Таким образом, необходимо дополнительное просвещение для журналистов в области социальной журналистики.

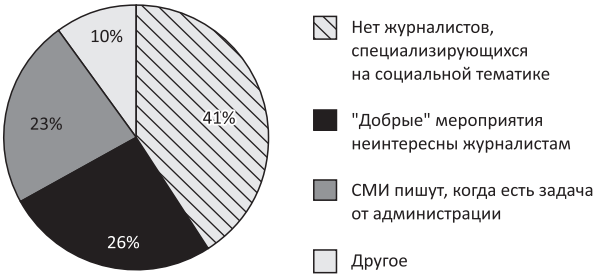

Рис. 2. Почему СМИ не пишут о НКО? (Один ответ), % /
Fig. 2. Why don't the media write about NPOs? (One answer), %

Со своей стороны, журналисты также говорят о недостаточных медиакомпетенциях НКО в подаче своих мероприятий для СМИ[21]. Можно выделить три основные причины такой ситуации:

1) в команде НКО нет специалиста по связям с общественностью или нет ресурсов (времени, средств) для пиар-деятельности;

2) проект НКО мало интересен или вовсе не интересен СМИ;

3) нет информационного повода.

Решением становится повышение медиакомпетенций сотрудников НКО. Эту задачу реализуют государственные органы, ресурсные центры НКО, профессиональные организации журналистов и отдельные эксперты, которые публикуют лекции и пособия.

Наряду с описанными негативными тенденциями есть и позитивные: 87 (40 %) НКО заявили, что так или иначе получают информационную поддержку от органов власти. На вопрос «Какие формы информационно-методического содействия из перечисленных использовали органы власти для вашей организации?» респонденты ответили так (рис. 3):

– размещают информацию об организации на сайте госоргана – 84 (40 %);

– помогают привлекать журналистов на мероприятия НКО – 54 (26 %);

– выделяют площади и эфирное время в СМИ – 27 (13 %);

---

[20] Пример такой ситуации см.: *Алмазова Е.* Тренды: открытость НКО для СМИ // Агентство соц. информ. 2021. 7 апр. URL: https://www.asi.org.ru/2021/04/07/otkrytost-nko-dlya-smi/ (дата обращения: 11.06.2024).

[21] На федеральном и региональном уровнях проходит множество мероприятий, цель которых состоит в обсуждении типовых проблем взаимодействия и повышении медиакомпетенций представителей НКО. См., напр.: *Некрасова М.* Договориться по-хорошему: как НКО дружить со СМИ [Электронный ресурс] // Сайт Агентства соц. информ. 2020. 18 марта. URL: https://asi.org.ru/news/2020/03/18/dogovoritsya-po-horoshemu-nko-i-smi/ (дата обращения: 18.06.2024); *Шуман О.* Молчать нельзя сотрудничать. НКО и СМИ обсудили проблемы взаимодействия [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2020. 4 дек. URL: https://ugra.aif.ru/society/molchat_nelzya_sotrudnichat_nko_i_smi_obsudili_problemy_vzaimodeystviya (дата обращения: 18.06.2024).

– выпускают полиграфические материалы, где рассказывается о деятельности НКО – 26 (13 %);

– организуют семинары по повышению медиаграмотности – 23 (11 %).

Рис. 3. Какие формы информационно-методического содействия из перечисленных использовали органы власти для вашей организации? (Несколько ответов, N = количество организаций) / Fig. 3. Which of the listed forms of information and methodological support did state authorities use for your organization? (Several responses, N = number of organizations)

Данные на рис. 3 показывают, что в 39 % случаев органы власти помогали, хотя бы разово, во взаимодействии НКО и СМИ. Однако важно учесть, что прямое указание со стороны государственных органов осветить мероприятия НКО имеет краткосрочный эффект, не создавая заинтересованности у журналистов. Обучение сотрудников НКО медиакомпетенциям, которое можно считать более эффективным и долгосрочным инструментом информационной поддержки, организуется лишь в 11 % случаев.

Второй блок исследования – анализ ситуации с социальной рекламой. Эта сфера регулируется отдельными нормативно-правовыми актами и требует специальных медиа-форматов. Основные возможности для НКО по состоянию на 2017 год были связаны либо с наружной (баннерной) рекламой, либо с рекламными публикациями в СМИ. Органы государственной власти и местного самоуправления также могут являться собственниками уличных рекламных площадей. В 2017 году сегмент баннерной социальной рекламы на базе крупных интернет-платформ был не развит.

Как показало исследование, незначительная часть НКО смогла воспользоваться льготами на социальную рекламу. Бóльшая часть опрошенных организаций (122, или 60 %) даже не знали о норме Федерального закона от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе»[22], согласно которой можно размещать социальную рекламу по льготной ставке (рис. 4).

[22] *О рекламе* [Электронный ресурс]: Федер. закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ. Ч. 3 ст. 10. URL: https://base.garant.ru/12145525/ (дата обращения: 11.06.2024).

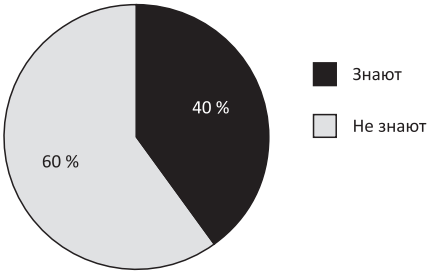

Рис. 4. Знаете ли вы о положенных вашей организации по закону льготах? (один ответ), % / Fig. 4. Do you know about the benefits that your organization is entitled to by law (one answer), %

48 НКО (24 % респондентов) сумели разместить социальную рекламу: 30 – в СМИ, 18 – на уличных баннерах (рис. 5). Но лишь у 22 НКО (11 % респондентов) это получилось бесплатно, как и предполагает льгота, зачастую при помощи органов власти, которые сопроводили запрос НКО специальным письмом.

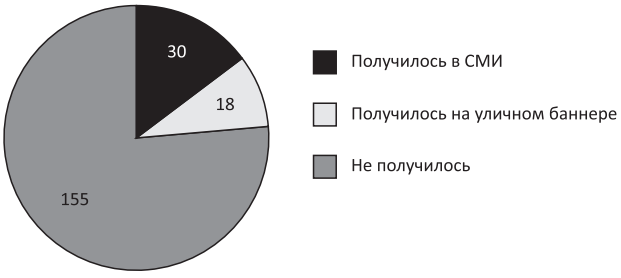

Рис. 5. Если вашей организации удалось разместить социальную рекламу, то в каком из источников? (Несколько ответов), % / Fig. 5. If your organization managed to place social advertising, then in what sources? (Several responses), %

Федеральный закон разрешает упоминание названия НКО в социальной рекламе (что является ключевым условием популяризации конкретной организации). Для социальной рекламы предусмотрена квота в 5 % от всей размещаемой рекламы[23], и это предписание должны исполнять как государственные, так и коммерческие операторы рекламы (СМИ и рекламные агентства). Однако рекламодатели нередко отказывают общественникам в размещении под предлогом того, что 5%-ная квота закончилась или что НКО занимаются саморекламой для дальнейшего оказания услуг уже на коммерческой основе. Иногда реклама размещается, но без упоминания конкретной организации. Такая реклама для НКО бессмысленна, так как не может привлечь пожертвования и волонтеров для ее деятельности. Чем влиятельнее СМИ, тем дороже реклама и тем выше финансовая мотивация к отказу в бесплатном размещении. Почти все опрошенные НКО (93 %) считают, что социальной рекламы должно быть больше. 65 % видели социальную рекламу в течение последнего

[23] *О рекламе…* Ч. 3 ст. 10.

года, а 35 % – не видели. Здесь стоит пояснить, что она может размещаться в «непроходных» местах (физические баннеры) или в ночное эфирное время на телевидении.

Вторая частая причина отказа – государственные мероприятия и события органов власти также де-факто оформляются как «социальная реклама». Таким образом, НКО вступают в неравную конкуренцию за льготы с органами власти разного уровня. Федеральный закон «О рекламе» гласит: «Социальная реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства»[24]. Так считают и опрошенные, утверждая, что когда они видят социальную рекламу, то чаще всего (51 % случаев) речь идет о городских праздниках и мероприятиях; на втором месте (15 %) – реклама на тему безопасности повседневной жизни (безопасность на транспорте, в лесу, вождение, криминал и т. д.), затем здоровый образ жизни (11,5 %) и семейные ценности (7 %). В этой связи необходимо дополнительное внимание регулятора – ФАС России – к вопросам равного и прозрачного доступа НКО к льготным квотам (рис. 6).

Рис. 6. Какие тематики социальной рекламы вы чаще всего видите в своем регионе? (Один ответ, %) / Fig. 6. What social advertising topics do you most often see in your region? (One answer, %)

Системное решение вопроса в части социальной рекламы требует законодательной работы: уточнения критериев социальной рекламы и разработки прозрачного для общественности порядка ее предоставления НКО; разделения понятий «социальная реклама» и «спонсорская реклама» (рекламирует социальные проекты коммерческих корпораций).

Несмотря на то, что эти законодательные изменения не были реализованы, государство предприняло шаги для организации прозрачного порядка взаимодействия. В августе 2017 года был создан Координационный совет по социальной рекламе и социальным коммуникациям при Общественной палате Российской Федерации[25], который, с одной стороны, содействует выде-

[24] *О рекламе* … П. 11 ст. 3.

[25] *Координационный* совет по социальной рекламе и социальным коммуникациям [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Обществ. палаты Рос. Федерации. URL: https://www.oprf.ru/structure_list/39 (дата обращения: 11.06.2024).

лению социальной рекламы на крупнейших СМИ, а с другой – верифицирует проекты НКО на соответствие социально значимым целям. В 2022 году автономная некоммерческая организация «Лаборатория социальной рекламы»[26] на средства президентского гранта издала Методические рекомендации по размещению социальной рекламы, которые разъясняют НКО правила и форматы размещения социальной рекламы[27].

В 2021 году Правительство Российской Федерации определило оператора социальной рекламы для обеспечения равных условий распространения социальной рекламы в Интернете – им стал Институт развития интернета (ИРИ)[28]. С этого времени оператор на конкурсной основе отбирает проекты для бесплатного размещения социальной рекламы на информационных ресурсах в сети Интернет. Поддержу за это время получили свыше 200 НКО[29]. По сравнению с 2017 годом, когда проводилось данное исследование, у НКО, очевидно, появилось больше возможностей рекламировать себя в интернет-среде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье были рассмотрены вопросы информационной поддержки социально ориентированных НКО. Поддержка органов государственной власти и местного самоуправления помогает НКО получить публикации в СМИ и площади под социальную рекламу. Однако одного содействия органов власти недостаточно: в первую очередь НКО должны соответствовать медиастандартам СМИ и / или оператора социальной рекламы. При взаимодействии со СМИ НКО должны представить интересный и тематически релевантный для конкретного СМИ информационный повод (здесь главная проблема – неумение большинства НКО работать в таком формате). В части социальной рекламы на баннерах и в СМИ НКО де-факто конкурируют с государственными органами, которые также продвигают собственные мероприятия через социальную рекламу.

В области взаимодействия журналистов и общественников основным решением является медиаобразование: для журналистов – усиление модуля социальной журналистики (курс для студентов и курсы ДПО для действующих сотрудников); для общественников – обучение эффективным пиар-технологиям и техникам работы со СМИ (проводится специализированными

[26] *Лаборатория* социальной рекламы [Электронный ресурс]. URL: https://www.soclaboratory.ru/ (дата обращения: 11.06.2024).

[27] *Методические* рекомендации по размещению социальной рекламы / Ред.-сост. И. А. Лев. М., 2022. 24 с. [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Обществ. палаты Рос. Федерации. URL: https://files.oprf.ru/storage/documents/metod-rekomen-razmesheniyu-socreklama.pdf (дата обращения: 16.06.2024).

[28] *Об определении* некоммерческой организации, осуществляющей функции оператора социальной рекламы [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.07.2021 № 1907-р. URL: https://base.garant.ru/401491599/ (дата обращения: 11.06.2024).

[29] Подробнее об этом см.: *Итоги* заявочной кампании конкурса на бесплатное размещение соцрекламы [Электронный ресурс] // Сайт Ин-та развития Интернета. 2024. 19 мар. URL: https://соцреклама.ири.рф/news/itogi_zaiavocnoi_kampanii_konkursa_na_besplatnoe_razmeshhenie_socreklamy/ (дата обращения: 28.06.2024).

НКО и ресурсными центрами). Эффективна также государственная поддержка СМИ, специализирующихся на социальной тематике.

В области социальной рекламы решением могло бы стать законодательное уточнение критериев социальной рекламы и разработка прозрачного порядка ее предоставления НКО; разделение понятий «социальная реклама» и «спонсорская реклама». Был выбран компромиссный путь: создание оператора социальной рекламы в сети Интернет (Институт развития интернета) и развитие сектора социальной рекламы на базе крупных интернет-платформ («Яндекс», «ВКонтакте» и др.).

Отдельным важным вопросом, требующим дополнительного исследования, является оценка стоимости информационной поддержки и оценка импакта – социального эффекта от такой рекламы. Если по первому аспекту можно провести параллели со стоимостью рекламы в издании или на баннере (или с себестоимостью производства медиаматериала), то оценка социальных импакт-эффектов – новое направление, которое только начинает развиваться в России.

Список источников

Аксенов В. В. Оказание государственной поддержки СО НКО в субъектах Российской Федерации // Ученые записки. 2020. № 1. С. 8–11. EDN: QDTUYX

Алмаматов А. А. Эффективность государственной имущественной поддержки СОНКО в регионах РФ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 4. С. 84–95. https://doi.org/10.28995/2073-6339-2022-4-84-95. EDN: PJMXGU.

Андреева М. А. Медиаобразование для этнокультурных НКО как инструмент продвижения темы межнациональных отношений в СМИ // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2021. Т. 1, № 10. С. 10–15. EDN: BADVWW.

Балашова Е. С., Суровегина Е. С., Липатова А. В. К проблеме воздействия социальной рекламы на общество // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. № 7. С. 183–188. https://doi.org/10.47581/2020/10.23.PS85/IE/7/49.028. EDN: EOYWFH.

Гришина Е. Л. Совершенствование системы управления продвижением некоммерческих организаций в России // Инновационная деятельность. 2021. № 1. С. 40–45. EDN: HVQXCE.

Громова М. Н., Мерсиянова И. В. Государственная поддержка НКО и проблема оценки ее эффективности // Гражданское общество в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 39–44. EDN: VPPXYB.

Ивлева Г. Ю., Коротеева О. В., Гончаров П. А. Механизмы и направления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти в современной России // Государственное управление: в поисках результативности / Отв. ред. О. А. Макарова. М.: Дело, 2016. С. 213–232. EDN: YYWTJB.

Кулькова В. Ю. Зарубежный опыт инфраструктурной поддержки некоммерческих организаций // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10, № 29. С. 43–50. EDN: SHWSEZ.

Мартынов Е. В. Социальная реклама: политико-правовое измерение // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2. С. 143–154. https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-2-873. EDN: KSAWWE.

Мерсиянова И. В., Беневоленский В. Б. Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 4. С. 7–26. EDN: XEDGVR.

Мерсиянова И. В., Иванова Н. В, Брюхно А. С. Изменилась ли цифровая компетентность российских НКО в условиях пандемии? // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 38–48. https://doi.org/10.31857/S013216250020647-4. EDN: LYLNLH.

Никовская Л. И., Якимец В. Н. Формирование и отстаивание общественных интересов в России: от «административной» к партнерской модели // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 49–63. https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.05. EDN: UJYYVV.

Новгородцева А. Н., Сивкова Н. И., Сысолятина Е. Л. Власть и некоммерческие организации в регионе: трудности взаимодействия (на примере Свердловской области) // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 2. С. 17–23. https://doi.org/10.24158/pep.2020.2.2. EDN: VDUPYV.

Пискунова М. И., Бондарчук Ю. С. СМИ как ключевая аудитория НКО: медиаотношения фонда «Вера» // Меди@льманах. 2018. № 5. С. 92–101. https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.5.2018.9210. EDN: YRNDKX.

Сапонова А. В., Задорин И. В. «Хорошими делами прославиться нельзя»: проблемы репрезентации в СМИ деятельности некоммерческого сектора во время пандемии COVID-19 в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 423–444. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1919. EDN: UPDQVL.

Семилетова А. А. Работа социально-ориентированных НКО во время пандемии: информационный (медийный) аспект // Региональная журналистика в новой коммуникационной среде: уроки пандемии Covid-19: сб. материалов Студенч. науч. чтений / Под общ. ред. Б. Н. Лозовского. Екатеринбург: Изд-во УРФУ, 2021. С. 155–160.

Соколов А. В., Исаева Е. А. Трансформация взаимодействия власти и общества под влиянием цифровизации: пример Ярославской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 4. С. 686–710. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-686-710. EDN: TWZBZP.

Сунгуров А. Ю. Публичная политика как поле взаимодействия и как процесс принятия решений // Публичная политика. 2006. № 1. С. 7–15. EDN: WWJTJN.

Тарасенко А. В. Изменение роли «третьего» сектора в процессе трансформации государственного благосостояния (на примере Санкт-Петербурга) // Публичная политика – 2011 / Под общ. ред. М. Б. Горного. СПб.: Норма, 2012. С. 136–145.

Якобсон Л. И., Мерсиянова И. В., Беневоленский В. Б. и др. Справится ли государство в одиночку? О роли НКО в решении социальных проблем: аналит. докл. Нац. исследоват. ун-та «Высшая школа экономики». 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2012. 64 с. EDN: EWIDEH.

Knill C., Tosun J. Public policy: A new introduction. New York: Palgrave Macmillan, 2012. 363 p.

Putnam R. D. Bowling alone: America's declining social capital // Culture and politics / Ed. by L. Crothers, C. Lockhart. New York: Palgrave Macmillan, 2000. P. 223–234. https://doi.org/10.1007/978-1-349-62965-7_12.

Salamon L. M., Anheier H. K. Social origins of civil society: Explaining the non-profit sector cross-nationally // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 1998. Vol. 9. P. 213–248. https://doi.org/10.1023/A:1022058200985.

Salamon L. M., Toepler S. Government–nonprofit cooperation: Anomaly or necessity? // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2015. Vol. 26. P. 2155–2177. https://doi.org/10.1007/s11266-015-9651-6.

Skokova Yu., Pape U., Krasnopolskaya I. The non-profit sector in today's Russia: Between confrontation and co-optation" // Europe-Asia Studies. 2018. Vol. 70, № 4. P. 531–563. https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1447089.

Waters R. D. Tracing the impact of media relations and television coverage on U. S. charitable relief fundraising: An application of agenda-setting theory across three natural disasters // Journal of Public Relations Research. 2013. Vol. 25, № 4. P. 329–346. https://doi.org/10.1080/1062726X.2013.806870.

Wegrich K., Werner J. Theories of the policy cycle // Handbook of public policy analysis: Theory, politics, and methods / Ed. by F. Fischer, J. G. Miller, M. S. Sidney. Boca Raton, FL: CRC/Taylor & Francis, 2007. P. 43–62.

Wollmann H. Policy evaluation and evaluation research // Handbook of public policy analysis: Theory, politics, and methods / Ed. by F. Fischer, J. G. Miller, M. S. Sidney. Boca Raton, FL: CRC/Taylor & Francis, 2007. P. 369–402.

Информация об авторе

А. А. Алмаматов – старший консультант АО «Всероссийский центр изучения общественного мнения» (ВЦИОМ), 119034, Россия, г. Москва, ул. Пречистенка, 38

SPIN-код (РИНЦ): 4842-8076

AuthorID (РИНЦ): 1248761

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024; одобрена после рецензирования 19.08.2024; принята к публикации 19.08.2024.

References

Aksenov, V. V. (2020), "State support for socially oriented non-profit organizations in the subjects of the Russian Federation", *Scientists Notes,* no. 1, pp. 8–11, EDN: QDTUYX.

Almamatov, A. A. (2022), "The efficiency of state property support for NGO in the regions of the Russian Federation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series,* no. 4, pp. 84–95, https://doi.org/10.28995/2073-6339-2022-4-84-95, EDN: PJMXGU.

Andreeva, M. A. (2021), "Media education for ethnocultural NGOs as a tool to promote the theme of international relations in the media", *Social Integration and Development of Ethnic Cultures in the Eurasian Space*, vol. 1, no 10, pp. 10–15, EDN: BADVWW.

Balashova, E. S., Surovegina, E. S. and Lipatova, A. V. (2020), "On the problem of the impact of social advertising on society", *Innovative economy: prospects for development and improvement*, no. 7, pp. 183–188, https://doi.org/10.47581/2020/10.23.PS85/IE/7/49.028, EDN: EOYWFH.

Grishina, E. L. (2021), "Improving the management system for the promotion of non-profit organizations in Russia", *Innovation Activity*, no. 1, pp. 40–45, EDN: HVQXCE.

Gromova, M. N. and Mersiyanova, I. V. (2016), "State support of the non-profit sector and issue of estimation of its efficiency", *Civil Society in Russia and Abroad*, no. 1, pp. 39–44, EDN: VPPXYB.

Ivleva, G. Yu., Koroteeva, O. V. and Goncharov, P. A. (2016), "Mechanisms and directions of public control over the activities of government bodies in modern Russia", in Makarova, O. V. (ed.), *Gosudarstvennoe upravlenie: v poiskah rezul'tativnosti* [Public administration: In search of efficiency], Delo, Moscow, Russia, pp. 213–232, EDN: YYWTJB.

Kulkova, V. Yu. (2014), "Foreign experience of infrastructure support for non-profit organizations", *National Interests: Priorities and Security*, vol. 10, no. 29, pp. 43–50, EDN: SHWSEZ.

Martynov, E. V. (2018), "Social advertising: A political and legal dimension", *Bulletin of Moscow Region State University,* no. 2, pp. 143–154, https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-2-873, EDN: KSAWWE.

Mersianova, I. V. and Benevolenski, V. B. (2016), "The comparative advantages of NPOs as social welfare services providers: An examination in the Russian context", *Public Administration Issues*, no. 4, pp. 7–26, EDN: XEDGVR.

Mersiyanova, I. V., Ivanova, N. V. and Bryuhno, A. S. (2021), "Digital transformation of Russian NGOs during the pandemic", *Sotsiologicheskie issledovaniya,* no. 9, pp. 38–48, https://doi.org/10.31857/S013216250020647-4, EDN: LYLNLH.

Nikovskaya, L. I. and Yakimets, V. N. (2015), "Formation and advocacy of the public interests in Russia: From "administrative" to partner model", *Polis. Political Studies,* no. 5, pp. 49–63, https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.05, EDN: UJYYVV.

Novgorodtseva, A. N., Sivkova, N. I. and Sysolyatina, E. L. (2020), "Power and non-profit organizations in the region: difficulties in interaction (a case study of the Sverdlovsk Region), *Society: Politics, Economics, Law*, no. 2, pp. 17–23, https://doi.org/10.24158/pep.2020.2.2, EDN: VDUPYV.

Piskunova, M. I. and Bondarchuk, Y. S. (2018), "Mass media as a key audience: Media relations of the Vera Foundation", *Medi@lmanah Journal*, no. 5, pp. 92–101, https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.5.2018.9210, EDN: YRNDKX.

Saponova, A. V. and Zadorin, I. V. (2021), "One cannot be famous for good deeds: Media coverage of non-profit sector activity during the COVID-19 pandemic in Russia", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 2, pp. 423–444, https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1919, EDN: UPDQVL.

Semiletova, A. A. (2021), "Work of socially oriented NGOs during a pandemic: Informational (media) aspect", in Losovsky, B. N. (ed.), *Regional'naya zhurnalistika v novoi kommunikatsionnoi srede: uroki pandemii Covid-19* [Regional journalism in the new communication environment: Lessons from the Covid-19 pandemic: Collection of materials from Student scientific readings], Ural Federal University Press, Yekaterinburg, Russia, pp. 155–160.

Sokolov, A. V. and Isaeva, E. A. (2022), "Transforming the interaction between authorities and civil society in digital: The evidence from the Yaroslavl Region", *RUDN Journal of Political Science*, no. 4, pp. 686–710, https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-686-710, EDN: TWZBZP.

Sungurov, A. Yu. (2006), "Public policy as a field of interaction and as a decision-making process", *Public Policy*, no. 1, pp. 7–15, EDN: WWJTJN.

Tarasenko, A. V. (2012), "Changing the role of the "third" sector in the process of transformation of the welfare state (on the example of St. Petersburg)", in Gornyi, M. B. (ed.), *Publichnaya politika – 2011* [Public politics – 2011], Norma, St. Petersburg, Russia, pp. 136–145.

Yakobson, L. I., Mersiyanova, I. V., Benevolenski, V. B. et al. (2012), *Spravitsya li gosudarstvo v odinochku? O roli NKO v reshenii sotsial'nykh problem* [Can the state cope alone? On the role of NGOs in solving social problems], analytical report of the National Research University Higher School of Economics, 2nd ed., revised and enlarged, HSE Press, Moscow, Russia, EDN: EWIDEH.

Knill, C. and Tosun, J. (2012), *Public policy: A new introduction*, Palgrave Macmillan, New York, NY, US.

Putnam, R. D. (2000), "Bowling alone: America's declining social capital", in Crothers, L. and Lockhart, C. (eds.), *Culture and politics*, Palgrave Macmillan, New York, NY, US, pp. 223–234, https://doi.org/10.1007/978-1-349-62965-7_12.

Salamon, L. M. and Anheier, H. K. (1998), "Social origins of civil society: Explaining the non-profit sector cross-nationally" *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 9, pp. 213–248, https://doi.org/10.1023/A:1022058200985.

Salamon, L. M. and Toepler, S. (2015), "Government–nonprofit cooperation: Anomaly or necessity?", *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, vol. 26, pp. 2155–2177, https://doi.org/10.1007/s11266-015-9651-6.

Skokova, Yu., Pape, U. and Krasnopolskaya, I. (2018), "The non-profit sector in today's Russia: Between confrontation and co-optation", *Europe-Asia Studies*, vol. 70, no. 4, pp. 531–563, https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1447089.

Skokova, Yu., Pape, U. and Krasnopolskaya, I. (2018), "The non-profit sector in today's Russia: between confrontation and co-optation", *Europe-Asia Studies*, vol. 70, no. 4, pp. 531–563, https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1447089.

Waters, R. D. (2013), "Tracing the impact of media relations and television coverage on U. S. charitable relief fundraising: An application of agenda-setting theory across three natural disasters", *Journal of Public Relations Research*, vol. 25, no. 4, pp. 329–346, https://doi.org/10.1080/1062726X.2013.806870.

Wegrich, K. and Werner, J. (2007), "Theories of the policy cycle", in Fischer, F., Miller, J. G. and Sidney, M. S. (eds.), *Handbook of public policy analysis: Theory, politics, and methods*, CRC/Taylor & Francis, Boca Raton, FL, US, pp. 43–62.

Wollmann, H. (2007), "Policy evaluation and evaluation research", in Fischer, F., Miller, J. G. and Sidney, M. S. (eds.), *Handbook of public policy analysis: Theory, politics, and methods*, CRC/Taylor & Francis, Boca Raton, FL, US, pp. 369–402.

Information about the author

A. A. Almamatov – Senior Consultant of the Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), 38 Prechistenka Str., Moscow, 119034, Russia
SPIN code (RSCI): 4842-8076
AuthorID (RSCI): 1248761

The author declares no conflicts of interest.

The article was submitted on 05.07.2024; approved after reviewing 19.08.2024; accepted for publication 19.08.2024.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 374–402.
Ars Administrandi. 2025. Vol. 17, no. 2, pp. 374–402.

Эта работа © 2025 Сысоевой О. В., Васиной А. В., Киселевой О. Н., Горячевой Т. В. распространяется под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

This work © 2025 by Sysoeva, O. V., Vasina, A. V., Kiseleva, O. N. and Goryacheva, T. V. is licensed under Creative Commons Attribution 4.0 International. To view a copy of this license, visit https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Научная статья
УДК 338.28(470)
https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-374-402

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ ПО УРОВНЮ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРИ УКРЕПЛЕНИИ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА СТРАНЫ

Ольга Владимировна Сысоева[1]✉, **Анастасия Владимировна Васина**[2], **Оксана Николаевна Киселева**[3], **Татьяна Владимировна Горячева**[4]

[1] Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, ovzaytseva@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-2181-3241

[2, 3, 4] Саратовский государственный технический университет имени Ю. А. Гагарина, Саратов, Россия

[2] nasty530@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3340-2554

[3] oksana@briik.ru, https://orcid.org/0000-0003-2741-2753

[4] tvgsgtu@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-1129-7589

Аннотация. Введение: в настоящее время в развитии экономики большинства государств прослеживаются две доминанты: на международном уровне – стремление к достижению высоких показателей устойчивого развития, на национальном уровне – необходимость обеспечения технологической независимости. **Цель:** провести сравнительный анализ достижения целей устойчивого развития (ЦУР) Российской Федерации на международном уровне, а также определить степень заинтересованности регионов в достижении определенных показателей устойчивого развития – экономических, социальных, экологических и институциональных. **Методы:** использовались данные отчета об устойчивом развитии 166 государств – членов ООН, а также данные рейтинга регионов Российской Федерации по достижению целей устойчивого развития ООН за 2022 год. Методический инструментарий охватывает такие методы обработки информации, как обзор литературы, сравнение, а также кластерный анализ на основе метода k-means 85 российских регио-

нов. **Результаты:** по результатам аналитического исследования позиции России в международных рейтингах по устойчивому развитию имеют двоякое значение: в общем рейтинге стран она замыкает второй квартиль среди 166 стран, а в сравнении со странами БРИКС является лидером. По результатам кластерного анализа российские регионы классифицированы в зависимости от достигнутых значений четырех видов показателей ЦУР. **Выводы:** по состоянию за 2022 год 54 % от общего количества регионов страны сосредоточены на достижении высоких экономических показателей ЦУР, в то время как 46 и 39 % регионов являются отстающими по достижению соответственно социальных и институциональных показателей ЦУР.

Ключевые слова: цели национального развития, самообеспеченность, региональное развитие, международные рейтинги, государство, кластеризация, технологический суверенитет, устойчивое развитие

Для цитирования: *Сысоева О. В., Васина А. В., Киселева О.Н., Горячева Т. В.* Кластеризация регионов по уровню достижения целей устойчивого развития при укреплении технологического суверенитета страны // Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 374–402. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-374-402.

Original article

REGIONS CLUSTERIZATION BY ACHIEVING A SUSTAINABLE DEVELOPMENT WHILE STRENGTHENING THE TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF THE COUNTRY

Olga V. Sysoeva[1]✉, Anastasia V. Vasina[2], Oksana N. Kiseleva[3], Tatyana V. Goryacheva[4]

[1] Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, ovzaytseva@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-2181-3241

[2, 3, 4] Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia

[2] nasty530@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3340-2554

[3] oksana@briik.ru, https://orcid.org/0000-0003-2741-2753

[4] tvgsgtu@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0002-1129-7589

Abstract. Introduction: there are two main dominants in economic development in most countries at the international level – the desire to achieve high levels of sustainable development, at the national level – the need to ensure technological independence. **Objectives:** to conduct a comparative analysis of achieving sustainable development goals (SDG) of the Russian Federation at the international level, as well as to determine the degree of interest in regions to achieving certain indicators of sustainable development – economic, social, environmental and institutional. **Methods:** data from the report on sustainable development of 166 UN member states was used, as well as data from the Russian regions ranking in terms of achieving the UN sustainable development goals for 2022. The methodological tools cover such information processing methods as literature review, comparison method, as well as cluster analysis based on the k-means method for 85 Russian regions. **Results:** the analytical study shows that Russia's position in international rankings for sustainable development has a dual meaning: in the overall ranking it ranks second in the second quartile among 166 countries, and in comparison, with the BRICS countries it is a leader. Based on the results of cluster analysis, Russian regions classification has been built depending on the achieved values of four types of SDG indicators. **Conclusions:** 54 % of all Russian regions are focused on achieving high economic SDG indicators, while 46 and 39 % respectively are lagging in achieving social and institutional indicators of the SDGs.

Keywords: national development goals, self-sufficiency, regional development, international ratings, state, clustering, technological sovereignty, sustainable development

For citation: Sysoeva, O. V., Vasina, A. V., Kiseleva, O. N. and Goryacheva T. V. (2025), "Regions clusterization by achieving a sustainable development while strengthening the technological sovereignty of the country", *Ars Administrandi*, vol. 17, no. 2, pp. 374–402, https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-374-402.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие Российской Федерации в настоящее время стимулируется, с одной стороны, объективной необходимостью наращивания высокотехнологичного производственного потенциала для достижения технологического суверенитета в условиях повышенной турбулентности во взаимоотношениях с внешними акторами, а с другой – международными угрозами и вызовами в виде беспрецедентного санкционного давления. Несмотря на то, что санкции продемонстрировали негативные последствия и для глобальной экономики, участники рынка постепенно адаптируются к новым условиям международного разделения труда, принимая в расчет постоянные риски их ужесточения. При этом в технологической сфере у России нет явных преимуществ по сравнению с другими странами, помимо заделов, имеющихся с советских времен и включающих большое количество фундаментальных результатов интеллектуальной деятельности, которые не были использованы в производстве («неработающие» патенты), а доступ к импорту высоких технологий будет очень ограниченным еще в течение длительного времени. Исходя из этих обстоятельств становится очевидным, что зависимость от зарубежных технологий может служить существенным источником давления на российское государство и сопровождаться попытками манипулировать его позицией. Поэтому необходимость обеспечения технологического суверенитета становится актуальной проблемой (Приходько, 2022, с. 91).

Вопросами технологической независимости в современной истории России начали заниматься еще в 1992 году, что, безусловно, было связано с процессами формирования основ национальной безопасности[1]. Но с 2022 года можно отметить резкую активизацию дискурса официальных лиц в контексте необходимости скорейшего достижения технологического суверенитета. Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении на Петербургском международном экономическом форуме в 2022 году указал на то, что технологический суверенитет является одним из ключевых принципов развития государства, в соответствии с которым критически важные составляющие экономического развития не зависят от иностранных институтов[2]. Министр промышленности и торговли Д. В. Мантуров также под-

[1] *Послание* Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 23.02.1996 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/902010684 (дата обращения: 01.05.2024).

[2] *Пленарное* заседание Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Президента Рос. Федерации. 2022. 17 июня. URL: http://www.

черкивал, что необходим разворот от «абсолютно рыночной промышленной политики к политике обеспечения технологического суверенитета»[3]. Важность выстраивания технологического суверенитета в сжатые сроки отмечал и премьер-министр М. В. Мишустин[4]. В настоящее время формируется законодательная база для обеспечения технологического суверенитета: принят, но еще не вступил в силу Федеральный закон «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[5].

Тем не менее следует отметить отсутствие единого понятия технологического суверенитета и на международном, и на государственном уровне. По-видимому, полным технологическим суверенитетом, если понимать его как производство всех продуктов, сейчас не обладает ни одна страна в мире. В российской практике данный термин документально закреплен в Концепции технологического развития на период до 2030 года[6]. Согласно данному документу, технологический суверенитет определяется как:

1) патернализм критических и сквозных технологий;

2) достижение национальных целей;

3) обеспечение конкурентоспособности технологий и продукции как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Таким образом, основной задачей в российской научно-технической сфере является достижение в сжатые сроки высоких результатов в разработке и внедрении сквозных и критических технологий. Решение данной задачи невозможно без устойчивого развития как государства в целом, так и составляющих его регионов. При этом одной из основных научных проблем, по мнению авторов, является то, что до настоящего времени не предложен наиболее эффективный способ взаимодействия участников процесса по укреплению технологического суверенитета, основанного на принципах устойчивого развития с учетом российской специфики и внешних изменений. Акцент делается только на некоторых, главным образом инструментальных, аспектах по импортозамещению посредством высокотехнологических разработок, в то время как концептуальные основы, определяющие вектор технологического развития государства, до сих пор не сформулированы, чем и определяется актуальность данного исследования.

---

kremlin.ru/events/president/news/68669 (дата обращения: 16.05.2025).

[3] *Мантуров* анонсировал уход от рыночной промышленной политики [Электронный ресурс] // РБК. 2022. 15 июля. URL: https://www.rbc.ru/economics/15/07/2022/62d13a1f9a79476ad8ac4709 (дата обращения: 09.05.2024).

[4] *Мишустин*: санкции вынуждают РФ в сжатые сроки выстроить свой технологический суверенитет [Электронный ресурс] // ТАСС. 2022. 4 июля. URL: https://tass.ru/ekonomika/15117835 (дата обращения: 09.05.2024).

[5] *О технологической* политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ. URL: https://docs.cntd.ru/document/1310694684 (дата обращения: 25.05.2024).

[6] *Об утверждении* Концепции технологического развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-р. URL: https://docs.cntd.ru/document/1301657597 (дата обращения: 01.05.2024).

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Обзор научной литературы

Сложившаяся в настоящее время международная ситуация выявила и обострила имеющиеся в отечественной экономике проблемы, устранение которых зависит не только от принимаемых решений «сверху», но и от быстрой реакции «снизу». Научное сообщество оперативно откликнулось на поставленные органами власти задачи, что можно отследить по анализу публикационной активности в базе данных РИНЦ. Контент-анализ термина «технологический суверенитет» позволил выявить связь между введением санкций и исследованиями по данной теме: например, с 2014 по 2021 год было опубликовано 340 научных работ, в то время как за период с 2022 по 2023 год – 1 367 (по состоянию на 15 октября 2023 года)[7]. Разнообразие исследований порождает различия во взглядах на сущность и составляющие изучаемого понятия. Так, одни авторы рассматривают технологический суверенитет как развитие научно-технического и промышленного сектора технологий за счет собственных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (Кайгородцев, 2022, с. 16; Степанова, 2022, с. 574). Другие считают технологический суверенитет способностью различных видов хозяйственной деятельности обеспечивать производство продукции надлежащего качества (Фальцман, 2018, с. 85, 90–91). Несмотря, однако, на отсутствие единого подхода к рассматриваемой дефиниции, можно отметить общность взглядов, состоящую в понимании того, что технологический суверенитет должен быть направлен на независимость и контроль критических технологий в отраслях, ключевых для государства (Ештокин, 2022, с. 1305).

Определение места и сущности технологического суверенитета также отличается множественностью научных подходов. Анализ литературы позволил выделить, что технологический суверенитет преимущественно рассматривается как составляющая: 1) ареала национальной безопасности (Ездина и Данилов, 2023, с. 36); 2) различных форм суверенитета – научно-технологического (Наумов и Красных, 2023, с. 649), финансово-технологического (Андреева, 2014, с. 132–134; Мойсейчик и Фараджов, 2015, с. 65–66), информационно-технологического (Гущина и др., 2018, с. 61; Шинкевич и Идрисов, 2023, с. 11–13), фармацевтического (Гусев и Юревич, 2023, с. 19), экономического (Ткачева, 2023, с. 56–57) и др.; 3) государственного суверенитета (Crespi et al., 2021, p. 349–350). Следует отметить, что не только в России повысилась актуальность исследований на данную тематику. Зарубежные авторы также уделяют внимание технологической независимости, что можно обосновать не только стремительным развитием научно-технического прогресса и его влиянием на экономический потенциал государств, но и желанием многих стран иметь относительную автономию в плане ключевых технологий. Большую значимость указанным вопросам придает интерес со стороны правительств, пытающихся установить контроль над данными и системами связи (Кутюр

[7] *Результаты* поискового запроса [Электронный ресурс] // Науч. электрон. б-ка eLIBRARY.RU. 2023. 15 окт. URL: https://elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 15.10.2023).

и Тоупин, 2020, с. 56). Современные события, такие, например, как экономическое и торговое противостояние США и Китая (Halmai, 2023, p. 13), подтверждают важность достижения суверенитета в технологической сфере.

Как уже отмечалось выше, достижение технологического суверенитета в России в настоящее время сопряжено с введением санкций в различных отраслях. Отслеживая показатели коэффициента самообеспеченности за 2000–2021 годы, который рассчитывается как отношение числа отечественных и всех поданных в России патентных заявок на изобретения, можно отметить его снижение с 0,81 до 0,63. При этом уровень технологической зависимости, рассчитываемый как соотношение числа иностранных и отечественных заявок на изобретения, поданных в России, за те же годы значительно вырос – с 0,23 до 0,58. Одновременно наблюдается тревожная тенденция снижения изобретательской активности: данный коэффициент демонстрировал рост с 2000 по 2015 год с 1,61 до 2,0, но в 2021 году снизился до 1,34[8]. Также важно отметить, что в абсолютных значениях индикаторов Российская Федерация имеет значительное отставание от лидеров – США, КНДР и стран Евросоюза.

Приведенные данные показывают, что до начала санкционного давления Россия не демонстрировала прорыва в области суверенного технологического развития, что усугубляет ее текущее положение. Можно предположить, что наращивание технологического суверенитета потребует много времени и сложных политических решений, но его достижение станет важным фактором в обеспечении не только экономического роста, но и научно-технологической безопасности (Афанасьев, 2022, с. 2386–2387). Обращаясь к Концепции технологического развития России до 2030 года, можно отметить амбициозные целевые показатели, связанные с процессом изменений в научно-технологическом секторе, который, в свою очередь, подразумевает эксплуатацию природных ресурсов и корректировку направлений государственных и частных инвестиций. Представленные изменения должны быть направлены на развитие личности, укрепление будущего потенциала для удовлетворения человеческих потребностей, а также недопущение негативного воздействия на экологию (Муршудли, 2023, с. 84).

Впервые официальное определение устойчивого развития появилось в 1983 году при формировании комиссии Брундтланд. Оно объяснялось как «комплекс мер, нацеленных на удовлетворение текущих потребностей человека при сохранении окружающей среды и ресурсов, то есть без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»[9]. Необходимость развивать направления устойчивого развития была закреплена еще в указах Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 года № 440 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому

[8] *Индикаторы* науки: стат. сб. / В. В. Власова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2023. С. 278 [Электронный ресурс]. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/818384496.pdf (дата обращения: 16.05.2024).

[9] *Устойчивое* развитие: что это такое и в чем его значимость [Электронный ресурс] // Forbes. 2021. 1 апр. URL: https://www.forbes.ru/obshchestvo/425081-ustoychivoe-razvitie-chto-eto-takoe-i-v-chem-ego-znachimost (дата обращения: 04.05.2024).

развитию»[10] и от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»[11]. Программный документ ООН «Повестка дня в области устойчивого развития» от 2015 года выделяет 17 целей устойчивого развития (ЦУР)[12]. Не все из них одинаково актуальны для разных частей мира, однако их достижение в целом позволит повысить качество жизни нынешних и будущих поколений. К настоящему времени выделены три группы целей устойчивого развития, в основании которых: 1) ответственное отношение к окружающей среде; 2) развитие социальной сферы; 3) достижение высокого качества корпоративного управления.

Материалы и методы

В качестве теоретической базы исследования использовались работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные различным аспектам обеспечения технологического суверенитета и устойчивого развития. На международном уровне были проанализированы показатели достижения целей устойчивого развития 166[13] государств – членов ООН на основе данных Отчета об устойчивом развитии. На уровне субъектов Российской Федерации были рассмотрены результаты ренкинга за 2021 и 2022 годы согласно данным, подготовленным МГИМО[14] на основании официальной национальной статистики. В рэнкинге все показатели ЦУР агрегированы в следующие аналитические кластеры: институциональный кластер – ЦУР 1 (ликвидация нищеты), ЦУР 10 (сокращение неравенства), ЦУР 16 (мир, правосудие и эффективные институты), ЦУР 17 (партнерство в интересах устойчивого развития); социальный кластер – ЦУР 3 (обеспечение здоровья и благополучия), ЦУР 4 (качественное образование), ЦУР 5 (гендерное равенство); экологический кластер – ЦУР 2 (ликвидация голода), ЦУР 6 (чистая вода и санитария), ЦУР 13 (борьба с изменением климата), ЦУР 15 (сохранение экосистем суши); экономический кластер – ЦУР 8 (достойная работа и экономический рост), ЦУР 9 (индустриализация, инновации и инфраструктура), ЦУР 11 (устойчивые города и населенные пункты), ЦУР 12 (ответственное потребление и производство). Показатели по ЦУР 7 и ЦУР 14 отсутствуют.

---

[10] *О Концепции* перехода Российской Федерации к устойчивому развитию [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 01.04.1996 № 440. URL: https://docs.cntd.ru/document/9017665 (дата обращения: 15.10.2023).

[11] *О Стратегии* национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 02.07.2021 № 400. URL: https://docs.cntd.ru/document/607148290 (дата обращения: 15.10.2023).

[12] *Преобразование* нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Декларация Ген. Ассамблеи ООН от 25.09.2015. URL: https://docs.cntd.ru/document/420355765 (дата обращения: 23.05.2024).

[13] Статистика охватывает 193 страны, однако 27 стран не набрали ни одного процента достижения ЦУР и в анализе не участвовали.

[14] *Ренкинг* МГИМО регионов РФ'23 по достижению ЦУР ООН. Анализ достижения показателей ЦУР ООН. 47 с. [Электронный ресурс] // Офиц. сайт МГИМО. 2023. 12 окт. URL: https://mgimo.ru/upload/2023/10/russia-esg-ranking-23.pdf (дата обращения: 22.04.2024); *Отчет* по проекту «Ренкинг регионов РФ в достижении целей устойчивого развития в соответствии с показателями ЦУР ООН». 270 с. [Электронный ресурс] // Офиц. сайт МГИМО. URL: https://mgimo.ru/upload/2022/11/ranking-regionov-rf.pdf (дата обращения: 22.04.2024).

С целью классификации регионов по группам был применен кластерный анализ с использованием метода k-means на основе достижения показателей ЦУР, через кластеризацию регионов в зависимости от близости к определенному центроиду. Стандартизированное отклонение определено как *z scores* (standardize to N(0,1)). Рассмотрено формирование трех кластеров: 1) регионы с минимальными значениями достижения ЦУР (отстающие), 2) регионы, имеющие средние значения ЦУР (пограничные), 3) регионы с максимальными значениями достижения ЦУР (лидеры).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ показателей целей устойчивого развития на различных уровнях

Большинство стран активно внедряют принципы устойчивого развития и стремятся достичь максимальных значений по утвержденным ООН показателям (Yaw Ahali, 2022, p. 68), согласно приоритетам, установленным национальными правительствами, а также имеющимся локальным проблемам.

Проведем анализ достижения ЦУР на международном уровне по данным за 2022 год[15]. В представленном рейтинге страны ранжируются в зависимости от процентного достижения ЦУР (в качестве максимального значения принимается 100 %). Так, на рисунке 1 представлен топ-10 стран с максимальным значением достижения ЦУР. Тройку лидеров образуют скандинавские страны – Финляндия, Швеция, Дания, за которыми с отставанием более 3 % следует Германия, а замыкает десятку Эстония. Для сравнения: Россия занимает 49-е место с совокупным значением по всем показателям 73,79 %.

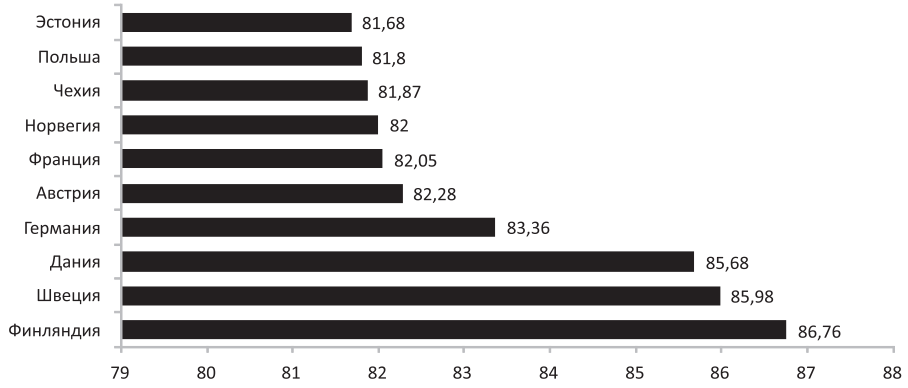

Рис. 1. Топ-10 стран с максимальными значениями по показателям достижения ЦУР в 2022 г., % / Fig. 1. Top 10 countries with maximum values for SDG achievement indicators, 2022, %

Источник: рис. 1–3, табл. 1 составлены авторами по данным сайта Sustainable Development Report.

[15] *Rankings*. The overall performance of all 193 UN member states [Online] // The Sustainable Development Report. 2022. URL: https://dashboards.sdgindex.org/rankings (Accessed May 25, 2024).

С целью анализа концентрации в определенных диапазонах значений достижения ЦУР по состоянию на 2022 год произведем группировку стран (рис. 2). С помощью правила Стёрджеса определим оптимальное количество интервалов (табл. 1).

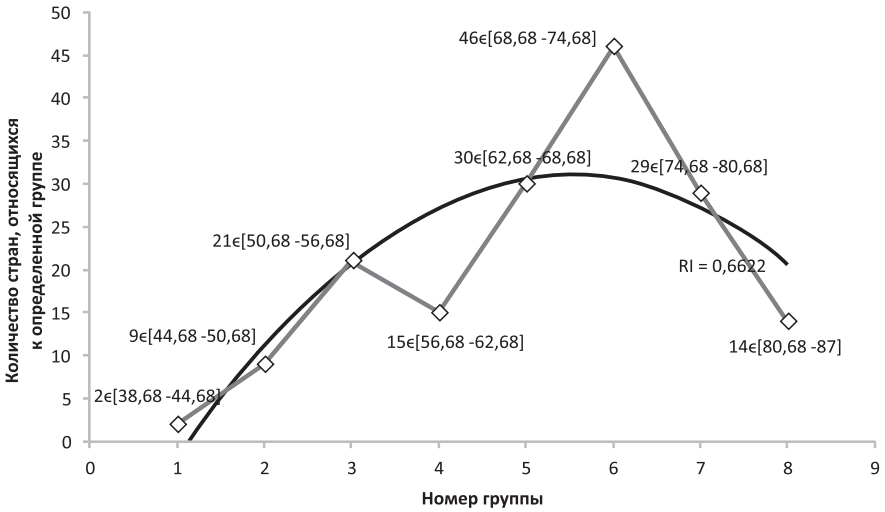

Рис. 2. Распределение 166 стран в зависимости от принадлежности к определенной группе значений за 2022 г. / Fig. 2. Distribution of 166 countries depending on a certain value group, 2022

Таблица 1/ Table 1

Распределение стран в зависимости от значений достижения показателей ЦУР / Distribution of countries depending on the values of SDG indicators achievement

№ группы	Диапазон значений	Количество стран	Страны
1	38,68–44,68	2, или 1,2 %	Южный Судан, Центрально-Африканская Республика
2	44,68–50,68	9, или 5,4 %	Чад, Нигер, Судан и др.
3	50,68–56,68	21, или 12,6 %	Ангола, Гаити, Конго и др.
4	56,68–62,68	15, или 9 %	Танзания, Пакистан, Руанда и др.
5	62,68–68,68	30, или 18 %	Индия, Кувейт, Ирак и др.
6	68,68–74,68	46, или 27,7 %	Мексика, Турция, Россия и др.
7	74,68–80,68	29, или 17,6 %	Таиланд, Сербия, Беларусь и др.
8	80,68–87,00	14, или 8,5 %	Финляндия, Швеция, Германия и др.

Из представленного в таблице 1 анализа можно сделать следующие выводы: 1) лидерами в достижении высоких значений показателей ЦУР являются практически все страны с развитой экономикой; 2) наименьшую долю в общем объеме составляют страны с низкими значениями показателей ЦУР (11 стран, или 6,6 %). В связи с этим важно подчеркнуть, что международным организациям следует уделять большее внимание странам с неразвитой эко-

номикой в целях интенсификации процессов повышения значений показателей ЦУР и выявления барьеров, препятствующих их развитию.

Для оценки влияния международной интеграции проведем анализ по достижению ЦУР Россией в сравнении с дружественными и нейтральными странами[16] за 2022 год (рис. 3).

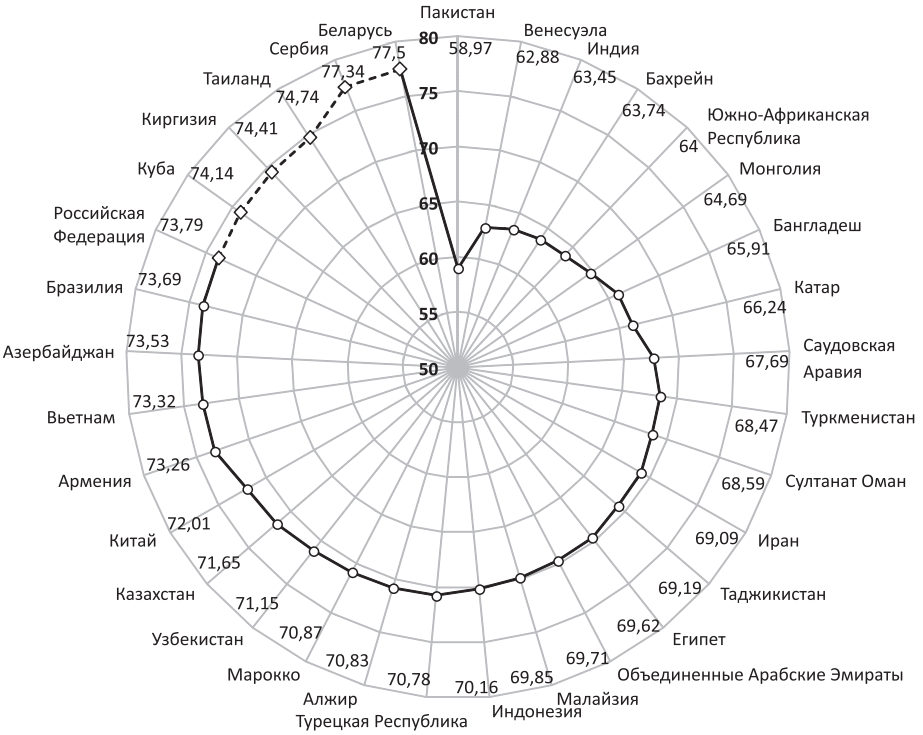

Рис. 3. Анализ достижения ЦУР дружественными и нейтральными странами относительно России, 2022 г. / Fig. 3. Analysis of SDG achievement by friendly and neutral countries relative to Russia, 2022

[16] *Об утверждении* перечня иностранных государств, в которых зарегистрированы иностранные банки (иностранные кредитные организации), действующие от своего имени и за свой счет, и иностранные юридические лица, осуществляющие деятельность, аналогичную деятельности брокера, которые могут быть допущены к участию в организованных торгах иностранной валютой и в организованных торгах, на которых заключаются договоры, являющиеся производными финансовыми инструментами, базисным активом которых являются валюта и (или) процентные ставки [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Российской Федерации распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.09.2023 № 2530-р. URL: https://docs.cntd.ru/document/1303073062 (дата обращения: 15.05.2024).

Согласно данным, представленным на рисунке 3, Россия со значением 73,79 % по достижению ЦУР находится на шестом месте в общем списке из 33 стран, уступая 3,71 % лидеру – Беларуси и 0,35 % Кубе. По сравнению со странами БРИКС Россия лидирует, на втором месте с небольшим отставанием расположилась Бразилия.

Несмотря на довольно высокие позиции России в международных рейтингах, необходимо, во-первых, рассмотреть отдельные показатели, демонстрирующие отставание, и выявить «проблемные точки», препятствующие более быстрому и качественному их изменению; во-вторых, провести интегральный анализ российских регионов по выполнению показателей с целью как укрепления и повышения позиций на международной арене, так и достижения технологического суверенитета, основанного на принципах устойчивого развития. Поэтому большой интерес представляет анализ и динамика значений показателей ЦУР на государственном уровне с учетом показателей субъектов Российской Федерации. Выборка состоит из 85 регионов за 2021 и 2022 годы.

На рисунке 4 представлены результаты кластеризации согласно рэнкингу 2021 года. Как видно из рисунка 4a, на котором кластеризация проведена по достижению экономических показателей ЦУР, в первый кластер (отстающие регионы) вошло 36 субъектов Российской Федерации, во второй (пограничные регионы) – 34 и в третий (лидеры) – 15 регионов. Таким образом, всего 18 % регионов относятся к лидерам по достижению значений показателей, а каждый второй регион является отстающим. Рисунок 4b показывает результаты кластеризации по значениям экологических показателей ЦУР. Здесь первый кластер представлен 21 субъектом Российской Федерации, второй кластер – 30, третий – 34. Кластеризация по значениям социальных показателей ЦУР отражена на рисунке 4c, из которого видно, что в первый кластер вошли 27 регионов, во второй – 17, в третий – 41. Кластеризация по значениям институциональных показателей ЦУР (рис. 4d) выявила, что первый кластер составляют 35 регионов, второй – 14 и третий – 36.

Суммарная классификация 85 российских регионов по результатам кластеризации значений экономических, социальных, экологических и институциональных показателей ЦУР за 2021 год представлена в таблице 2.

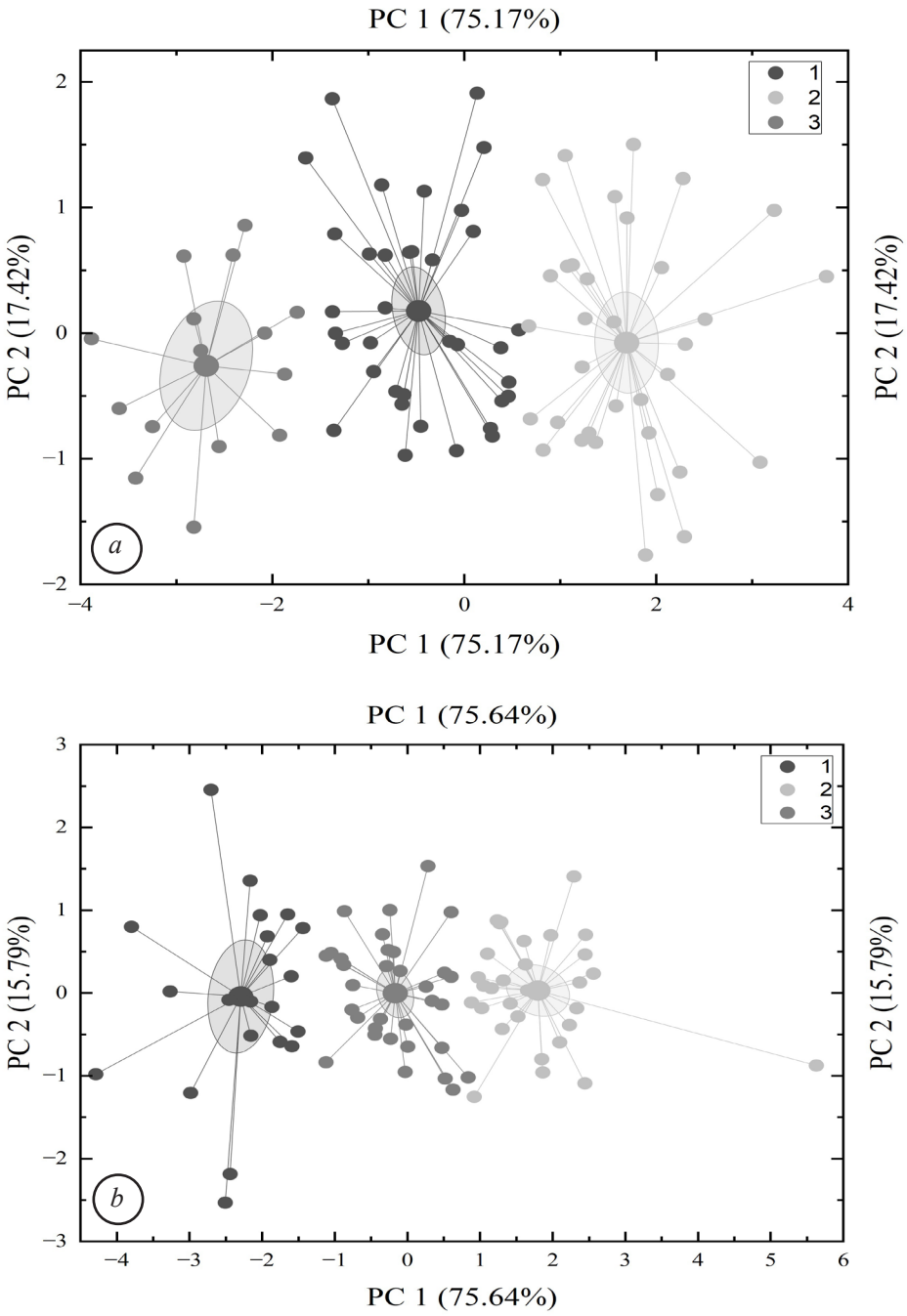
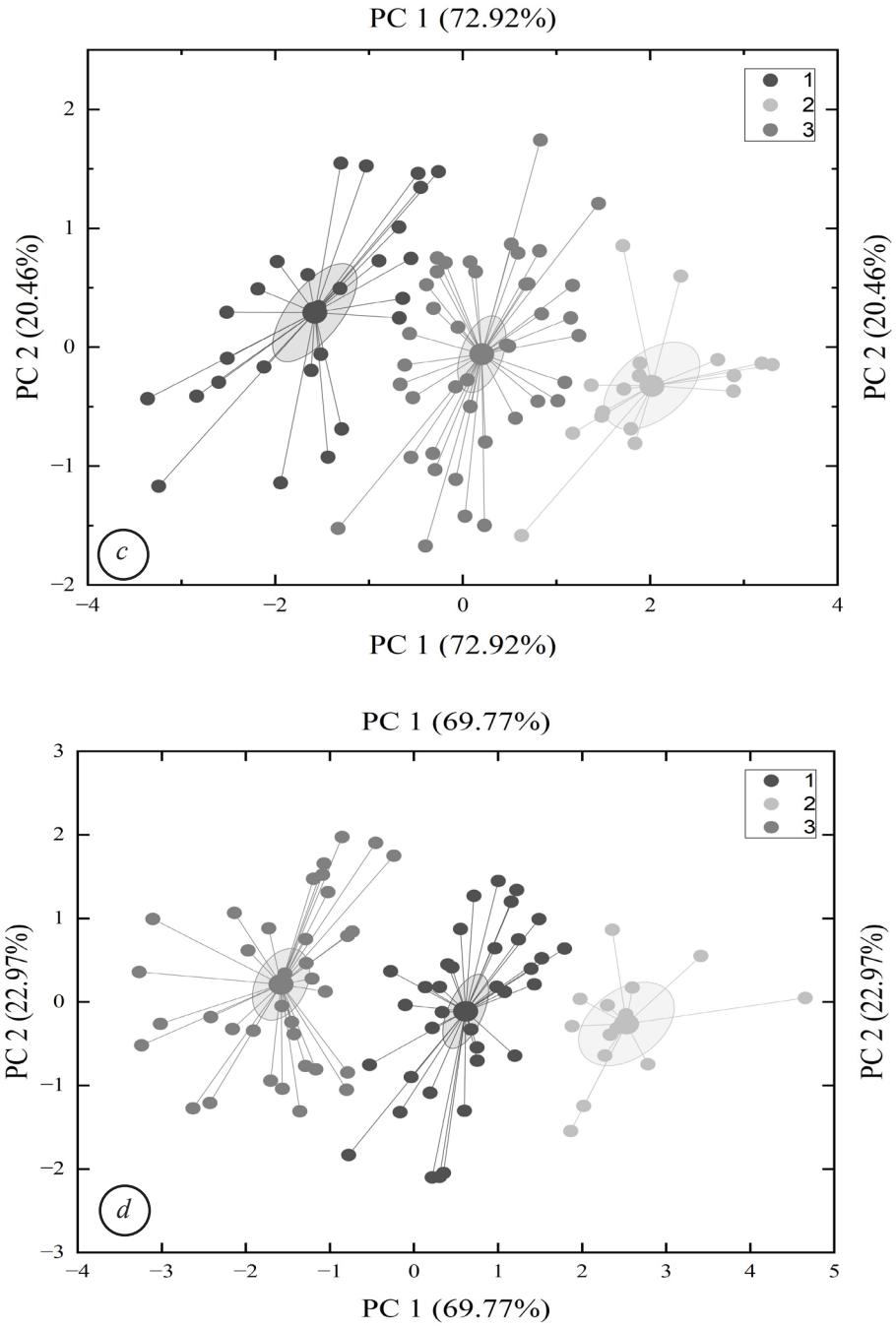

Рис. 4. Кластеризация 85 субъектов Российской Федерации по значениям: a) экономических показателей (ЦУР 8, ЦУР 9, ЦУР 11, ЦУР 12); b) экологических показателей (ЦУР 2, ЦУР 6, ЦУР 13, ЦУР 15); c) социальных показателей (ЦУР 3, ЦУР 4, ЦУР 5); d) институциональных показателей (ЦУР 1, ЦУР 10, ЦУР 16, ЦУР 17) (рэнкинг-2021) / Fig. 4. Clustering of 85 Russian regions according to the values of:

a) economic indicators (SDG 8, SDG 9, SDG 11, SDG 12); b) environmental indicators (SDG 2, SDG 6, SDG 13, SDG 15); c) social indicators (SDG 3, SDG 4, SDG 5); d) institutional indicators (SDG 1, SDG 10, SDG 16, SDG 17) (ranking 2021)

Источник: рис. 4–5, табл. 2–3 разработаны и составлены авторами.

Таблица 2 / Table 2

Классификация 85 российских регионов в результате кластеризации по значениям экономических, социальных, экологических и институциональных показателей ЦУР согласно рэнкингу 2021 года / Classification of 85 Russian regions as a result of clustering by the values of economic, social, environmental and institutional SDG indicators according to the 2021 ranking

Первый кластер	Экономические показатели	Республики Адыгея, Алтай, Дагестан, Карелия, Коми, Марий Эл, Северная Осетия – Алания, Удмуртская, Чувашская Республика – Чувашия, Алтайский, Краснодарский, Пермский, Приморский, Ставропольский, Хабаровский края, Астраханская, Волгоградская, Вологодская, Калининградская, Кировская, Костромская, Курганская, Мурманская, Оренбургская, Псковская, Ростовская, Саратовская, Сахалинская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тюменская области, Еврейская автономная область, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа
	Экологические показатели	Республики Бурятия, Дагестан, Калмыкия, Крым, Северная Осетия – Алания, Тыва, Забайкальский край, Архангельская, Иркутска, Камчатская, Костромская, Курганская, Омская, Ростовская, Саратовская, Смоленская области, Севастополь, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа
	Социальные показатели	Республики Адыгея, Алтай, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Мордовия, Северная Осетия – Алания, Тыва, Хакасия, Забайкальский край, Амурская, Астраханская, Костромская, Курганская, Магаданская, Мурманская, Новгородская, Омская, Орловская, Псковская, Рязанская, Смоленская области, Севастополь, Еврейская автономная область, Ненецкий, Чукотский автономные округа
	Институциональные показатели	Республики Адыгея, Алтай, Дагестан, Ингушетия, Крым, Северная Осетия – Алания, Тыва, Хакасия, Алтайский, Ставропольский, Хабаровский края, Амурская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Воронежская, Ивановская, Иркутская, Камчатская, Костромская, Курганская, Ленинградская, Липецкая, Орловская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Самарская, Саратовская, Томская, Ульяновская области, Москва, Санкт-Петербург, Еврейская автономная область, Ненецкий автономный округ

Второй кластер	Экономические показатели	Республики Башкортостан, Кабардино-Балкарская, Крым, Мордовия, Татарстан, Красноярский край, Белгородская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Камчатская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Магаданская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Самарская, Томская, Тульская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская области, Москва, Санкт-Петербург, Севастополь
	Экологические показатели	Республики Алтай, Кабардино-Балкарская, Марий Эл, Мордовия, Коми, Татарстан, Удмуртская, Хакасия, Чувашская Республика – Чувашия, Алтайский, Краснодарский, Красноярский, Хабаровский края, Амурская, Белгородская, Воронежская, Калининградская, Калужская, Кировская, Курская, Липецкая, Магаданская, Московская, Новгородская, Новосибирская, Оренбургская, Орловская, Тамбовская, Томская области, Москва
	Социальные показатели	Республики Саха (Якутия), Татарстан, Удмуртская Республика, Краснодарский, Хабаровский края, Белгородская, Кемеровская, Московская, Нижегородская, Ростовская, Самарская, Свердловская, Тюменская, Челябинская области, Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ
	Институциональные показатели	Республики Башкортостан, Калмыкия, Коми, Татарстан, Краснодарский, Красноярский, Пермский края, Архангельская, Вологодская, Кировская, Московская, Рязанская, Омская, Оренбургская области
Третий кластер	Экономические показатели	Республики Бурятия, Ингушетия, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Саха (Якутия), Тыва, Хакасия, Чеченская Республика, Забайкальский край, Амурская, Архангельская, Иркутская, Кемеровская области, Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа
	Экологические показатели	Республики Адыгея, Башкортостан, Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Карелия, Саха (Якутия), Чеченская Республика, Пермский, Приморский, Ставропольский края, Кемеровская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Ивановская, Астраханская, Ленинградская, Мурманская, Нижегородская, Пензенская, Псковская, Рязанская, Самарская, Сахалинская, Свердловская, Тверская, Санкт-Петербург, Тульская, Тюменская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская области, Еврейская автономная область
	Социальные показатели	Республики Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Карелия, Коми, Крым, Марий Эл, Чеченская, Чувашская Республика – Чувашия, Алтайский, Красноярский, Пермский, Приморский, Ставропольский края, Архангельская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Иркутская, Калининградская, Калужская, Камчатская, Кировская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Новосибирская, Оренбургская, Пензенская, Саратовская, Сахалинская, Тамбовская, Тверская, Томская, Тульская, Ульяновская, Ярославская области, Ямало-Ненецкий автономный округ

	Институциональные показатели	Республики Бурятия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Карелия, Марий Эл, Мордовия, Саха (Якутия), Удмуртская, Чеченская, Чувашская Республика – Чувашия, Забайкальский, Приморский края, Астраханская, Белгородская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Курская, Магаданская, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Сахалинская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Тюменская, Челябинская, Ярославская области, Севастополь, Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа

На основании полученных результатов можно сделать следующие выводы:

– наибольшее количество субъектов Российской Федерации (36 и 35) являются отстающими (первый кластер) по достижению значений экономических и институциональных показателей соответственно; наименьшее количество регионов (21) являются отстающими по достижению значений экологических показателей;

– наибольшее количество субъектов Российской Федерации (34 и 30) имеют пограничное значение (второй кластер) по достижению экономических и экологических показателей соответственно; наименьшее количество регионов (14) имеют пограничное значение по достижению институциональных показателей;

– наибольшее количество субъектов Российской Федерации (41) являются лидерами (третий кластер) по достижению значений социальных показателей, а наименьшее количество регионов (15) лидируют по достижению значений экономических показателей.

Отстающими регионами по всем четырем показателям являются Республика Северная Осетия – Алания, Костромская и Курганская области. По трем показателям отстают 11 регионов: Республики Адыгея, Алтай, Дагестан, Тыва, Псковская, Ростовская, Саратовская и Смоленская области, Еврейская автономная область, Ненецкий и Чукотский автономные округа. К регионам с пограничными значениями по четырем показателям относятся только Республика Татарстан и Московская область; к регионам с пограничными значениями по трем показателям – Краснодарский и Красноярский края, Белгородская область и город Москва. По четырем показателям лидирует только Чеченская Республика; лидерами по трем показателям являются 9 регионов: Республики Бурятия, Карачаево-Черкесская, Карелия, Саха (Якутия), Приморский край, Кемеровская, Сахалинская, Тверская, Тульская и Ярославская области.

Далее изучим достижения показателей ЦУР за 2022 год. На рисунке 5 представлены результаты кластеризации согласно рэнкингу 2023 года: 5a – результаты кластеризации по достижению экономических показателей ЦУР (в первый кластер вошли 27 регионов, во второй – 12, в третий – 46, то есть 54 % регионов относятся к лидерам по достижению значений показателей, а каждый третий регион является отстающим); 5b – результаты кластеризации по значениям экологических показателей ЦУР (здесь первый кластер представлен 30 субъектами Российской Федерации, второй – 19, третий – 36); 5c – результаты кластеризации по достижению социальных показателей ЦУР (в первый кластер вошли 39 регионов, во второй – 14, в третий – 32); 5d – результаты кластеризации по достижению институциональных показателей ЦУР (первый кластер составляют 33 региона, второй – 18, третий – 34).

Суммарная классификация 85 российских регионов по результатам кластеризации значений экономических, социальных, экологических и институциональных показателей ЦУР за 2022 год представлена в таблице 3.

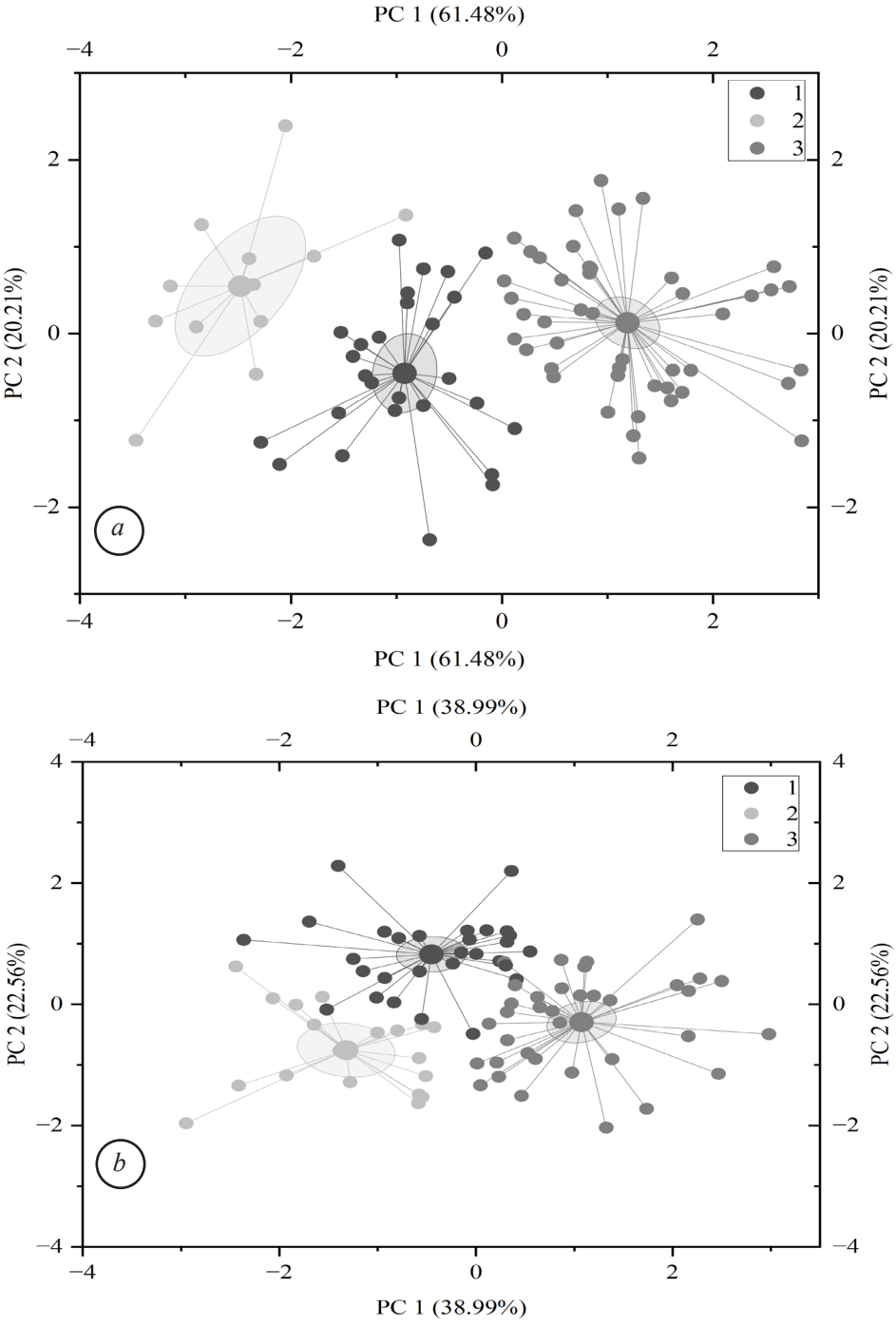
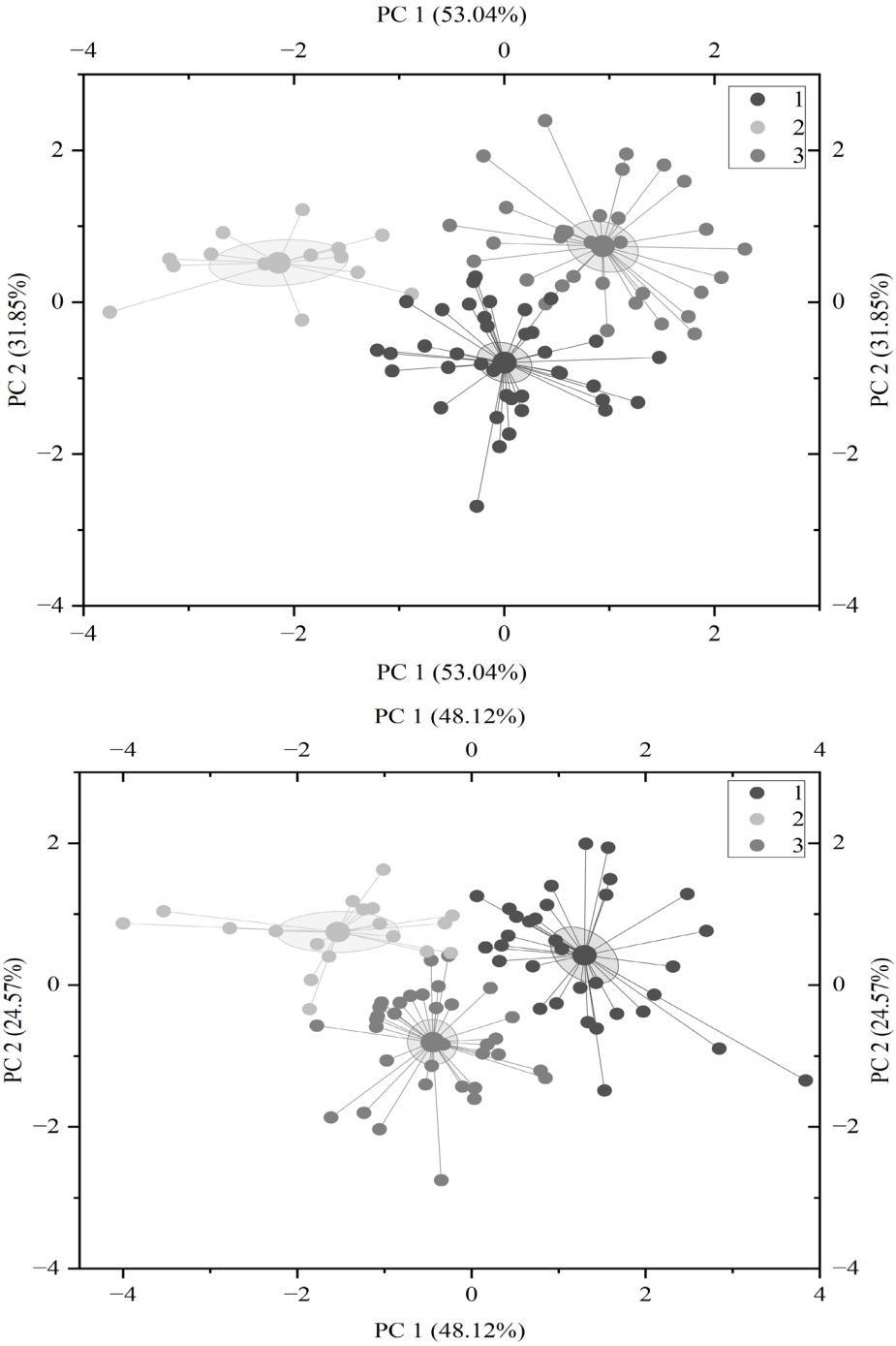

Рис. 5. Кластеризация 85 субъектов Российской Федерации по значениям: a) экономических показателей (ЦУР 8, ЦУР 9, ЦУР 11, ЦУР 12); b) экологических показателей (ЦУР 2, ЦУР 6, ЦУР 13, ЦУР 15); c) социальных показателей (ЦУР 3, ЦУР 4, ЦУР 5); d) институциональных показателей (ЦУР 1, ЦУР 10, ЦУР 16, ЦУР 17)

(рэнкинг-2023) / Fig. 5. Clustering of 85 Russian regions according to the values of: a) economic indicators (SDG 8, SDG 9, SDG 11, SDG 12); b) environmental indicators (SDG 2, SDG 6, SDG 13, SDG 15); c) social indicators (SDG 3, SDG 4, SDG 5); d) institutional indicators (SDG 1, SDG 10, SDG 16, SDG 17) (ranking 2023)

Таблица 3 / Table 3

Классификация 85 российских регионов в результате кластеризации по значениям экономических, социальных, экологических и институциональных показателей ЦУР согласно рэнкингу 2023 года / Classification of 85 Russian regions as a result of clustering by the values of economic, social, environmental and institutional SDG indicators according to the 2023 ranking

Первый кластер	Экономические показатели	Республики Адыгея, Бурятия, Алтай, Карелия, Коми, Марий Эл, Северная Осетия – Алания, Удмуртская Республика, Приморский край, Амурская, Архангельская, Астраханская, Иркутская, Камчатская, Кемеровская, Курганская, Магаданская, Мурманская, Оренбургская, Сахалинская, Тамбовская, Тверская, Тюменская области, Севастополь, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа
	Экологические показатели	Республики Алтай, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Хакасия, Забайкальский, Краснодарский, Приморский, Ставропольский, Хабаровский края, Амурская, Астраханская, Волгоградская, Воронежская, Иркутская, Калининградская, Камчатская, Курганская, Магаданская, Мурманская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Псковская, Ростовская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Тамбовская области, Еврейская автономная область
	Социальные показатели	Республики Башкортостан, Бурятия, Алтай, Калмыкия, Крым, Марий Эл, Тыва, Хакасия, Алтайский, Забайкальский, Красноярский, Приморский края, Амурская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Воронежская, Иркутская, Калининградская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курганская, Ленинградская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Орловская, Пензенская, Псковская, Рязанская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Томская, Ульяновская области, Еврейская автономная область
	Институциональные показатели	Республики Адыгея, Башкортостан, Саха (Якутия), Татарстан, Краснодарский, Красноярский, Пермский, Приморский, Хабаровский края, Амурская, Белгородская, Воронежская, Камчатская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Магаданская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Новосибирская, Ростовская, Сахалинская, Свердловская, Тульская, Тюменская, Ярославская области, Москва, Санкт-Петербург, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа

Второй кластер	Экономические показатели	Республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Саха (Якутия), Тыва, Хакасия, Чеченская Республика, Забайкальский край, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ
	Экологические показатели	Республики Адыгея, Бурятия, Ингушетия, Калмыкия, Карачаево-Черкесская, Карелия, Крым, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Тыва, Архангельская, Костромская, Сахалинская, Тюменская области, Севастополь, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа
	Социальные показатели	Республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Краснодарский, Ставропольский края, Астраханская, Московская, Ростовская, Тюменская области, Севастополь
	Институциональные показатели	Республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Крым, Марий Эл, Мордовия, Чеченская, Чувашская Республика, Ивановская, Костромская, Орловская, Пензенская, Псковская, Самарская, Саратовская, Тамбовская области, Севастополь
Третий кластер	Экономические показатели	Республики Башкортостан, Крым, Мордовия, Татарстан, Чувашская Республика – Чувашия, Алтайский, Краснодарский, Красноярский, Пермский, Ставропольский, Хабаровский края, Белгородская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Кировская, Костромская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Омская, Орловская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Томская, Тульская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская области, Москва, Санкт-Петербург
	Экологические показатели	Республики Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртская, Чеченская, Чувашская Республика – Чувашия, Алтайский, Красноярский, Пермский края, Белгородская, Брянская, Владимирская, Вологодская, Ивановская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Нижегородская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Томская, Тульская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская области, Москва, Санкт-Петербург
	Социальные показатели	Республики Карелия, Коми, Мордовия, Саха (Якутия), Татарстан, Удмуртская, Чувашская Республика – Чувашия, Пермский, Хабаровский края, Архангельская, Белгородская, Вологодская, Ивановская, Калужская, Камчатская, Курская, Липецкая, Магаданская, Мурманская, Нижегородская, Оренбургская, Самарская, Сахалинская, Тульская, Челябинская, Ярославская области, Москва, Санкт-Петербург, Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа

	Институциональные показатели	Республики Бурятия, Алтай, Калмыкия, Карелия, Коми, Северная Осетия – Алания, Тыва, Удмуртская, Хакасия, Алтайский, Забайкальский, Ставропольский края, Архангельская, Астраханская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Еврейская АО, Иркутская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Курганская, Новгородская, Омская, Оренбургская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Томская, Ульяновская, Челябинская области

На основании полученных результатов можно сделать следующие выводы:

– наибольшее количество субъектов Российской Федерации (39) являются отстающими (первый кластер) по достижению значений социальных показателей; наименьшее количество регионов (27) отстают по достижению значений экономических показателей;

– наибольшее количество субъектов Российской Федерации (19 и 18) имеют пограничное значение (второй кластер) по достижению значений экологических и институциональных показателей соответственно; наименьшее количество регионов (12) имеют пограничное значение по достижению значений экономических показателей;

– наибольшее количество субъектов Российской Федерации (46) являются лидерами (третий кластер) по достижению значений экономических показателей; наименьшее количество регионов (32) лидируют по достижению значений социальных показателей.

Таким образом, видно, что регионы большее внимание уделяют экономическому развитию (Алферова, 2023, с. 21) и меньшее – социальному. К регионам-лидерам по всем четырем значениям достижения показателей относятся три региона: Вологодская, Калужская и Челябинская области. К регионам-лидерам по трем значениям достижения показателей относятся 23 региона: Республики Коми, Мордовия, Татарстан, Удмуртская и Чувашская Республика – Чувашия, Алтайский и Пермский края, Белгородская, Брянская, Владимирская, Ивановская, Кировская, Курская, Липецкая, Нижегородская, Рязанская, Смоленская, Томская, Тульская, Ульяновская и Ярославская области, города Москва и Санкт-Петербург. К регионам, не являющимся лидерами ни по одному показателю, относятся 9 регионов: Республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская Республика, Приморский край, Амурская и Тюменская области, город Севастополь. К отстающим по всем четырем значениям достижения показателей относятся два региона: Приморский край и Амурская область. По трем значениям достижения показателей отстают 9 регионов: Республика Алтай, Воронежская, Иркутская, Камчатская, Магаданская, Мурманская, Новосибирская, Свердловская и Тамбовская области. Среди не имеющих значений показателей, относящих к отстающим, 9 регионов: Республики Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Мордовия, Чеченская и Чувашская Республика – Чувашия, Вологодская, Ивановская, Калужская и Челябинская области.

Далее сравним динамику изменения значений показателей для некоторых регионов. Так, согласно кластеризации за 2021 год единственным лидером по четырем показателям являлась Чеченская Республика, а за 2022 год социальные и экономические показатели у данного региона уже снизились до значений второго кластера. Самый значительный спад произошел у Приморского края: показатели третьего кластера снизились до значений первого кластера. Существенный снижение по показателям продемонстрировали также Республика Бурятия, Карачаево-Черкесская и Саха (Якутия), Сахалинская область. В то же время положительную динамику в эти годы показали Вологодская, Калужская и Челябинская области.

Если сравнивать количество регионов, сгруппированных в кластеры, то негативную тенденцию демонстрирует первый кластер: по социальным показателям в 2021 году – 27 регионов, а в 2022-м – 39; по экологическим показателям в 2021 году – 21 регион, а в 2022-м – 30. Произошли существенные изменения и в третьем кластере: значительное количество субъектов Российской Федерации улучшили экономические показатели – с 15 регионов до 46, а снижение произошло по социальным показателям – с 41 до 32.

Проведенный кластерный анализ показывает, что российские регионы весьма неоднородны по занимаемым позициям, неустойчивы и не сбалансированы в достижении значений показателей ЦУР. Наименьшее количество регионов находятся в кластере с пограничными значениями. Поэтому можно сделать вывод, что на федеральном уровне необходимо ставить задачи по выполнению и в дальнейшем повышению и укреплению значений экономических показателей, поскольку по своей природе они доминантны и отражают интегральное развитие экономики в целом. Однако данное развитие должно происходить на основе принципов устойчивой экологии, особенно в ситуации, демонстрирующей снижение значений экологических показателей у большого количества регионов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на противоречивые и часто негативные прогнозы экономического развития России со стороны и исследователей, и практиков в начале введения полномасштабных санкций, реальные результаты экономики страны демонстрируют положительную динамику. По данным Всемирного банка[17], Россия вошла в пятерку стран по экономическому развитию, обогнав Германию, Францию, Швейцарию, Канаду. Кроме того, необходимо отметить ее успехи в производстве отдельных видов продукции. Например, производство стали в июле 2023 года по сравнению с июлем 2020-го увеличилось на 5,8 %, достигнув 6,3 млн тонн. И все же по этому значению Россия серьезно уступает некоторым другим странам: Китаю, где рост составил 11,5 % (90,8 млн т), Индии – 14,3 % (11,5 млн т), Японии – 0,9 % (7,4 млн т) и США – 0,5 % (6,9 млн т)[18]. Поэтому, несмотря на определенные успехи, многие показатели национальной экономики требуют более интенсивных и инновационных решений.

В настоящее время в российской практике сложилась ситуация, когда внимание государства сосредоточено в основном на введении в промышленный оборот сквозных и перспективных технологий на базе уже имеющейся инфраструктуры или путем создания новых промышленных центров (например, особая экономическая зона «Технополис Москва», где было открыто производство микроэлектроники). Этот политический курс, как показывает проведенное исследование, отражается на стремлении регионов достичь высоких

[17] *Gross* Domestic Product (GDP) [Online] // World Economics. URL: https://www.worldeconomics.com/Indicator-Data/Economic-Size/Revaluation-of-GDP.aspx (Accessed May 15, 2024).

[18] *Россия в* июле увеличила производство стали на 5,8 % [Электронный ресурс] // ТАСС. 2023. 22 авг. URL: https://tass.ru/ekonomika/18559941 (дата обращения: 13.05.2024).

экономических показателей. Однако большое количество субъектов Российской Федерации, отстающих по социальным и институциональным показателям, демонстрирует, что принимаемые государством меры недостаточны и требуют дополнительных механизмов и инструментов для наращивания темпов развития периферийных регионов, что должно улучшить общую ситуацию в стране по достижению в том числе технологического суверенитета.

Список источников

Алферова Т. В. Оценка сбалансированности развития регионов на основе Целей устойчивого развития // ЭКО. 2023. № 4. С. 8–24. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-4-8-24. EDN: WGXBBC.

Андреева О. В. Технологический и финансовый суверенитет Российской Федерации: проблемы, противоречия, механизм обеспечения // Journal of Economic Regulation. 2014. Т. 5, № 4. С. 126–135. EDN: THKKNF.

Афанасьев А. А. Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 9. С. 2377–2394. https://doi.org/10.18334/epp.12.9.116243. EDN: KEKJUR.

Гусев А. Б., Юревич М. А. Фармацевтический суверенитет России: проблемы и пути достижения // Terra Economicus. 2023. Т. 21, № 3. С. 17–31. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-17-31. EDN: SSZDBG.

Гущина Е. А., Макаренко Г. И., Сергин М. Ю. Обеспечение информационно-технологического суверенитета государства в условиях развития цифровой экономики // Право.by. 2018. № 6. С. 59–63. EDN: YXLSPZ.

Ездина Н. П., Данилов Д. Р. К вопросу об обеспечении технологической безопасности в контексте экономической безопасности в России // Экономика и управление инновациями. 2023. № 2. С. 31–39. https://doi.org/10.26730/2587-5574-2023-2-31-39. EDN: TBRXZG.

Ештокин С. В. Сквозные технологии цифровой экономики как фактор формирования технологического суверенитета страны // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 3. С. 1301–1314. https://doi.org/10.18334/vinec.12.3.116193. EDN: AIGRIY.

Кайгородцев А. А. Новая индустриализация как условие обеспечения технологического суверенитета России // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2022. № 4. С. 9–21. https://doi.org/10.52210/2224669X_2022_4_9. EDN: SPNRAJ.

Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15, № 4. С. 48–69. https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-03. EDN: ZCVYRH.

Мойсейчик Г. И., Фараджов Т. И. Вопросы финансово-технологического суверенитета как основной предмет экономической науки XXI века // Oikonomos: Journal of Social Market Economy. 2015. № 2. С. 47–67. EDN: THPQWX.

Муршудли Ф. Ф. Зеленый банкинг для целей устойчивого развития // Форсайт. 2023. Т. 17, № 2. С. 82–94. https://doi.org/10.17323/2500-2597.2023.2.82.94. EDN: ZPWGDG.

Наумов И. В., Красных С. С. Пространственное моделирование влияния научно-исследовательского потенциала на динамику научно-технологического развития регионов России // Journal of Applied Economic Research. 2023. Т. 22, № 3. С. 630–656. https://doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.3.026. EDN: LLVQXJ.

Приходько И. И. Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 88–96. EDN: BJFQTC.

Степанова Т. Д. Технологический суверенитет России как элемент экономической безопасности // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12, № 9–1. С. 567–577. https://doi.org/10.34670/AR.2022.19.76.044. EDN: JNNZEN.

Ткачева Т. Ю. Формирование экономического суверенитета Российской Федерации: региональный аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 6. С. 54–64. https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-6-54-64. EDN: VWKVXL.

Фальцман В. К. Технологические суверенитеты России. Статистические измерения // Современная Европа. 2018. № 3. С. 83–91. https://doi.org/10.15211/soveurope320188391. EDN: XVYJNR.

Шинкевич А. И., Идрисов А. Э. Вопросы обеспечения технологического суверенитета России: аспекты цифровизации // Управление устойчивым развитием. 2023. № 3. С. 10–15. https://doi.org/10.55421/2499992X_2023_3_10. EDN: HNSWOA.

Crespi F., Caravella S., Menghini M. et al. European technological sovereignty: An emerging framework for policy strategy // Intereconomics. 2021. Vol. 56, № 6. P. 348–354. https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6.

Halmai P. Globalisation versus deglobalisation // Financial and Economic Review. 2023. Vol. 22, № 2. P. 5–24. https://doi.org/10.33893/FER.22.2.5.

Yaw Ahali A. Developing local content policy in pursuit of Sustainable Development Goals // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15, № 5. С. 64–78. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-64-78. EDN: YQLGDL.

Информация об авторах

О. В. Сысоева – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 115054, Россия, г. Москва, Стремянный пер., 36

SPIN-код (РИНЦ): 9303-1208

AuthorID (РИНЦ): 666049

Web of Science ResearcherID: M-8472-2016

Scopus Author ID: 57205378260

А. В. Васина – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Отраслевое управление и экономическая безопасность» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.», 410054, Россия, г. Саратов, ул. Политехническая, 77

SPIN-код (РИНЦ): 8120-4220

AuthorID (РИНЦ): 788862
Web of Science ResearcherID: U-7550-2018
Scopus Author ID: 57205547703

О. Н. Киселева – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Отраслевое управление и экономическая безопасность» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.», 410054, Россия, г. Саратов, ул. Политехническая, 77
SPIN-код (РИНЦ): 1108-6739
AuthorID (РИНЦ): 666325
Web of Science ResearcherID: AAY-5782-2021
Scopus Author ID: 57217105407

Т. В. Горячева – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Отраслевое управление и экономическая безопасность» ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.», 410054, Россия, г. Саратов, ул. Политехническая, 77
SPIN-код (РИНЦ): 2004-0596
AuthorID (РИНЦ): 507187
Web of Science ResearcherID: AAU-8106-2020
Scopus Author ID: 56584277400

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 28.05.2024; одобрена после рецензирования 07.08.2024; принята к публикации 07.08.2024.

References

Alferova, T. V. (2023), "Assessing the balance of regional development against the sustainable development goals", *ECO Journal*, no. 4, pp. 8–24, https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2023-4-8-24, EDN: WGXBBC.

Andreeva, O. V. (2014), "Technological and financial sovereignty of the Russian Federation: Challenges, contradictions and facilitating mechanisms", *Journal of Economic Regulation*, vol. 5, no. 4, pp. 126–135, EDN: THKKNF.

Afanasyev, A. A. (2022), "Technological sovereignty as a scientific category in the contemporary knowledge system", *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, vol. 12, no. 9, pp. 2377–2394, https://doi.org/10.18334/epp.12.9.116243, EDN: KEKJUR.

Gusev, A. B. and Yurevich, M. A. (2023), "The sovereignty of Russia in the area of pharmaceuticals: Challenges and opportunities", *Terra Economicus*, vol. 21, no. 3, pp. 17–31, https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-3-17-31, EDN: SSZDBG.

Gushchina, E. A., Makarenko, G. I. and Sergin, M. Y. (2018), "Ensuring information and technological sovereignty of the state under the conditions of development of digital economy", *Pravo.by*, no. 6, pp. 59–63, EDN: YXLSPZ.

Ezdina, N. P. and Danilov, D. R. (2023), "To the issue of ensuring technological security in the context of economic security in Russia", *Economics and Innovation Management*, no. 2, pp. 31–39, https://doi.org/10.26730/2587-5574-2023-2-31-39, EDN: TBRXZG.

Eshtokin, S. V. (2022), "End-to-end technologies of the digital economy as a factor in shaping a country's technological sovereignty", *Russian Journal of Innovation Economics,* vol. 12, no. 3, pp. 1301–1314, https://doi.org/10.18334/vinec.12.3.116193, EDN: AIGRIY.

Kaygorodtsev, A. A. (2022), "New industrialization as a condition for ensuring Russia's technological sovereignty", *Herald of the Moscow University of Finances and Law MFUA*, no. 4, pp. 9–21, https://doi.org/10.52210/2224669X_2022_4_9, EDN: SPNRAJ.

Couture, S. and Toupin, S. (2020), "What does the notion of "sovereignty" mean when referring to the digital?", *International Organisations Research Journal*, vol. 15, no. 4, pp. 48–69, https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-03, EDN: ZCVYRH.

Moiseichik, G. I. and Faradzhov, T. I. (2015), "Financial and technological sovereignty as a development principle for a global social market economy paradigm", *Oikonomos: Journal of Social Market Economy*, no. 2, pp. 47–67, EDN: THPQWX.

Murshudli, F. F. (2023), "Green banking for sustainable development", *Foresight and STI Governance*, vol. 17, no. 2, pp. 82–94, https://doi.org/10.17323/2500-2597.2023.2.82.94, EDN: ZPWGDG.

Naumov, I. V. and Krasnykh, S. S. (2023), "Spatial modelling of the impact of R&D potential on the dynamics of scientific and technological development of Russian regions", *Journal of Applied Economic Research*, vol. 22, no. 3, pp. 630–656, https://doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.3.026, EDN: LLVQXJ.

Prikhodko, I. I. (2022), "Theoretical aspects of the technological sovereignty concept", *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and Management*, vol. 8, no. 4, pp. 88–96, EDN: BJFQTC.

Stepanova, T. D. (2022), "Technological sovereignty of Russia as an element of economic security", Economics: Yesterday, Today and Tomorrow, vol. 12, no. 9–1, pp. 567–577, https://doi.org/10.34670/AR.2022.19.76.044, EDN: JNNZEN.

Tkacheva, T. Yu. (2023), "Formation of economic sovereignty of the Russian Federation: Regional aspect", *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economy. Sociology. Management*, vol. 13, no. 6, pp. 54–64, https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-6-54-64, EDN: VWKVXL.

Faltsman, V. K. (2018), "statistical measurements of Russia's technological sovereignty", *Contemporary Europe*, no. 3, pp. 83–91, https://doi.org/10.15211/soveurope320188391, EDN: XVYJNR.

Shinkevich, A. I. and Idrisov, A. E. (2023), "Issues of ensuring technological sovereignty of Russia: Aspects of digitalization", *Managing Sustainable Development*, no. 3, pp. 10–15, https://doi.org/10.55421/2499992X_2023_3_10, EDN: HNSWOA.

Crespi, F., Caravella, S., Menghini, M. et al. (2021), "European technological sovereignty: An emerging framework for policy strategy", *Intereconomics*, vol. 56, no. 6, pp. 348–354, https://doi.org/10.1007/s10272–021–1013–6.

Halmai, P. (2023), "Globalisation versus deglobalisation", *Financial and Economic Review*, vol. 22, no 2, pp. 5–24, https://doi.org/10.33893/FER.22.2.5.

Yaw Ahali, A. (2022), "Developing local content policy in pursuit of Sustainable Development Goals", *MGIMO Review of International Relations*, vol. 15, no. 5, pp. 64–78, https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-5-86-64-78.

Information about the authors

O. V. Sysoeva – Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World Economy, Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russia

SPIN code (RSCI): 9303-1208
AuthorID (RSCI): 666049
Web of Science ResearcherID: M-8472-2016
Scopus Author ID: 57205378260

A. V. Vasina – Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Industry Management and Economic Security, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politekhnicheskaya Str., Saratov, 410054, Russia

SPIN code (RSCI): 8120-4220
AuthorID (RSCI): 788862
Web of Science ResearcherID: U-7550-2018
Scopus Author ID: 57205547703

O. N. Kiseleva – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Industry Management and Economic Security, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politekhnicheskaya Str., Saratov, 410054, Russia

SPIN code (RSCI): 2004-0596
AuthorID (RSCI): 666325
Web of Science ResearcherID: AAY-5782-2021
Scopus Author ID: 57217105407

T. V. Goryacheva – Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Industry Management and Economic Security, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politekhnicheskaya Str., Saratov, 410054, Russia

SPIN code (RSCI): 1108-6739
AuthorID (RSCI): 507187
Web of Science ResearcherID: AAU-8106-2020
Scopus Author ID: 56584277400

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interest.

The article was submitted on 28.05.2024; approved after reviewing 07.08.2024; accepted for publication 07.08.2024.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 403–420.
Ars Administrandi. 2025. Vol. 17, no. 2, pp. 403–420.

Эта работа © 2025 Рогач О. В. распространяется под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

This work © 2025 by Rogach, O. V. is licensed under Creative Commons Attribution 4.0 International. To view a copy of this license, visit https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Научная статья
УДК 338.22:316.3(470)
https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-403-420

ПОТЕНЦИАЛ УЧАСТИЯ БИЗНЕСА В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ (НА ОСНОВЕ ОЦЕНОК ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ)

Ольга Владимировна Рогач[1]
[1] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, rogach16@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3031-4575

Аннотация. Введение: органы власти уделяют значительное внимание поиску инструментов повышения эффективности развития инфраструктурного профиля российских территорий. Недостаточность местных бюджетов, изношенность инфраструктурного фонда и иные проблемы заставляют и властей, и население обращаться к практикам сотрудничества с предпринимательским сообществом. **Цель:** провести анализ потенциальных возможностей и существующих ограничений участия представителей бизнес-структур в процессах развития социальной инфраструктуры территорий. **Методы:** анкетный опрос представителей местных сообществ (N=844). **Результаты:** исследование показало наличие противоречия между признанием в оценках населения низкой значимости бизнеса как субъекта территориального развития и завышенным запросом к ресурсному вкладу предпринимателей в модернизацию социальной инфраструктуры. Установлено, что в мнениях общественности доминирует идея о приоритете социальной ответственности бизнеса в ущерб экономической целесообразности финансовых вложений предпринимателей. В частности, ответы респондентов иллюстрируют суженный диапазон участия бизнеса в развитии инфраструктуры: спонсорство и благотворительность. Только треть жителей продемонстрировали интерес к увеличению доли частных объектов социальной инфраструктуры. Среди сельских жителей и населения малых городов в большей степени доминирует потребительский запрос к предпринимателям на финансирование инфраструктурного развития. **Выводы:** результаты исследования показали высокий потенциал участия бизнеса в развитии территориальной инфраструктуры, обусловленный высоким общественным запросом на данные практики. Однако, в условиях доминирования патерналистских ожиданий населения, недостаточного интереса к услугам частных инфраструктурных объектов и в целом низкого уровня общественного доверия, потенциал привлечения бизнеса к развитию территориальной инфраструктуры существенно лимитирован.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, бизнес, власть, местное население, социальная ответственность, доверие в экономических отношениях

Для цитирования: *Рогач О. В.* Потенциал участия бизнеса в развитии социальной инфраструктуры (на основе оценок общественного мнения) // Ars Administrandi (Искусство

управления). 2025. Т. 17, № 2. С. 403–420. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-403-420.

Original article

POTENTIAL FOR BUSINESS PARTICIPATION IN THE DEVELOPMENT OF SOCIAL INFRASTRUCTURE (BASED ON PUBLIC OPINION ASSESSMENTS)

Olga V. Rogach[1]

[1] Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, rogach16@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3031-4575

Abstract. Introduction: authorities pay a considerable attention to the search for tools to increase the efficiency of the infrastructural profile development in Russian territories. The insufficiency of local budgets, the infrastructure fund deterioration and other problems force both the authorities and the population to turn to practices of cooperation with the business community. **Objectives:** to analyze the potential opportunities and exist restrictions on the participation of business representatives in the processes of territories social infrastructure development. **Methods:** a questionnaire survey of local communities' representatives (N=844). **Results:** the study showed the existence of a contradiction in the population's assessments between the low importance of business as a subject of territorial development and the inflated demand for the resource contribution of entrepreneurs to the social infrastructure modernization. Public opinion is dominated by the idea of social responsibility priority in business to the detriment of the economic feasibility of financial investments made by entrepreneurs. In particular, the respondents' answers illustrate the narrowed range of business participation in infrastructure development: sponsorship and charity. Only a third of residents demonstrated interest in increasing the share of private social infrastructure facilities. Among rural residents and the population of small towns in the Russian Federation, the consumer demand for entrepreneurs to finance infrastructure development is more dominant. **Conclusions:** the results of the study showed the high potential for business participation in the development of territorial infrastructure, due to the high public demand for these practices. However, given the dominance of population paternalistic expectations, insufficient interest in the services of private infrastructure facilities and a generally low level of public trust, the potential for attracting business to the development of territorial infrastructure is significantly limited.

Keywords: social infrastructure, business, authority, local population, social responsibility, trust in economic relations

For citation: Rogach, O. V. (2025), "Potential for business participation in the development of social infrastructure (based on public opinion assessments)", *Ars Administrandi*, vol. 17, no. 2, pp. 403–420, https://doi.org/10.17072/2218-9173-2025-2-403-420.

ВВЕДЕНИЕ

Социальная инфраструктура рассматривается сегодня как один из основополагающих элементов обеспечения качества жизни современного горожанина (Рогач и Фролова, 2023, с. 518), снижения социальной изоляции и роста

благополучия представителей местных сообществ (Kim and Kim, 2024, p. 1). По мнению ученых, социально-экономическое развитие российских городов предъявляет особые требования к инфраструктурному профилю урбанизированных пространств, требует консолидации усилий власти, бизнеса и населения в данном вопросе. Так, ключевыми приоритетами устойчивого развития российских территорий являются модернизация инфраструктурных сетей, внедрение инноваций, обеспечение безопасных и комфортных условий жизнедеятельности людей (Бобылев, 2016, с. 12), участие бизнеса в социально-экономическом развитии территории присутствия (Поподько и др., 2022, с. 989). Однако в современных условиях, по мнению ученых, наблюдается существенный разрыв между необходимым объемом инвестиций в социальную инфраструктуру и реальным финансовым обеспечением инфраструктурных потребностей населения (Юрьева, 2022, с. 341). Дисфункции развития социальной инфраструктуры порождают снижение доступности удобств и услуг, ухудшение социального благополучия, рост социальной напряженности (Фролова и Рогач, 2023, с. 102). Люди, живущие в районах с низкой концентрацией доступных услуг и удобств, по принципу снежного кома, склонны к низкому уровню образования, плохому физическому и психическому здоровью, непропорциональным возможностям трудоустройства и социальной изоляции (Nicoletti et al., 2022, p. 832). Анализ инфраструктурного профиля российских территорий иллюстрирует наличие ряда нерешенных проблем. По мнению А. Е. Шамина и Н. В. Проваленовой, динамика роста аварийного жилого фонда в городских поселениях к 2018 году составила 105,8 %, тогда как в сельских населенных пунктах данный показатель превышал 200 % (Шамин и Проваленова, 2020, с. 84).

Однако справедливо заметить, что российскими властями взят курс на повышение качества городской инфраструктуры и сокращение неравенства доступности между городскими сообществами. Так, 15 июня 2023 года в ходе торжественной церемонии открытия инфраструктурных объектов в регионах В. В. Путин отметил, что «масштабные транспортные проекты дают толчок комплексному развитию территорий, городов и поселков, служат стимулом для жилищного и инфраструктурного строительства в регионах». За 10 месяцев 2023 года было построено и реконструировано около 650 км федеральных и региональных трасс (что почти в 3 раза больше, чем в 2022 году); реконструировано 2,6 тыс. школ и 2,5 тыс. медицинских учреждений, введены 1,5 тысячи быстро возводимых фельдшерско-акушерских пунктов[1].

Модернизация инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса приобретает политическое значение, так как позитивно влияет на настроения россиян. Кроме того, городская инфраструктура может способствовать созданию общих пространств, с помощью которых можно усилить гражданскую активность и повысить уровень институционального доверия.

[1] *Инфраструктурная* политика: достижения новой России и вызовы будущего [Электронный ресурс] // Сайт Агентства полит. и экон. коммуникаций. 2023. 23 нояб. URL: https://regcomment.ru/regions/rossiya/infrastrukturnaya-politika-dostizheniya-novoj-rossii-i-vyzovy-budushhego/ (дата обращения: 17.05.2024).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эффективность решения проблем инфраструктуры во многом определяется мерами государственной поддержки, однако недостаточность региональных и местных бюджетов ориентирует органы власти на поиск инструментов сотрудничества с предпринимательским сообществом (Гурьянова и др., 2021, с. 281). Несмотря на устоявшийся стереотип доминирования коммерческой рентабельности бизнес-практик, курс на получение социального эффекта и развитие социальной ответственности предпринимательства занимает одно из ведущих мест в современной повестке (Вилли, 2022, с. 45). Изучению потенциала бизнес-сообществ и их роли в развитии инфраструктурного профиля российских городов посвящены исследования ряда отечественных авторов. В частности, делаются выводы, что в современных условиях отмечается запрос общественности на формирование новой парадигмы социальной ответственности бизнеса. Ее содержательными характеристиками должны стать реализация взаимовыгодных партнерских проектов власти и бизнеса, трансформация благотворительных практик в экономически рентабельные формы социальных инвестиций (Аносов, 2020, с. 79). Дополняя данную точку зрения, А. В. Попова и М. М. Симонова вводят новый концепт восприятия роли бизнеса: переход от пассивного спонсорства к активному лидерству в социальной сфере. На основе проведенного исследования авторы делают вывод, что социальная ответственность бизнеса не может формироваться только как реакция на запрос населения, а должна отражать внутреннюю потребность предпринимателей и компаний в повышении комфортности городской среды (Попова и Симонова, 2021, с. 112). Вовлеченность бизнеса в решение проблем территориального развития формирует его репутационный капитал, повышает конкурентные преимущества за счет роста доверия со стороны местного сообщества (Карандасова, 2023, с. 9).

Зачастую крупные предприниматели демонстрируют практики социально ориентированного поведения, что, по сути, выходит за рамки получения прямых экономических выгод. Хотя надо отметить, что социальная политика российских предприятий в большинстве своем связана с реализацией «социального пакета» для своих сотрудников (льготы в получении спортивных, медицинских и образовательных услуг). Несколько реже бизнес оказывает благотворительную поддержку спортивным или культурным мероприятиям, проводимым в городе (Измайлова, 2021, с. 108). При этом для малого и среднего бизнеса расширение радиуса участия в жизни местного сообщества представляется еще более сложной практикой ввиду недостаточности ресурсной базы для социальных инвестиций (Яхнеева и Лесковская, 2021, с. 1752).

Таким образом, в современных условиях отмечается недостаточный уровень включенности бизнеса в решение социально-экономических проблем территории (Кузнецов, 2020, с. 262). Можно предположить, что дистанцированность предпринимателей от практик модернизации инфраструктуры связана с низким уровнем доверия в обществе. С одной стороны, присутствуют завышенные ожидания со стороны местных сообществ, которые видят бизнес как потенциального донора решения инфраструктурных проблем. С другой стороны, высокая налоговая нагрузка, нестабильность рыночных условий повы-

шают риски ведения рентабельной хозяйственной деятельности для бизнеса, что снижает его готовность к активному участию в процессах развития территории.

По мнению зарубежных исследователей, снижение уровня доверия в обществе оказывает негативное воздействие на деловую уверенность бизнеса, его готовность к реализации партнерских практик (de Mendonça and Almeida, 2019, p. 1985). Утрата доверия в экономических отношениях негативно сказывается на эффективности деятельности хозяйствующих субъектов (Орлов и Рябинин, 2023, с. 60), что может сужать диапазон участия предпринимателей в развитии социальной инфраструктуры урбанизированных пространств. Дефицит доверия провоцирует бизнес на реализацию деструктивных экономических практик, таких как «теневизация», «оффшориация», краткосрочные горизонты планирования (Александрова, 2019, с. 74) в ущерб долгосрочным социально-ориентированным проектам городского развития.

Стоит заметить, что исследования роли бизнес-структур в развитии инфраструктуры городов, проведенные на российской эмпирической базе, в большей степени учитывают экономические показатели вклада крупного бизнеса в модернизацию инфраструктуры или строительство новых объектов как политики социальных инвестиций в места присутствия. Вместе с тем анализ общественного мнения и оценок населения потенциала бизнес-структур как активного участника инфраструктурных преобразований в том числе в малых и средних городах России представлен сегодня достаточно скудно. Рассмотрение научных изысканий в границах поднимаемой проблематики показало, что чаще всего векторы исследования построены на идентификации экономической рентабельности ведения бизнеса на определенных территориях, оценки предпринимательским сектором проблем налаживания партнерских взаимодействий с властными структурами на местах. Фокусировка исследовательского внимания на опросе населения позволит снизить дефицит эмпирических данных и выдвинуть гипотезы о возможных перспективах активизации бизнес-сообщества для решения вопросов местного значения.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования заключалась в анализе роли бизнеса в развитии социальной инфраструктуры. В качестве субъекта оценки выступило местное население российских муниципальных образований. Исследование позволило определить перспективные формы участия предпринимателей в решении инфраструктурных проблем в оценках населения, установить ограничения, лимитирующие возможность расширения радиуса участия бизнеса в процессах развития социальной инфраструктуры урбанизированных пространств.

Автором выдвинуты следующие гипотезы:

1. Бизнес-сообщество рассматривается местными жителями как один из ключевых субъектов инфраструктурной модернизации местных сообществ.

2. Высокая ресурсность представителей бизнеса, по мнению общественности, определяет приоритетность спонсорских практик включения предпринимателей в решение инфраструктурных проблем: благотворительность, благоустройство и др.

В работе использовался комплекс аналитических процедур и методов исследования. В частности, применялся анализ документов, сравнительный и корреляционный анализ. Анализ документов позволил сформировать теоретический базис рассмотрения социально ответственного поведения бизнеса в практиках развития территорий, а также определить необходимость детализации перспективных форм включения бизнес-структур в модернизацию инфраструктурного профиля городов. Сравнительный анализ полученных авторских результатов с материалами Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) позволяет валидизировать методику исследования, а также определить возможные направления для ее оптимизации. Использование в работе корреляционного анализа направлено на установление зависимости между рядом характеристик целевых групп и их восприятием роли бизнеса в развитии инфраструктуры территории.

Ключевым методом сбора эмпирической информации послужил анкетных опрос населения. Выбор данного метода обусловлен необходимостью сбора количественных данных по изучаемой проблеме, а также организационными возможностями охвата респондентов. Социологическое исследование носило характер пилотного, что снизило требования к уровню репрезентативности выборки и позволило проверить методику, собрав предварительные данные для корректировки исследовательского инструментария. Сбор данных проводился в один этап с января по февраль 2023 года. Анкетирование проводилось в режиме онлайн, ссылка на инструментарий распространялась через цифровые городские сообщества, что определило стихийный характер формирования выборки. Рекрутинг респондентов осуществлялся на добровольной анонимной основе, территориальный охват представлен 65 субъектами Российской Федерации. Итоговое количество опрошенных составило 844 человека (табл. 1).

Таблица / Table

Социально-демографический профиль респондентов, человек / Socio-demographic profile of respondents, people

Пол респондентов	
мужчины	**женщины**
342	502

Возраст респондентов			
18-29	**30-45**	**46-55**	**56 и старше**
574	136	82	52

Семейный статус респондентов	
женат / замужем	**не женат / не замужем**
251	593

Наличие детей	
да	**нет**
279	565

Уровень образования		
среднее	**среднее профессиональное**	**высшее**
200	208	436

Уровень дохода			
низкий	**средний**	**высокий**	**затруднились с ответом**
219	431	83	111

Место проживания			
село	**малый город**	**средний город**	**крупный город**
50	99	182	513

Источник: таблица, а также все рисунки составлены автором.

Специфика проведения пилотажа не предусматривала ремонт выборки по социально-демографическим признакам или территории проживания. Таким образом, стихийный характер формирования выборки и, как следствие, недостаточный уровень соблюдения пропорций социально-демографических групп можно считать некоторым ограничением поведенного исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Интерес представляет тот факт, что более половины опрошенных (53,8 %) считают необходимым участие частного бизнеса в развитии социальной инфраструктуры. Только 17,8 % придерживаются противоположного мнения. Каждый четвертый затруднился с ответом на данный вопрос (рис. 1). Полученные данные могут служить иллюстрацией низкой осведомленности общественности в части функциональной роли предпринимательства в развитии инфраструктурного профиля территорий.

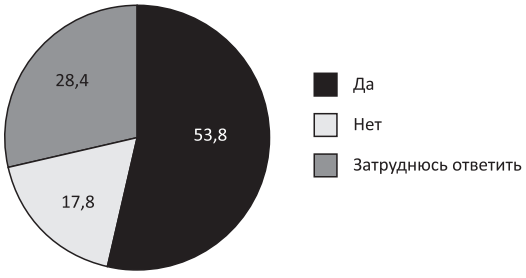

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы полагаете, должен ли бизнес участвовать в развитии социальной инфраструктуры», %. / Fig. 1 Distribution of answers to the question: "Do you think business should participate in the development of social infrastructure?", %

При этом среди респондентов с высоким уровнем дохода несколько выше доля тех, кто полагает необходимым участие частного бизнеса в развитии социальной инфраструктуры (57,8 %, что выше средних значений по выборке

на 4 п. п.). Полученные распределения в ответах респондентов требуют дальнейшей эмпирической проверки, выявления причинно-следственных связей с иными факторами воздействия. Однако можно предположить, что в данной категории респондентов несколько снижен уровень патерналистских запросов к государству.

Результаты исследования показали, что среди субъектов влияния на развитие инфраструктуры роль бизнеса, по мнению респондентов, является минимальной. Только каждый пятый опрошенный российский житель (19,4 %) считает, что бизнес-сообщество определяет вектор развития инфраструктуры муниципального образования. Вместе с тем остается дискуссионным вопрос о причинах минимизации влияния бизнеса на развитие социальной инфраструктуры. С одной стороны, можно предположить наличие объективных факторов, связанных с низкой финансовой включенностью бизнеса в строительство и эксплуатацию инфраструктурных объектов. С другой стороны, вполне вероятным представляется влияние стереотипов в общественном сознании, где преобладают патерналистские представления о доминантной роли государства в обеспечении инфраструктурного благополучия местных сообществ.

С полученными результатами контрастируют мнения об обязательности участия бизнеса в развитии городской инфраструктуры (53,8 %). В ответах респондентов прослеживается тенденция: в крупных городах население в меньшей степени склонно связывать надежды на модернизацию инфраструктурных объектов с участием предпринимателей (51,9 %, для сравнения в малых городах – 58,6 %) (рис. 2).

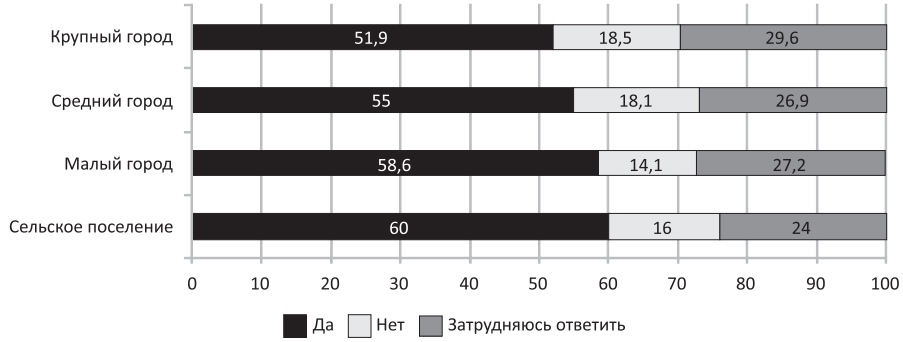

Рис. 2. Зависимость оценки необходимости участия бизнеса в развитии социальной инфраструктуры и местом проживания респондентов, % / Fig. 2. Assessment dependence of the need for business participation in the social infrastructure development and the respondents' place of residence, %

Таким образом, данные, представленные на рисунке 2, иллюстрируют тренд: с увеличением размера поселения снижаются притязания жителей на участие бизнеса в развитии инфраструктуры. Можно предположить, что неблагоприятный фон развития сельских поселений и малых городов, сниженный уровень доступности инфраструктурных объектов респонденты связывают с дисфункциями и некоторой несостоятельностью местных вла-

стей в решении территориальных проблем. Возможно именно данное обстоятельство заставляет местных жителей фокусироваться на потенциале предпринимательского сектора.

Незначительность роли бизнеса в процессах развития инфраструктуры, которая была отмечена в оценках респондентов, актуализирует вопрос о ведущем субъекте развития социальной инфраструктуры. Учитывая установленный патерналистский запрос местных жителей, вполне закономерным представляются полученные распределения ответов, в которых руководству города отводится приоритетная роль (76,3 %) (рис. 3).

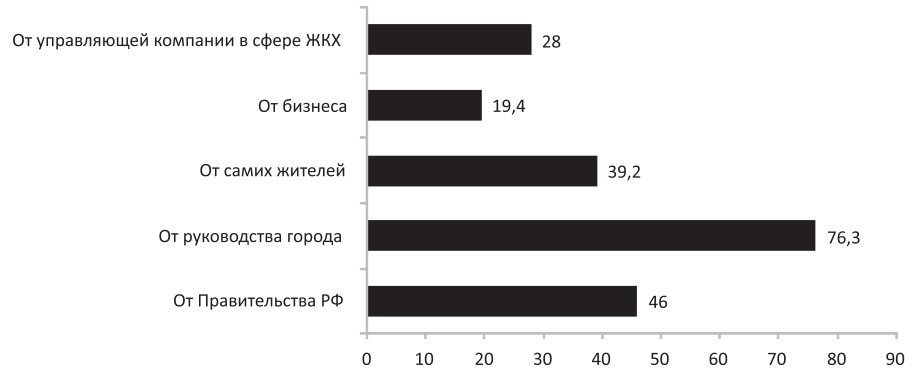

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Как вы полагаете, от кого зависит развитие инфраструктуры?», множественный выбор, % / Fig. 3. Distribution of answers to the question: "Who do you think infrastructure development depends on?", multiple choice, %

Аналогичные результаты получены в материалах опроса ВЦИОМ на тему: «Комфортная среда: оценки жителей российских городов», проведенного в июле 2023 года. Так 70,0 % россиян полагают, что в первую очередь за качество городской среды в населенном пункте несут ответственность региональные и муниципальные власти; 23,0 % – жители и только 5,0 % отметили, что ответственность может быть возложена на бизнес[2]. Полученные данные позволяют сделать ряд выводов: сегодня значимость участия бизнеса в развитии инфраструктуры недооценена местными жителями и представителями органов власти. В общественном сознании преобладает идея о «максимизации» роли власти в развитии городской среды при «минимизации» субъектной позиции, как самих жителей, так и предпринимательских сообществ. Можно предположить, что указанные диспропорции могут быть вызваны, в том числе, недостаточным уровнем доверия в обществе. Результаты исследования показали, что, несмотря на признание приоритетной роли власти в развитии инфраструктуры, только 30,1 % участников опроса высказывают доверие органам власти в данной сфере.

[2] *Комфортная* среда: оценки жителей российских городов [Электронный ресурс] // ВЦИОМ Новости. 2023. 24 июля. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/komfortnaja-sreda-ocenki-zhitelei-rossiiskikh-gorodov (дата обращения: 17.05.2024).

Установлено, что среди респондентов, отмечающих ключевую роль бизнеса в развитии инфраструктурного профиля, несколько выше доля тех, кто не удовлетворен состоянием городской инфраструктуры (27,4 %, что выше средних значений по выборке на 4,3 п. п.). Незначительность вариационного размаха в ответах респондентов требует дальнейшего эмпирического обоснования.

Местным жителям был задан вопрос о приоритетных формах участия бизнеса в процессах развитии социальной инфраструктуры (рис. 4). Согласно полученным ответам предпочтения респондентов сосредоточены на таких формах, как: «вкладывать средства в строительство инфраструктурных объектов» – 53,3 %; «спонсировать деятельность школ, больниц» – 49,8 %; «участвовать в благоустройстве территории» – 48,1 %. Вариант ответа «открывать частные музеи, галереи, театры/кинотеатры» отметило чуть больше трети опрошенных (37,2 %). Распределение ответов респондентов позволяет сделать вывод о доминировании потребительской позиции в отношении ресурсов предпринимательского сектора. В большинстве своем жителям местных сообществ свойственно недостаточно реалистичное представление о рентабельности предпринимательских инициатив, высоком уровне доходности частного бизнеса. Так, население полагает, что роль бизнеса в развитии инфраструктурного профиля территории заключается в спонсировании социальной сферы города и проектов благоустройства.

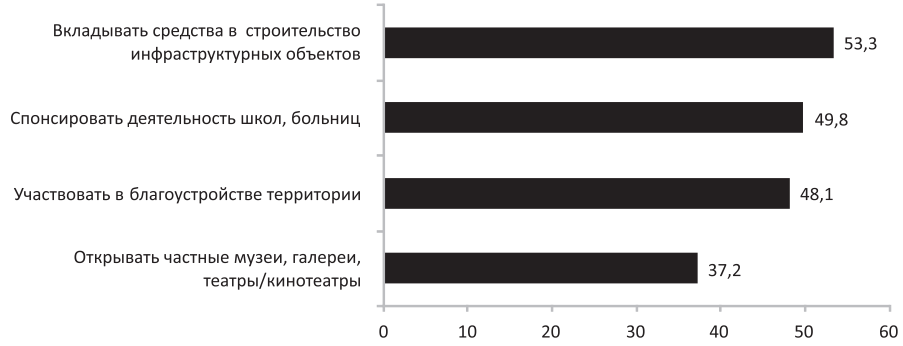

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос о формах участия частного бизнеса в развитии социальной инфраструктуры[3], множественный выбор, % / Fig. 4. Distribution of answers to the question on forms of private business participation in the social infrastructure development, multiple choice, %

Полученные в ходе исследования данные позволяют выделить две преобладающие позиции в ответах респондентов при оценке необходимости участия субъектов предпринимательства в развитии социальной инфраструктуры. Наибольший вес имеют респонденты, среди которых распространены потребительские ожидания и переоценка ресурсных возможностей бизнес-структур, экономической целесообразности финансовых вложений предпри-

[3] Сначала респондентам был задан вопрос: «Как вы полагаете, должен ли частный бизнес участвовать в развитии социальной инфраструктуры?» (да/нет/затрудняюсь ответить). Второй вопрос: «Если да, то каким образом?» (множественный выбор).

нимателей в инфраструктурный профиль территории. Во второй категории присутствуют респонденты, которые затруднились с оценкой функциональной роли бизнеса в решении проблем социальной инфраструктуры. Данные тенденции могут быть связаны с низким уровнем финансовой и инвестиционной грамотности населения, личным дистанцированием от реальных практик управления развитием инфраструктуры. Аналогичная взаимосвязь отмечается в других исследованиях, авторы которых констатируют не только низкий уровень финансовой грамотности взрослого населения, но и «отсутствие осознания» данного факта, мотивации к получению новых знаний (Лерман и Соловьева, 2020, с. 131).

Потребительский запрос к предпринимателям на финансирование инфраструктурного развития в большей степени характерен для жителей малых городов и сельских поселений. Можно предположить, что крупные города, консолидирующие в своих бюджетах значительный объем финансовых ресурсов, способны успешнее решать проблемы в социальной инфраструктуре. Соответственно, среди жителей крупных городов ниже доля респондентов, ожидающих от бизнеса включенности в практики развития социальной инфраструктуры. Наряду с этим для больших урбанизированных пространств характерна обезличенность практик взаимодействий, более высокий ритм жизни и фокусировка на проблемах «ближнего радиуса», что определило превышение доли респондентов, затруднившихся с ответом на вопрос о роли бизнеса в развитии социальной инфраструктуры.

Низкий уровень доступности объектов инфраструктуры для жителей малых городов и сельских поселений подтверждается и другими учеными. В частности, в исследовании П. И. Куконкова и С. В. Устинкина установлено наличие взаимосвязи между восприятием местными жителями окружающей обстановки в контексте деградации / ухудшения и возникновением у них чувства «социальной ущемленности» (Куконков и Устинкин, 2022, с. 24). По мнению ученых, региональная трансфертная политика обеспечивает лишь минимальное покрытие дефицитов местных бюджетов и не создает предпосылки для инвестиционных практик развития малых городов (Маркин и др., 2019, с. 49). В сложившихся условиях можно предположить, что внимание местных жителей будет фокусироваться на ресурсах бизнеса как источнике решения инфраструктурных проблем. Однако экономическая рациональность предпринимательского выбора объектов инвестирования (Еремеева, 2024, с. 149) не оставляет места положительным прогнозам увеличения присутствия бизнеса и наращивания капиталовложений в малых городах и сельских поселениях с низким уровнем платежеспособного спроса.

Результаты исследования показали, что представления российских жителей о роли бизнеса концентрируются в суженном диапазоне его участия: спонсорство и благотворительность. Такие предпринимательские инициативы, как оказание услуг на частных инфраструктурных объектах представляет интерес только для трети опрошенных респондентов. Аналогичные результаты получены в других исследованиях. Российские ученые говорят о том, что «ареал» социального присутствия градообразующего предприятия ограничен практиками благотворительности, спонсорской поддержки культурных

и спортивных мероприятий в городе (Симакова и др., 2023, с. 159; Макарова, 2024, с. 120). Можно предположить, что «финансово окупаемые» предпринимательские инициативы не представляют существенного интереса для современных жителей.

Полученные нами результаты задают тон дискуссии о роли бизнеса в развитии социальной инфраструктуры. Примечательно, что мнение жителей в большей степени отражает потребительский запрос на ресурсы предпринимательского сектора, при этом актуализация вопросов социальной ответственности бизнеса в средствах массовой информации расширяет границы общественных представлений о ресурсных возможностях предпринимателей и их обязательствах перед городом. Данный аспект рассматривается в зарубежных исследованиях в контексте экологической повестки, возникновения социальных конфликтов между бизнес-структурами и местными сообществами в ходе реализации инфраструктурных проектов (Sanggoro et al., 2023, p. 129.), создания элитарных инфраструктурно развитых зон в ущерб потребностям местного населения (Horton and Penny, 2023, p. 1714). Однако сегодня бизнес находится в весьма уязвимой позиции. В частности, отмечаются негативные тренды снижения доходности бизнеса в современных экономических условиях, обусловленные высоким размером налогов, сложностью получения кредитов, а также общим снижением покупательской способности населения (Заборова, 2021, с. 254).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования продемонстрировали противоречия между завышенными ожиданиями к спонсорской поддержке бизнес-сообщества и недооцененностью роли предпринимателей в развитии социальной инфраструктуры. Так, в числе субъектов, определяющих развитие инфраструктуры, бизнес занимает последние строчки рейтинга в ответах респондентов.

По мнению жителей, формы участия бизнеса в развитии инфраструктуры должны носить преимущественно донорский характер, а его роль сужаться до спонсорских практик в ремонте дорог, практиках благоустройства, помощи школам и больницам. Однако специфика предпринимательства определяется экономическим смыслом, ориентацией на поиск креативного подхода к решению проблем. Отрицание данных составляющих предпринимательской деятельности в процессах развития инфраструктурного профиля территории приводит к искажению экономической сути функционирования частного бизнеса.

Полученные результаты позволили сделать вывод о доминировании патерналистских ожиданий жителей российских городов, что снижает потенциал консолидации власти, бизнеса и населения в развитии социальной инфраструктуры муниципальных образований. Отмечается максимизация запроса к властным структурам при снижении оценки личного вклада населения в решение городских проблем. При этом роль бизнеса в большей степени определяется необходимостью закрытия «ресурсных дыр» местного сообщества, в меньшей степени жители ждут от бизнеса субъектной пози-

ции, предполагающей реализацию успешных предпринимательских инициатив, которые обеспечат модернизацию социальной инфраструктуры города. Только каждый третий респондент (37,2 %) считает, что частный бизнес должен участвовать в развитии городской инфраструктуры посредством открытия музеев, галерей, кинотеатров и других частных инфраструктурных объектов.

Таким образом, потенциал участия бизнеса определяется необходимостью решения инфраструктурных проблем, запросом жителей на вклад ресурсов предпринимательского сообщества в развитие российских территорий. Однако потребительские установки и патерналистские ожидания в общественном сознании, недостаточный уровень интереса населения к «финансово окупаемым» частным инфраструктурным объектам ограничивает потенциал участия бизнеса в развитии территориальной инфраструктуры.

Список источников

Александрова О. А. Обеспечение атмосферы доверия как условие экономического развития // Экономическое возрождение России. 2019. № 3. С. 71–81. EDN: AYQIIY.

Аносов С. С. Социальная ответственность бизнеса: условия для консолидации // Социология. 2020. № 3. С. 69–82. EDN: UEVIXE.

Бобылев С. Н., Соловьева С. В. Новые цели для новой экономики // Мир новой экономики. 2016. № 1. С. 6–14. EDN: VPRJCF.

Вилли Л. В. Устойчивое развитие как стратегия корпоративной социальной ответственности // Инновации и инвестиции. 2022. № 4. С. 43–47. EDN: GMTDOR.

Гурьянова Н. М., Позубенкова Э. И., Рассыпнова Ю. Ю. Оценка качества жизни населения как основы формирования социальной ответственности бизнеса // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Сельскохозяйственные науки. Экономические науки». 2021. Т. 7, № 3. С. 275–283. https://doi.org/10.30914/2411-9687-2021-7-3-275-283. EDN: RPOGPW.

Еремеева О. С. Роль инвестиционного паспорта в информировании бизнеса о территории (на примере регионов Сибирского федерального округа) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 1. С. 143–164. https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-1-143-164. EDN: MJJGNL.

Заборова Е. Н. Предпринимательство в малых городах Урала // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 232, № 6. С. 254–268. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-232-6-254-268. EDN: LDWAMW.

Измайлова М. А. Устойчивое развитие как новая составляющая корпоративной социальной ответственности // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. Т. 12, № 2. С. 100–113. https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.2.100-113. EDN: LHRQRU.

Карандасова Я. В. Потенциальные траектории регионального развития социальной ответственности бизнеса в условиях санкционной политики (на материалах Краснодарского края) // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2023. № 3. Ст. № 1. EDN: PVFTNJ. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54622307 (дата обращения: 20.06.2024).

Кузнецов А. О. Развитие принципа корпоративной социальной ответственности // Московский экономический журнал. 2020. № 9. 260–263. https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10608. EDN: MDVBKE.

Куконков П. И., Устинкин С. В. Местное самоуправление как фактор сохранения и развития малого города // Власть. 2022. Т. 30, № 6. С. 20–29. https://doi.org/10.31171/vlast.v30i6.9329. EDN: EYEKVC.

Лерман Е. Б., Соловьева О. Б. Формирование финансовой культуры в России: проблемы и пути решения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 1. С. 130–143. https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10007. EDN: BTXRKL.

Макарова Г. И. Стратегии акторов городского развития и целевой образ нестоличных промышленных городов Татарстана // Мир России. 2024. Т. 33, № 3. С. 118–140. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-3-118-140. EDN: ANRQFZ.

Маркин В. В., Малышев М. Л., Землянский Д. Ю. Малые города России: комплексный мониторинг развития. Часть 1 // Мониторинг правоприменения. 2019. № 4. С. 46–55. https://doi.org/10.21681/2226-0692-2019-4-46-55. EDN: AQWSCL.

Орлов С. Н., Рябинин Ю. С. Оценка влияния фактора доверия на результативность институциональных механизмов адаптации населения в условиях динамичных изменений // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2023. Т. 3, № 1. С. 52–62. https://doi.org/10.34130/2070-4992-2023-3-1-52. EDN: WNODXA. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50488935 (дата обращения: 20.06.2024).

Попова А. В., Симонова М. М. Теоретико-методологические основы анализа социально ответственной деятельности // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 1. С. 104–113. EDN: XPAAKG.

Поподько Г. И., Нагаева О. С., Шишацкий Н. Г. Роль крупных компаний в снижении бедности и социального неравенства населения ресурсного региона // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 7. С. 987–1000. https://doi.org/10.17516/1997-1370-0903. EDN: DSVACG.

Рогач О. В., Фролова Е. В. Оценка деятельности органов власти по развитию социальной инфраструктуры урбанизированных пространств // Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 3. С. 516–535. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-516-535. EDN: HXRQUN.

Симакова А. В., Волков А. Д., Тишков С. В. Экологические и социальные аспекты деятельности градообразующего предприятия в арктическом моногороде (на примере Костомукши) // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. Т. 58, № 6. С. 149–169. https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-6-9. EDN: ZNXLHG.

Фролова Е. В., Рогач О. В. Влияние экономических санкций на социальное благополучие россиян в регионах // Российский экономический журнал. 2023. № 6. С. 101–116. https://doi.org/10.52210/0130-9757_2023_6_101. EDN: IJIABK.

Шамин А. Е., Проваленова Н. В. Организационно-экономические условия развития социальной инфраструктуры сельских территорий // Вестник НГИЭИ. 2020. № 2. С. 77–89. EDN: XAKNZN.

Юрьева Т. В. Социальная инфраструктура в системе целей устойчивого инклюзивного развития // Вестник Академии знаний. 2022. № 2. С. 340–348. EDN: JWRUYJ.

Яхнеева И. В., Лесковская А. В. Корпоративная социальная ответственность малого и среднего бизнеса до и после пандемии // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 5. С. 1745–1756. https://doi.org/10.18334/ce.15.5.112154. EDN: VVPYWI.

de Mendonça H. F., Almeida A. F. G. Importance of credibility for business confidence: Evidence from an emerging economy // Empirical Economics. 2019. Vol. 57. P. 1979–1996. https://doi.org/10.1007/s00181-018-1533-5.

Horton A., Penny J. Towards a political economy of social infrastructure: contesting "Anti-social infrastructures" in London // Antipode. 2023. Vol. 55, № 6. P. 1711–1734. https://doi.org/10.1111/anti.12955.

Kim Y.-K., Kim D. Role of social infrastructure in social isolation within urban communities // Land. 2024. Vol. 13, № 8. Art. № 1260. https://doi.org/10.3390/land13081260.

Nicoletti L., Sirenko M., Verma T. Disadvantaged communities have lower access to urban infrastructure // Environment and Planning B. 2022. Vol. 50, № 3. P. 831–849. https://doi.org/10.1177/23998083221131044.

Sanggoro H. B., Alisjahbana S. W., Mohamad D. Environment and social framework: Compromise of interest as social conflicts resolution in infrastructure projects // International Journal of Sustainable Development and Planning. 2023. Vol. 18, № 1. P. 127–137, https://doi.org/10.18280/ijsdp.180113.

Информация об авторе

О. В. Рогач – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 125167, Россия, г. Москва, пр-т Ленинградский, 49/2

SPIN-код (РИНЦ): 2618-6681

AuthorID (РИНЦ): 800637

Web of Science ResearcherID: W-4432-2017

Scopus Author ID: 57191411110

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.07.2024; одобрена после рецензирования 30.10.2024; принята к публикации 30.10.2024.

Reference

Aleksandrova, O. A. (2019), "Providing the atmosphere of trust as a condition of economic development", *The Economic Revival of Russia*, no. 3, pp. 71–81, EDN: AYQIIY.

Anosov, S. S. (2020), "Social responsibility of business: Conditions for consolidation", *Sociology*, no. 3, pp. 69–82, EDN: UEVIXE.

Bobylev, S. N. and Solovyova, S. (2016), "New targets for the new economy", *The World of New Economy*, no. 1, pp. 6–14, EDN: VPRJCF.

Willie, L. W. (2022), "Sustainable development as a strategy for corporate social responsibility", *Innovation & Investment*, no. 4, pp. 43–47, EDN: GMTDOR.

Guryanova, N. M., Pozubenkova, E. I. and Rassypnova, Y. Y. (2021), "Assessment of the quality of life of the population as the basis for the formation of business social responsibility", *Vestnik of Mari State University. Chapter "Agriculture. Economics"*, vol. 7, no. 3, pp. 275–283, https://doi.org/10.30914/2411-9687-2021-7-3-275-283, EDN: RPOGPW.

Eremeeva, O. S. (2024), "The role of investment passport in informing businesses about the territory (an example from the regions of the Siberian Federal District)", *Public Administration Issues,* no. 1, pp. 143–164, https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-1-143-164, EDN: MJJGNL.

Zaborova, E. N. (2021), "Entrepreneurship in small towns of the Urals", *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, vol. 232, no. 6, pp. 254–268, https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-232-6-254-268, EDN: LDWAMW.

Izmailova, M. A. (2021), "Sustainable development as a new component of corporate social responsibility", *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, vol. 12, no. 2, pp. 100–113, https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.2.100-113, EDN: LHRQRU.

Karandasova, Ya. V. (2023), "Potential regional trajectories of corporate social responsibility's development in the context of sanctions policy (on the materials of the Krasnodar territory)", *Regional economy and management: electronic scientific journal*, no. 3, art. no. 1, EDN: PVFTNJ [Online], available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54622307 (Accessed Jun. 20, 2024).

Kuznetsov, A. O. (2020), "Development of the principle of corporate social responsibility", *Moscow Economic Journal*, no. 9, pp. 260–263, https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10608, EDN: MDVBKE.

Kukonkov, P. I. and Ustinkin, S. V. (2022), "Local self-government as a factor in the preservation and development of a small town", *Vlast' (The Authority)*, vol. 30, no. 6, pp. 20–29, https://doi.org/10.31171/vlast.v30i6.9329, EDN: EYEKVC.

Lerman, E. B. and Solovieva, O. B. (2020), "Formation of financial culture in Russia: Problems and solutions", *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 1, pp. 130–143, https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10007, EDN: BTXRKL.

Makarova, G. I. (2024), "The strategies of city development actors and the target image of non-capital industrial cities in Tatarstan", *Universe of Russia*, vol. 33, no. 3, pp. 118–140, https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-3-118-140, EDN: ANRQFZ.

Markin, V. V., Malyshev, M. L. and Zemlianskii, D. Yu. (2019), "Small cities of Russia: An integrative monitoring of development. Part 1", *Monitoring of Law Enforcement*, no. 4, pp. 46–55, https://doi.org/10.21681/2226-0692-2019-4-46-55, EDN: AQWSCL.

Orlov, S. N. and Ryabinin, Yu. S. (2023), "Assessment of the trust factor on the effectiveness of institutional mechanisms of adaptation of the population

in conditions of dynamic changes", *Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North. Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*, vol. 3, no. 1, pp. 52–62, https://doi.org/10.34130/2070-4992-2023-3-1-52, EDN: WNODXA [Online], available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50488935 (Accessed Jun. 20, 2024).

Popova, A. V. and Simonova, M. M. (2021), "Theoretical and methodological foundations of the analysis of socially responsible activities", *Social and Humanitarian Knowledge*, no. 1, pp. 104–113, EDN: XPAAKG.

Popodko, G. I., Nagaeva, O. S. and Shishatsky, N. G. (2022), "The impact of large mining corporations on reducing poverty and social inequality in resource-based regions", *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences,* vol. 15, no. 7, pp. 987–1000, https://doi.org/10.17516/1997-1370-0903, EDN: DSVACG.

Rogach, O. V. and Frolova, E. V. (2023), "Evaluating the activities of the authorities in developing social infrastructure of urbanized spaces", *Ars Administrandi,* vol. 15, no. 3, pp. 516–535, https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-516-535, EDN: HXRQUN.

Simakova, A. V., Volkov, A. D. and Tishkov, S. V. (2023), "Environmental and social aspects of a city-forming enterprise activity in arctic individual city (evidence of Kostomuksha)", *Moscow University Economics Bulletin*, vol. 58, no. 6, pp. 149–169, https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-6-9, EDN: ZNXLHG.

Frolova, E. V. and Rogach, O. V. (2023), "The impact of economic sanctions on the social well-being of Russians in the regions", *Russian Economic Journal*, no. 6, pp. 101–116, https://doi.org/10.52210/0130-9757_2023_6_101, EDN: IJIABK.

Shamin, A. Ye. and Provalenova, N. V. (2020), "Organizational and economic conditions for the development of social infrastructure in rural areas", *Bulletin NGIEI*, no. 2, pp. 77–89, EDN: XAKNZN.

Yurieva, T. V. (2022), "Social infrastructure in the system of sustainable inclusive development goals", *Bulletin of the Academy of Knowledge*, no. 2, pp. 340–348, EDN: JWRUYJ.

Yakhneeva, I. V. and Leskovskaya, A. V. (2021), "Corporate social responsibility of small and medium-sized businesses before and after the pandemic", *Creative Economy*, vol. 15, no. 5, pp. 1745–1756, https://doi.org/10.18334/ce.15.5.112154. EDN: VVPYWI.

de Mendonça, H. F. and Almeida, A. F. G. (2019), "Importance of credibility for business confidence: Evidence from an emerging economy", *Empirical Economics*, vol. 57, pp. 1979–1996, https://doi.org/10.1007/s00181-018-1533-5.

Horton, A. and Penny, J. (2023), "Towards a political economy of social infrastructure: contesting "Anti-social infrastructures" in London", *Antipode*, vol. 55, no. 6, pp. 1711–1734, https://doi.org/10.1111/anti.12955.

Kim, Y.-K. and Kim, D. (2024), "Role of social infrastructure in social isolation within urban communities", *Land*, vol. 13, no. 8, art. no. 1260, https://doi.org/10.3390/land13081260.

Nicoletti, L., Sirenko, M. and Verma, T. (2022), "Disadvantaged communities have lower access to urban infrastructure", *Environment and Planning B*, vol. 50, no. 3, pp. 831–849, https://doi.org/10.1177/23998083221131044.

Sanggoro, H. B., Alisjahbana, S. W. and Mohamad, D. (2023), "Environment and social framework: Compromise of interest as social conflicts resolution in infrastructure projects", *International Journal of Sustainable Development and Planning*, vol. 18, no. 1, pp. 127–137, https://doi.org/10.18280/ijsdp.180113.

Information about the author

O. V. Rogach – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia

SPIN code (RSCI): 2618-6681

AuthorID (RSCI): 800637

Web of Science ResearcherID: W-4432-2017

Scopus Author ID: 57191411110

The author declare no conflicts of interest.

The article was submitted on 09.07.2024; approved after reviewing 30.10.2024; accepted for publication 30.10.2024.

Научное издание

ARS ADMINISTRANDI (Искусство управления)

2025. Т. 17, № 2 (200–420)

Редакторы – *Т. И. Ускова, Е. А. Троицкая*
Корректоры – *И. Р. Саматов, А. А. Костарева*
Переводчик – *М. Г. Мильман*
Компьютерная верстка – *И. Р. Смолянин*, *И. Р. Саматов*

Дата выхода в свет 16.06.2025. Формат 70x100/16
Усл. печ. л. 18,7. Тираж 500 экз. Заказ № 324 425

Редакция научного журнала "Ars Adminisrandi" («Искусство управления»)
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
кафедра государственного и муниципального управления
тел. (342) 239-66-89
ars-administrandi.com
e-mail: arsadmag@yandex.ru

Управление издательской деятельностью
Пермского государственного национального исследовательского университета
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в ООО «АСТЕР ДИДЖИТАЛ»
614000, Пермский край, г. Пермь, ул. Пермская, 46
тел. (342) 206-06-86

Распространяется бесплатно